

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

89

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

89

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*

Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев.

Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт.

Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

ПАМЯТИ Н. Н. ПОГРЕБОВОЙ

Настоящий выпуск¹ Кратких сообщений Института археологии АН СССР посвящен исследованиям в области истории и археологии Юга СССР скифо-сарматского времени. История предскифского периода также отражена в данном сборнике. Этими вопросами в течение многих лет занималась Надежда Николаевна Погребова, старший научный сотрудник Института археологии, ученый с широким кругом научных интересов.

В 1924 г. Н. Н. Погребова окончила факультет общественных наук Первого Московского государственного университета. Музейная и археологическая деятельность ее началась в стенах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, куда Надежда Николаевна поступила в 1935 г. экскурсоводом античного отдела. С 1941 г. по 1946 г. Н. Н. Погребова была старшим научным сотрудником этого отдела.

Научная работа Надежды Николаевны в этот период носила преимущественно искусствоведческий характер. Некоторые ее исследования, хранящиеся в рукописном фонде ГМИИ, связаны с изучением коллекций музея. Уделяя большое внимание экскурсионной работе, Надежда Николаевна подготовила ряд методических разработок экскурсий и лекций по античной культуре и искусству.

С 1943 г. Н. Н. Погребова проходила аспирантуру в ИИМК АН СССР и в 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации». В том же году Надежда Николаевна перешла на работу в ИИМК, в сектор античной археологии.

Еще до поступления в ИИМК, в качестве сотрудника Тавро-Скифской экспедиции, Н. Н. Погребова вела раскопки уникального памятника —

Н. Н. Погребова (9 февраля 1902 г.—
4 февраля 1960 г.)

¹ Для этого выпуска были также представлены статьи И. С. Каменецкого, Е. И. Крупнова, А. М. Лескова, Н. Л. Членовой, Д. Б. Щелова, Б. А. Шрамко, поместить которые не оказалось возможным из-за недостатка места. Статьи перечисленных авторов редакция КСИА постарается поместить в следующих выпусках Кратких сообщений Института археологии.

мавзолея Неаполя Скифского. В 1959 г. ею подготовлено подробное исследование богатого и многообразного материала по мавзолею под названием «Погребения мавзолея Неаполя Скифского».

С выделением сектора скифо-сарматской археологии Надежда Николаевна становится его сотрудником. В 1949 г. она обращается к разработке большой темы, связанной с поздним периодом развития скифской культуры Нижнего Поднепровья. В течение ряда лет Н. Н. Погребова проводит полевые работы на этой территории. Результатом явилось фундаментальное исследование «Позднескифские городища на Нижнем Днестре», в котором Надежда Николаевна первой удалось воссоздать картину жизни нижнеднепровского населения эпохи позднего скифского царства.

Продолжая заниматься позднескифской тематикой, Н. Н. Погребова вместе с тем приступает к изучению предскифских памятников Северо-Западного Причерноморья. В 1956—1959 гг. ею исследованы два поселения — в Пересадовке и Анатольевке, материал которых вносит существенные дополнения в наши представления о культуре эпохи поздней бронзы этого района. Внезапная смерть прервала успешно начатые плодотворные изыскания. Личный архив Надежды Николаевны свидетельствует о значительной работе, сделанной ею над темой «Памятники предскифского и скифского времени в Поингулье и Тилигуло-Березанской степи».

Нельзя обойти вниманием и ряд интересных статей обзорного и критического характера, написанных Н. Н. Погребовой. С богатой эрудицией и прекрасным знанием материала в них освещаются общие проблемы скифологии и отдельные ее вопросы.

Надежду Николаевну отличали исключительное трудолюбие и самоотверженность в работе. Будучи в течение многих лет ученым секретарем скифо-сарматского сектора, она вела большую организационную работу. Руководство Института археологии неоднократно отмечало ее успешную научную и общественную деятельность.

4 февраля 1960 г. на 58-м году жизни Надежда Николаевна Погребова скончалась. Она ушла от нас в расцвете творческих сил. Все, кто знал Надежду Николаевну и работал с ней, навсегда сохраняют память о ней как о человеке, отдавшем все силы любимому делу, как о скромном и отзывчивом товарище высочайших душевных качеств.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. Н. ПОГРЕБОВОЙ

- Обзор иностранных археологических журналов. ВДИ, 1946, № 1, стр. 189—205.
- Находки в мавзолее Неаполя Скифского. «Памятники искусства». Бюллетень Государственного музея изобразительных искусств, № 2, М., 1947, стр. 31—36, илл.
- Мавзолей Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 22—32, илл.
- Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 62—67, илл.
- Обзор археологических раскопок в Греции за послевоенные годы. ВДИ, 1950, № 3, стр. 212—221.
- К вопросу о скифском зверином стиле. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 129—141.
- К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. СА, XVIII, 1953, стр. 285—291.
- Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. В сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 3—38.
- Работы Скифской степной экспедиции на Нижнем Днепре. КСИА АН УССР, вып. 4, Киев, 1955, стр. 78—80.
- Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 94—97, илл.
- К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ. КСИА АН УССР, вып. 7, Киев, 1959, стр. 67, 68.
- Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского. В сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 142—154, илл.
- О работе сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в 1956 г. КСИИМК, вып. 72, 1958.
- О некоторых исследованиях в области археологии раннего железного века за рубежом. СА, 1958, № 3, стр. 261—268.
- Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 103—247, илл.
- Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 21—34, илл. (В соавторстве с Н. Г. Елагиной).
- Рецензия на книгу: Т. Talbot Rice. The Scythians. New York, 1957. СА, 1959, № 2, стр. 274—277.
- Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 74—84, илл. (В соавторстве с Л. В. Кондрацким).
- Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4, стр. 76—90, илл.
- Погребения мавзолея Неаполя Скифского. МИА, № 96, 1961, стр. 103—213.
- Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961.
- Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 89, 1962, стр. 6—14. (в соавторстве с Н. Г. Елагиной).
- Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра. КСИА АН СССР, вып. 89, 1962, стр. 15—21 (последние две работы опубликованы посмертно).

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Н. Н. ПОГРЕБОВА и Н. Г. ЕЛАГИНА

РАБОТЫ В ТИЛИГУЛО-БЕРЕЗАНСКОМ РАЙОНЕ
В 1959 ГОДУ

В 1959 г. Западносифская экспедиция Института археологии АН СССР продолжила раскопки поселения у с. Анатольевки на Тилигульском лимане. Поселение относится к сабастиновской культуре. В предшествующие два года на раскопе I было вскрыто трёхкамерное жилище с каменными

На третий год работ общая площадь раскопа составила 750 кв. м. основаниями стен (помещения № 1—3)¹.

К востоку от ранее обнаруженного жилища прослежен развал основания каменной ограды, принадлежавшей какому-то подсобному помещению (может быть, — загону для скота). Севернее жилища открыты плохо сохранившиеся остатки вымостки и на ней — очаг того же типа, что в помещении № 2. На расстоянии 0,5 м от устья очага расчищены в ряд 11 обломков костей плеча и плюсны, принадлежавших корове и лошади².

Далее к северу от остатков вымостки (на расстоянии около 6 м от помещения № 1) вскрыто помещение № 4. В отличие от первых трех, оно углублено на 0,3 м в землю. В наземной части стены выложены камнем. От стен уцелел только нижний ряд шириной около 1 м. Сохранившаяся лучше других северная стена дает представление о характере кладки из двух рядов крупноблочных панцирей, — не всегда, впрочем, выдержанных, — с забутовкой мелким камнем. Северо-восточный угол здания имеет выступ размерами 1,1 × 1 м. Он ограничен поставленными на ребро плитами. Пространство внутри выступа заполнено мелким бутом. Аналогичная деталь прослеживается в юго-западной части стены. Форма помещения неправильная, подпрямоугольная. Размеры его — 6,5 и 5,2 м. Вход — с юго-востока. Внутри помещения, ближе к западной стене, обнаружен очаг, аналогичный по конструкции двум первым (рис. 1—1). Подом ему служила большая плита. Около устья, расположенного с запада, находилась вымостка из мелких плит. Очаг обложен небольшими, поставленными на ребро, плитами.

В северо-западном углу помещения расчищены остатки слегка углубленного в пол очага-жаровни. Сохранился обломок края жаровни. Форма ее округлая. В северо-восточной части помещения находилась яма, заполненная мусором и камнями³. Обломки камней в нижней части заполнения носили следы действия огня. Помимо незначительного количества керамики и костей животных, в яме найдены обломок обушной части сверленого топора-молота и 12 мелких кусочков каменной литейной формы.

¹ Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК, вып. 78, 1960; Н. Н. Погребова. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 году. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961.

² Определение В. И. Цалкина.

³ Яма — округлая в плане, глубиной 0,53 м. Диаметры: горловины — 0,65 и 0,8 м. по дну — 1,23 и 1,15 м.

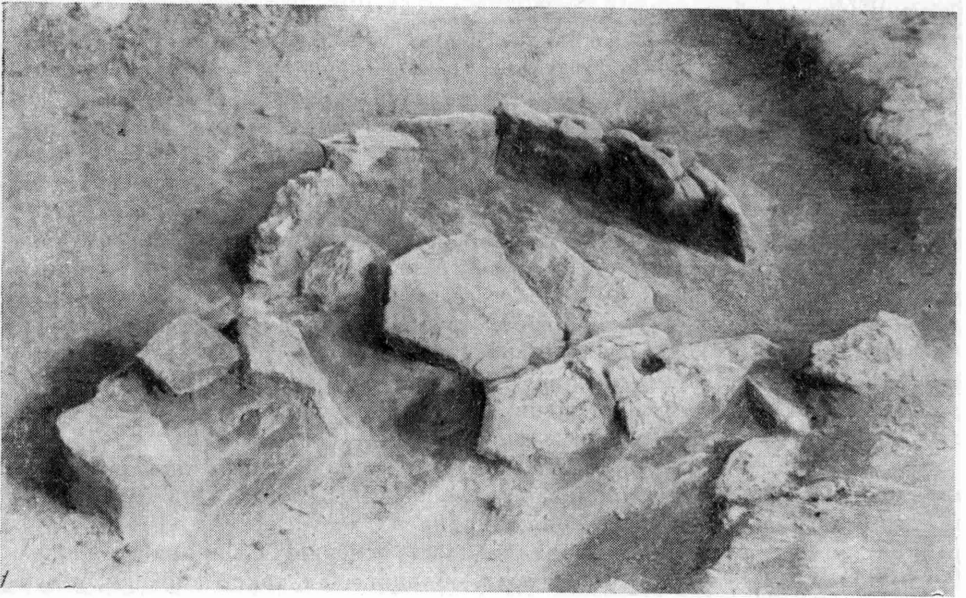

Рис. 1. Анатолевка.

Очаг из помещения № 4 первого раскопа (1); вид на помещение № 1 третьего раскопа (2).

В 1959 г. на поселении был исследован также новый участок (раскоп III), отстоящий от первого на расстоянии 80 м к западу. Раскоп находился вблизи края плато. Здесь вскрыты часть зольника и прилегающие к нему каменные постройки.

Зольничный холм имел округлую форму, диаметром около 20 м при высоте 0,7 м. Вскрыта приблизительно третья его часть. Слой зольника состоял из сильно слежавшейся золы с незначительной примесью лёсса. Поверхность его была перекрыта навалом мелкого известняка. Зольник подстилает погребенная почва. Ям или остатков жилища под вскрытой частью зольника не обнаружено. Насыщенность его находками незначительная; преимущественно это обломки костей животных⁴.

Одновременно с зольником или позднее у северного его края возникло каменное здание, вре́завшееся своим юго-восточным углом в зольник. Это сооружение (помещение № 1), благодаря его хорошей сохранности, дает возможность довольно полно охарактеризовать приемы и технику строительства (рис. 1—2). Помещение ориентировано по странам света. В плане оно имеет вид слабо выраженной трапеции, основанием которой служила западная стена. Размеры помещения — 3,5 и 5 м (рис. 2—1). Пол помещения углублен в материк до наскальной корки (в среднем на 0,3 м).

Углубленность жилища по отношению к уровню погребенной почвы составляла 0,5—0,6 м. Пол промазан глиной. Стены состояли из внутреннего и внешнего рядов кладки. Общая ширина их достигала 0,9—0,1 м. Внутренняя, более регулярная кладка являлась основной. Ширина ее — 0,3—0,4 м. Возводилась она от уровня пола, облицовывая, таким образом, углубленную часть жилища. Кладка сложена из плитчатого камня, положенного плашмя. Строгая горизонтальность рядов отсутствовала. Щели между крупными плитами заложены мелким камнем (рис. 2—2). Кладка восточной стены в углах помещения сохранилась в высоту до 0,95 м. На северном конце она выходила за пределы контуров жилища, а на южном — смыкалась с внутренней кладкой южной стены. Большинство торцовых плит этих кладок соприкасалось впритык, однако в некоторых ярусах прослеживались плиты, положенные на угол, что объединяет обе кладки в одно целое. На западном конце линия кладки южной стены сливалась с юго-западным выступом помещения, лежавшим уже в погребенной почве. Внутренняя кладка северной стены примыкала впритык к восточной и западной. От последней сохранился лишь небольшой участок.

Внешняя кладка стен помещения довольно беспорядочна и носит подсобный характер. Так, в большей части основания ее на восточном участке отмечен слой золы с мелким камнем, взятый из зольника. Однако местами прослежены небольшие, поставленные на ребро плиты, впущенные в предматериковый слой. На южном участке основание внешней кладки составляли несколько крупных плит, лежавших на погребенной почве. Пространство между ними и внутренней кладкой заполнено золистой землей и мелким камнем. Внешняя кладка северной стены более основательна. От нее сохранилось несколько рядов (вверх) крупных плит и камней. Пространство между этим рядом и внутренней кладкой было плотно забито мелкими плитами, лежавшими в золистом слое. Зола прослежена и под плитами основания внешней кладки, которое находилось на том же уровне, что и основание внутренней кладки.

Характерная особенность описываемого помещения — наличие с наружной стороны его углов выступов-контрфорсов, которые прослеживаются менее четко в помещении № 4 раскопа I⁵. Северо-восточный контрфорс, состоящий из продолжения внутренней кладки и двух крупных камней

⁴ Среди костей — черепá лошади, лисицы и скелет собаки (определение В. И. Цалкина).

⁵ Северо-западный угол помещения уходит в борт раскопа, однако вполне вероятно, что и здесь имелся выступ.

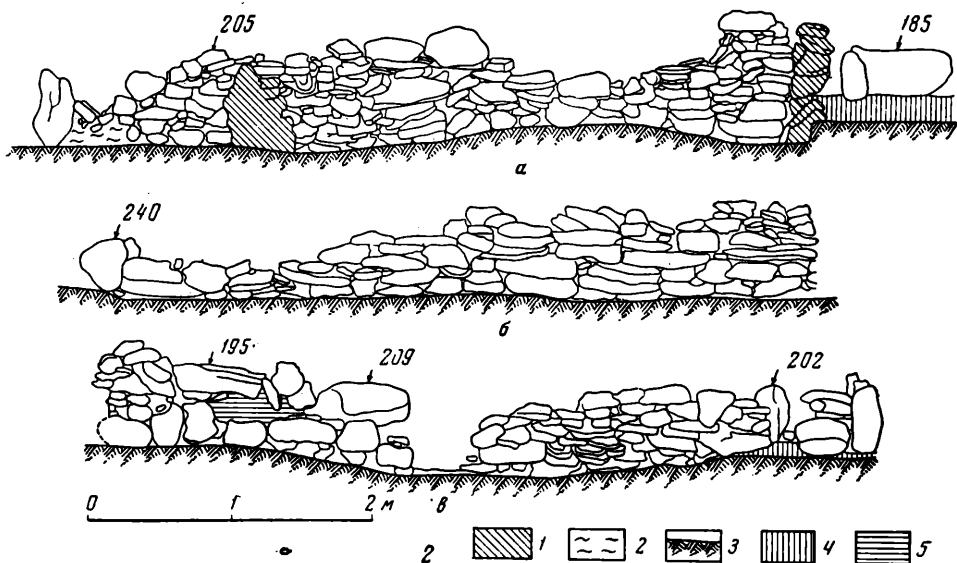
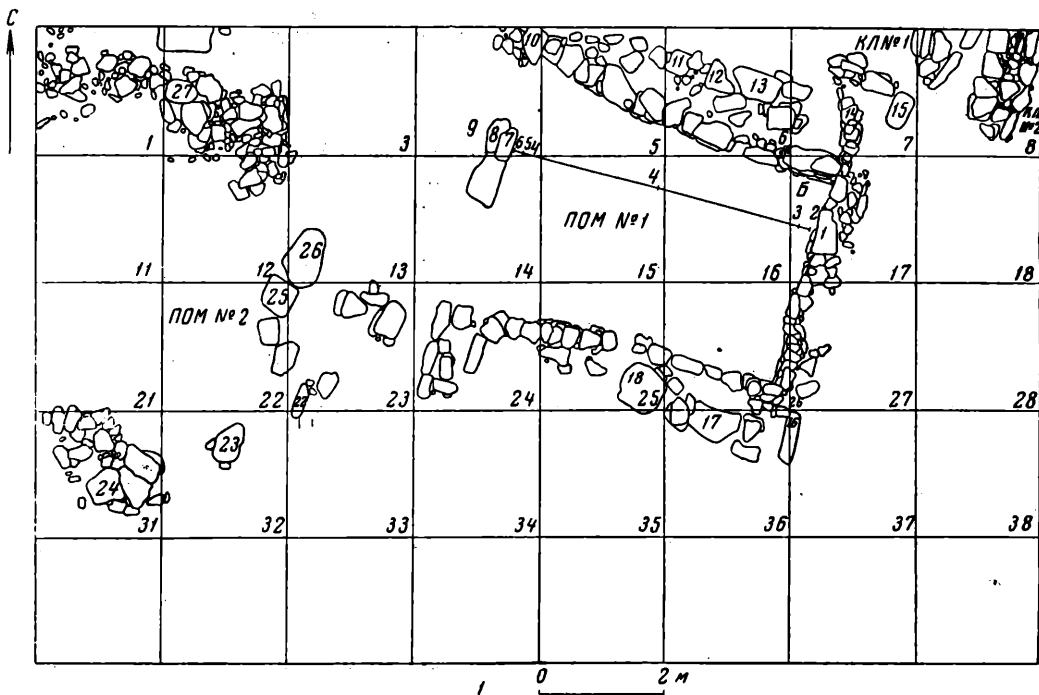

Рис. 2. Анатолевка. План и разрезы помещений.

1 — план помещения № 1 и № 2 третьего раскопа; 2 — фасировка стен помещения (а — восточной; б — северной; в — южной).

1 — разрез кладки; 2 — зола; 3 — материк; 4 — предматериковый слой; 5 — перспективное изображение поверхности предматерикового слоя

внешней кладки восточной стены, замыкают две большие, поставленные на ребро плиты. Выступ юго-восточного угла, размерами $0,9 \times 1$ м, образован из нескольких средних и крупных камней, уложенных на ребро. Юго-западный контрфорс составляют два ряда плит, поставленных на ребро, пространство между которыми заполнено плитами, положенными плашмя. Общие размеры выступа — $0,6 \times 0,9$ м.

Следов очажных сооружений на полу помещения не обнаружено. Вход находился в западной стене и начинался непосредственно от юго-западного угла здания. Нижняя часть заполнения помещения состояла из каменной завала стены, находившегося в плотном слое слежавшейся золы с незначительным количеством находок (толщина слоя — $0,4-0,5$ м). По-видимому, в период разрушения жилища его некоторое время использовали для сыпки золы. Затем эти остатки были перекрыты слоем земли темно-коричневого цвета, лишенным находок.

К северу от помещения № 1 в борт раскопа уходит новое помещение, конструктивно с ним связанное. В западной части раскопа частично вскрыто помещение № 2, сохранившееся очень плохо. Пол его также углублен в землю, а каменные стены возводились от уровня древней поверхности.

Анатолевское поселение расположено на плато и подходит к левому склону балки, впадающей в Тилигульский лиман. Расстояние от поселения до лимана — 5 км. Тщательное обследование поверхности, занятой поселением, позволило установить примерную его площадь, составляющую 2—2,5 га. Культурный слой слабо насыщен вещественными остатками. Толщина его в местах, не занятых завалом построек и зольником, не превышает двух штыков. Керамический материал на всех исследованных участках вполне однороден. Он представлен следующими типами:

1. Сосуды сабастиновской формы. Это самая многочисленная группа. Сосуды характеризуются более или менее отогнутым краем, плавно переходящим в умеренно раздутое тулово. Шейка и плечи не выделены (рис. 3—1—3).

2. Сосуды баночной формы. Значительно уступают по количеству первым и по существу представляют вариант этого типа. Края сосудов направлены вертикально или слегка отогнуты, стенки прямые или слабо расходятся в стороны (рис. 3—4,5). Цвет сосудов серый, серо-желтый, желтый. Поверхности в большинстве случаев затерты или заглажены, иногда залощены. Тесто, как правило, имеет плотную структуру с измельченными примесями. Среди последних — известь, песок, изредка шамот. Около 70% сосудов этой группы украшены налепными валиками, для которых характерно расположение на 2—3 см ниже края. Чаще всего валики невысокие, островатые в сечении. Более половины их — без орнамента, меньшая часть расчленена косыми насечками или отпечатками пальца. Только в двух случаях отмечен орнамент в виде отпечатков зубчатого штампа. На одном обломке сосуда баночной формы — два гладких валика, расположенных один под другим. Встречаются валики с несомкнутыми, опущенными вниз концами.

3. Сосуды с выделенной шейкой и плечами. В материале Анатолевки есть небольшая группа сосудов с довольно высоким горлом, четко переходящим в округлое тулово. Валиковый орнамент на этих сосудах отсутствует. Устья — диаметром 20—25 см. Много обломков этих сосудов происходит из нижнего слоя заполнения и забутовки северной стены в помещении № 1 раскопа III. На тулове одного из них нанесен орнамент в виде мягко прочерченной волнистой линии (рис. 3—6,7). Сосуды этого типа характерны для позднего этапа развития сабастиновской культуры⁶.

4. Черпаки с ручками. Эти сосуды также относятся к основной керамической группе. Ручки их — двоякой формы: с невысоким, уплощенным

⁶ Аналогичные сосуды встречаются в Эмеевке, Бабине IV, Пересадовке.

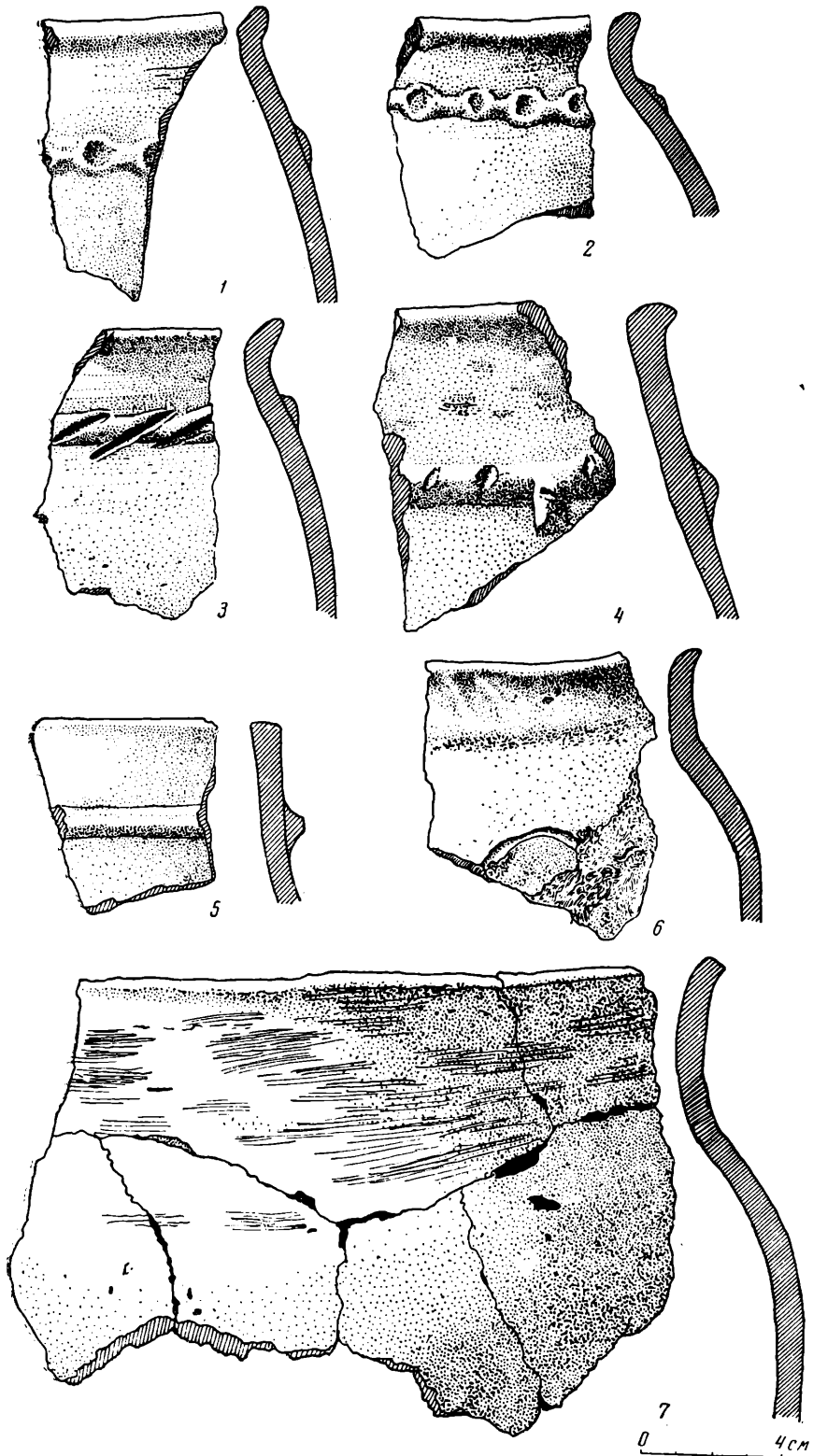

Рис. 3. Анатолевское поселение.
Фрагменты сосудов (1—7).

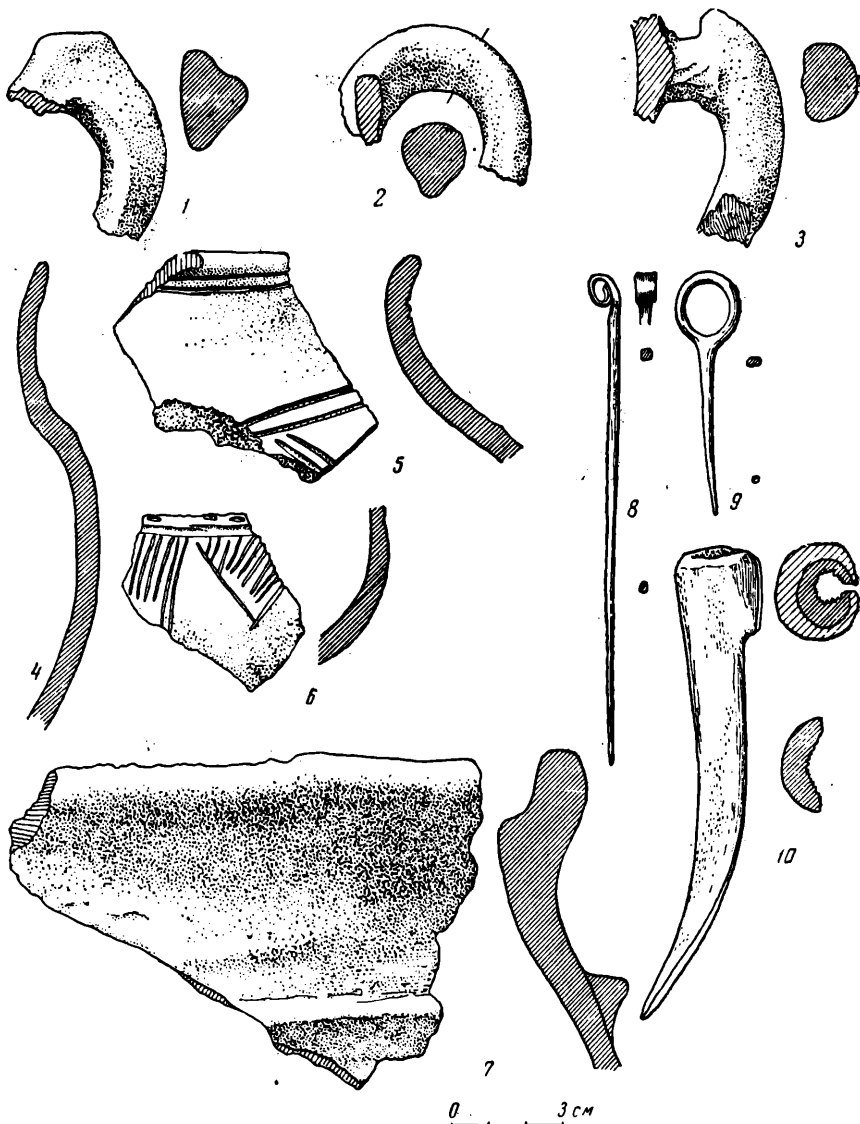

Рис. 4. Керамика и другие находки с Анатольевского поселения.

1—3 — ручки черпаков; 4—6 — обломки кубков; 7 — фрагмент сосуда с внутренним упором для крышки; 8, 9 — бронзовые булавки; 10 — костяное орудие.

сверху выступом или петлевидные (рис. 4—1,2). Единична находка ручки с коническим выступом (рис. 4—3). По качеству глины и обработке поверхности черпаки сходны с описанными выше группами. Хорошее лощение на них отсутствует. Чаще всего встречаются обломки с заглаженной поверхностью.

5. Сосуды типа кубков. За три года раскопок накопилось значительное количество материала, позволяющего говорить более определенно о некоторых формах этих сосудов. В основном это тонкостенные сосуды с более тщательно обработанной поверхностью. Многие из них покрыты лощением. Цвет серый и желтый.

При расчистке северной стены и нижней части заполнения помещения № 4 в раскопе I обнаружены два обломка верхних частей кубков, совершенно сходных по профилю и отличающихся лишь размерами. Для них

характерны высокое цилиндрическое горло и округлое тулово. Место перехода шейки в плечо подчеркнуто небольшим выступом (рис. 4—4). Сосуды покрыты двусторонним серым лощением невысокого качества. Некоторую аналогию им мы находим в керамике левобережья Нижнего Днепра⁷. Помимо описанной формы, у некоторых сосудов этой группы отмечены слегка отогнутый край и более плавный, без выступа, переход от шейки к плечам. На пяти обломках имеется резной орнамент в виде пояска из заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз (рис. 4—5,6). Керамика с подобным орнаментом встречается на сабаатиновских поселениях позднего периода. Находки таких сосудов известны в Эмеевке и Бабине IV. Значительное количество их происходит из последних сборов Николаевского областного музея в урочище Дикий Сад⁸.

Среди лощеных кубков Анатолевского поселения выделяются три обломка цилиндрических горл, покрытых черным блестящим лощением очень высокого качества (два из них найдены в слое зольника раскопа III и один — на полу помещения № 1 того же раскопа). Подобное лощение посуды в лесостепной полосе характерно для чернолесского и более позднего времени. Еще один тип кубков представлен тремя обломками, судя по которым, форма их близка баночной. Поверхность покрыта лощением темно-серого цвета.

6. Сосуды с ручками-упорами. В 1958 г. были найдены стенки сосудов с довольно массивными горизонтальными ручками-упорами, имеющими полуовальную форму. Внутренняя поверхность их залощена, внешняя — обработана менее тщательно⁹.

7. Сковороды-жаровни. Встречены в небольшом количестве. Есть среди них и разрезанные на части. Обломок одной разрезанной жаровни найден в нижнем слое заполнения помещения № 1 раскопа III. По-видимому, среди обломков, относимых нами к жаровням, некоторые принадлежат широким коническим мискам. На одной из них по обрезу края нанесен орнамент в виде косых насечек.

8. Крышки. Найдено небольшое количество фрагментов круглых плоских крышек, сделанных из грубо промешанного теста.

9. Сосуды с внутренним упором для крышки. Обломок одного такого сосуда опубликован¹⁰; обломок другого, найденный также в 1957 г., близок ему по форме. Из раскопок 1959 г. происходит фрагмент, принадлежавший массивному сосуду. Он опоясан по тулову гладким валиком (рис. 4—7). Подобные сосуды в других памятниках сабаатиновской культуры нам не известны.

Заканчивая перечень керамических групп Анатолевского поселения, упомянем некоторые архаические элементы в форме и орнаментации сосудов. Так, в незначительном количестве встречены обломки, поверхность которых обработана гребенчатым сглаживанием. Из зольника происходят два обломка стенок остроредерных сосудов, украшенных по сгибу рядом косых насечек. Поверхность одного из этих сосудов обработана гребенчатыми расчесами.

Четырьмя экземплярами представлены на поселении изделия из бронзы, обнаруженные в 1959 г. В раскопе I при расчистке остатков вымостки к северу от помещения № 1 найдены три булавки. Две из них имеют головку, спирально загнутую в полтора витка, третья — кольцевидную (рис. 4—

⁷ И. Фабрициус. Цилиндровидный посуд. ЛХМ, вып. 9. Херсон, 1929, табл. V. 15, 21.

⁸ Сборы Ф. Т. Каменского в 1956 г. Материал находится в Николаевском областном музее. Урочище расположено на территории г. Николаева.

⁹ В Поднестровье ручки-упоры появляются на сосудах в IX в. до н. э., бытуя в основном в VIII—VII вв. до н. э. Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала, Черновицкой области. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 101, 104.

¹⁰ Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Указ. соч., рис. 28, 3.

8, 9). Из завала здания № 2 раскопа III происходит четырёхгранное в сечении шило длиной 4 см. Перечисленные металлические изделия, в силу их длительного хронологического бытования, не дают возможности уточнить дату поселения¹¹.

Среди изделий из кости укажем тупики, обломки так называемых «расчесок»¹², пуговицу конической формы. С пола помещения № 1 раскопа III происходит орудие, напоминающее по форме кочедык. Оно сделано из трубчатой кости, рабочий конец заполирован. Длина инструмента — 12 см (рис. 4—10). В значительном количестве встречены обломки костей со следами спилов, срезов, полировки.

Каменные орудия представлены прежде всего обломками гранитных рестиральников и зернотерок. Два нижних камня зернотерок найдены в завале стен помещений № 1 и 2 в раскопе III. Обнаружены несколько пращевых камней и песчаниковый пестик. Выше упоминалось о находке в яме помещения № 4 обломка проушной части полированного молота и невыразительных кусочков литейной формы.

Среди костей животных первое место, по определению В. И. Цалкина, принадлежит лошади и крупному рогатому скоту. Мелкий рогатый скот представлен гораздо меньшим количеством экземпляров костей. Единичны находки костей свиньи и собаки.

Наличие на Анатолевском поселении каменного домостроительства, определенный керамический комплекс, типичный набор костяных и каменных орудий — все это находит аналогии во многих памятниках сабастиновской культуры Северо-Западного Причерноморья¹³.

Основные керамические группы Анатолевки имеют наибольшее сходство с керамикой Сабатиновского поселения¹⁴. Однако на Анатолевском поселении, наряду с сабастиновскими формами керамики, получили развитие и более поздние (сосуды с выделенной шейкой, лощеные кубки, резной орнамент и т. д.), известные в материале Бабина IV, Змеевки, Ушкалки, относимых к IX—VIII вв. до н. э. Вместе с тем наблюдаются существенные отличия в сравнении с керамикой Пересадовского поселения. Для последнего характерно абсолютное преобладание сосудов баночной формы, в орнаментации которых значительное место занимают массивные валики с глубокими пальцевыми вдавлениями. Эта орнаментика ставит керамику Пересадовского поселения в непосредственную связь с раннескифской керамикой и позволяет доводить время его бытования до VII в.¹⁵ до н. э. Исходя из этого сравнительного анализа, мы считаем приемлемой для Анатолевского поселения датой IX в. — начало VIII в. до н. э.

¹¹ Булавки с кольцевидной головкой известны в Поднестровье в памятниках типа Ноа. Г. И. Смирнова. Указ. соч., стр. 105, рис. 39, 8; А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 131.

¹³ Некоторые технические приемы домостроительства, а также элементы планировки жилищ позволяют сравнивать Анатолевское поселение с Пересадовским и Змеевским (Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4, стр. 76 и сл.; А. В. Бураков. Раскопки в с. Змеевка, Херсонской области. КСИА АН УССР, вып. 4, Киев, 1955, стр. 109.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 124 и сл.

¹⁵ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 88—90.

Н. Н. ПОГРЕБОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
НА СКИФСКИХ ГОРОДИЩАХ НИЖНЕГО ДНЕПРА

Во время раскопок Скифской степной экспедицией ИИМК АН СССР городищ позднескифского времени на Нижнем Днепре там были обнаружены также некоторые памятники средневековой культуры, которые могут представить интерес для археологов-медиевистов и с этой целью нами публикуются. Памятники эти можно разделить на три группы: строительные остатки, погребения, отдельные находки.

На плане акрополя большого скифского городища в с. Каменка-Днепровская, Запорожской области, опубликованном Б. Н. Граковым¹, хорошо заметны четыре курганообразные насыпи, пересекающие центральную часть городища в направлении с востока — юго-востока на запад — северо-запад. Эти «курганы» были известны еще исследователям XIX в., причем, по словам современников, курганы разрывались местными крестьянами для добычи обожженного кирпича и тесаного камня, которые будто бы там находили. Ссылаются также обычно на предание о существовании в этом месте каких-то больших построек, в которых некоторые склонны были видеть дворец владельцев города²; другие же исследователи считали эти курганы «могилами скифских царей»³. При наших работах на Каменском акрополе, известном также под названием Знаменского городища⁴, мы обследовали три из этих насыпей, и оказалось, что в них скрываются развалины кирпичных построек золотоордынского времени.

В самой крупной насыпи № 1 (считая от берегового обрыва), на 1,2 м ниже ее вершины, обнаружены кирпичные основания большого, в основе своей прямоугольного здания, ориентированного с северо-востока на юго-запад, с выступами к юго-востоку. Здание не было прослежено до конца, так как оно занимало большую площадь, и открытие его задерживало исследование непосредственно интересовавших нас слоев скифского времени. Если раскрытые в юго-западной части раскопа (раскоп I, 1952 г.) остатки кирпичной кладки относятся к юго-западной стене здания (чего нельзя сказать с уверенностью, так как направление ее не соответствует направлению северо-восточной стены), то здание имеет в длину 16 м. Ширина его основной части — 6 м. Кирпичные основания покоились непосредственно на скифском культурном слое. На лучше сохранившихся участках кирпичной кладки можно было проследить, что по краям уложены целые кирпичи, а внутри — мелкие обломки кирпичного лома. Ширина кладки составляла

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 39, рис. 6.

² Н. Вертильяк. Описание Белоозерского городка. ЗООИД, IV, Одесса, 1858, стр. 143 и сл.; Ф. Брун. Черноморье, ч. II. Одесса, 1880, стр. 67.

³ Н. Вертильяк. Указ. соч., стр. 143.

⁴ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское). МИА, № 64, 1958.

1 м, но во многих местах кирпич выбран до основания, открывая постель кладки из плотной светлой глины. Лучше всего кладка сохранилась на углах здания, где она местами доходила до 6 кирпичей в высоту. Особой мощи достигала кладка юго-восточного выступа, где она стояла на площадке двухметровой ширины. Кирпичи — квадратные, плитчатые, золотоордынского типа, размером $20 \times 20 \times 5$ см, сложены на толстом слое глины толщиной до 5 см.

В главной части здания пространство между кладками основания было заполнено слоем светлой глинистой субструкции на высоту до 0,7 м. На поверхность этой субструкции были положены поперечные, тоже кирпичные кладки, по-видимому, — части внутренних стен здания, от которых сохранились лишь отдельные участки. Эти внутренние перегородки шли, однако, не параллельно друг другу, а по разным осям, что являлось, может быть, результатом перестройки. Тип кирпичей и принципы кладки внутренних стен такие же, как и у оснований здания, но ширина их значительно меньше — всего лишь 0,5 м.

Около одной из этих перегородок на поверхности субструкции сохранились остатки глинобитного пола в виде плотно утрамбованной прослойки светлой глины толщиной 2 см. На уровне пола замечены следы пожара — обгорелые кирпичи, уголь, зола и сажа. Здание, видимо, погибло от пожара. Верхние части стен дошли до нас в виде бесформенного развала кирпичей. Одни кирпичи были из красной, другие — из желтой глины; иногда на них были заметны следы шлакирования от огня. Некоторые кирпичи, с профилированной поверхностью или округло стесанным краем, производили впечатление декоративных архитектурных деталей. На многих кирпичах сохранились следы белой известковой массы, — вероятно, стены были оштукатурены с внутренней стороны.

Здание датируется найденной на уровне кладки оснований бронзовой монетой золотоордынского хана Абдуллаха, правившего с 1362 г. по 1369 г.⁵ Других находок в слое, связанном с остатками здания, оказалось исключительно мало, причем они относятся, главным образом, к скифскому времени, попав сюда, очевидно, в результате перекопа при постройке здания. Ко времени здания, кроме монеты, можно отнести только несколько фрагментов красноглиняной керамики, сделанной на круге, две свинцовые печатки и, может быть, железные гвозди. Здание имело, по-видимому, нежилое, а какое-то другое, возможно, военное назначение.

Судя по стратиграфии, вероятно, синхронна зданию опущенная в скифский слой небольшая конусовидная яма глубиной 0,42 м (диаметр устья — 0,6 м, дно — $0,35 \times 0,45$ м), обнаруженная на юго-западном квадрате площади Г. В заполнявшей яму мягкой золистой земле оказались лишь неопределенные обломки лепной и гончарной керамики.

Над развалинами кирпичного здания вскрыты остатки двух бревенчатых срубов на столбах, вбитых в средневековый слой и уходивших на 10 см ниже в слой скифского времени. Срубы датируются серебряной монетой крымского хана Селим-Гирея II, правившего в 1743—1748 гг. Монета чеканена в Бахчисарае⁶.

Развал и отдельные куски кладки из такого же золотоордынского кирпича, как в насыпи № 1, были обнаружены и в насыпях № 2 и 4. И здесь средневековые постройки находились непосредственно на скифском слое, а между насыпями никакого средневекового слоя не обнаружено. Видимо, в золотоордынское время здесь стояли отдельные здания, а в целом городище не было заселено.

Погребения. На территории Знаменского городища обнаружены позднекочевнические погребения. Наибольший интерес представляет

^{5,6} Монета определена С. А. Яниной.

Рис. 5. Вещи из женского погребения № 1 (1953 г.) на Знаменском городище (X—XII вв.)

1 — железная гривна, обвитая бронзовой пластинкой (уменьшено в $5\frac{1}{2}$ раз); 2—4 — подвески из лазурита; 5—8 — бусы из сердолика; 9 — две коралловые подвески; 10 — бусина из горного хрусталя; 11, 12 — бусы из стекла; 13—16 — бронзовые подвески (натур. вел.).

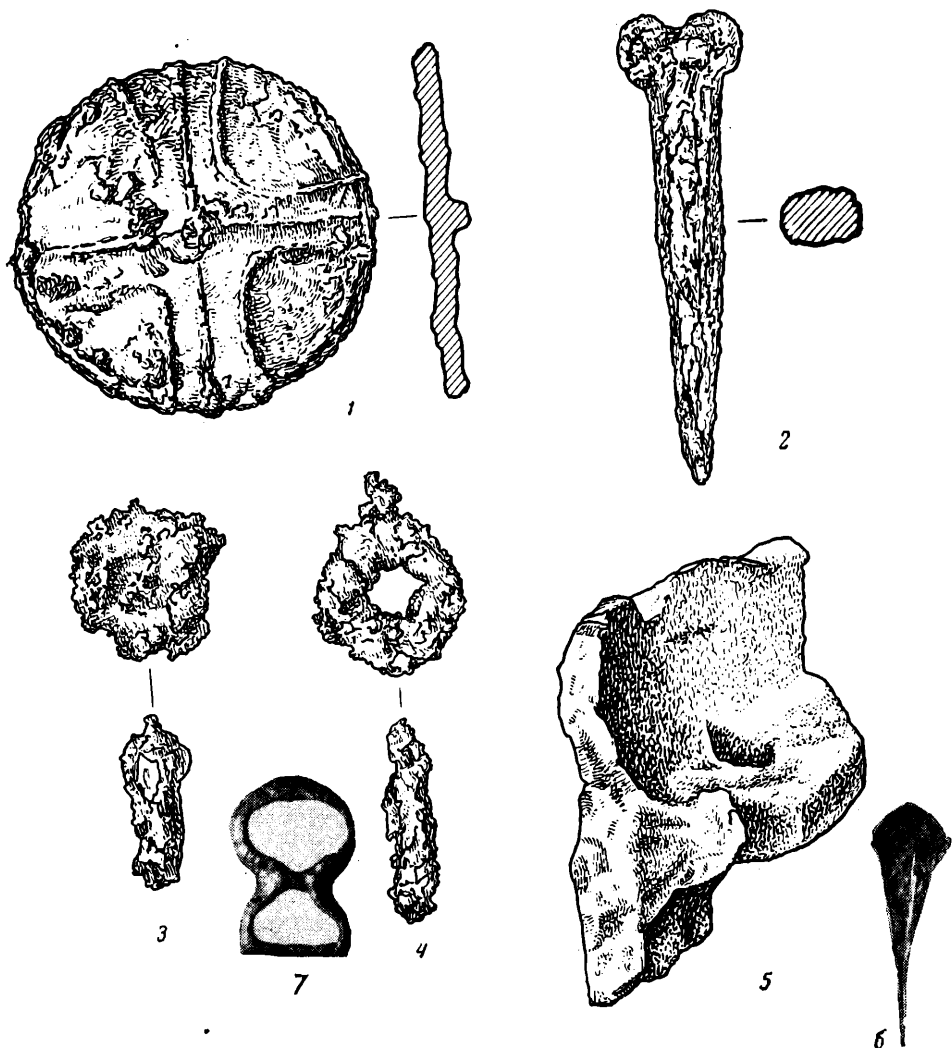

Рис. 6. Находки со Знаменского и Гавриловского городищ

1 — бронзовое зеркало; 2 — железный предмет; 3, 4 — железные пряжки (1—4 — из погребения № 1 1953 г. на Знаменском городище X—XII вв.); 5 — обломок лепного котла с внутренней ручкой X—XI вв. (Знаменское городище); 6 — железный наконечник стрелы X—XIII вв. (Гавриловское городище); 7 — бронзовая пряжка (из погребения № 9 Гавриловского кургана № 1, X—XII вв.).

захоронение, вскрытое в зольном слое скифского времени в раскопе X (в южной части городища) на глубине 0,6 м от современной поверхности (погребение № 1, раскопанное А. И. Мелюковой в 1953 г.). Очертания погребальной ямы в рыхлой земле зольника не прослеживались. Женский костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лицом на восток. Череп был раздавлен. Правая рука вытянута вдоль тела, левая же слегка согнута в локте и положена на край таза. На шее была железная гривна, обвитая бронзовой пластинкой (рис. 5—1). Около гривны лежала плоская ромбовидная подвеска из синего камня — лазурита (рис. 5—2) и рядом — граненая бипирамидальная бусина из сердолика (рис. 5—5). Вторая такая же лазуритовая подвеска (рис. 5—3), но меньших размеров, найдена под челюстью костяка и рядом с ней — две подвески из веточек коралла (рис. 5—9). У левой скулы сохранились остатки ткани, вероятно, от головного убора.

Между ребрами костяка были рассыпаны бусы: из горного хрусталя (2 экземпляра; рис. 5—10), сердолика (4 экземпляра; рис. 5—5—8), стекла (4 экземпляра; рис. 5—11—12) и еще одна ромбовидная каменная подвеска (рис. 5—4). Бусы вместе с лазуритовыми подвесками, наверное, составляли ожерелье. Справа между ребрами и лопаткой обнаружено скопление (около трех десятков) мелкого стеклянного бисера лилового цвета. У левого плеча отмечены две бронзовые подвески вроде бубенчиков (рис. 5—13, 15) и маленькая круглая сердоликовая бусина. Тринадцать таких же бронзовых подвесок-бубенчиков, но мелких, и одна крупная лежали у левого запястья (рис. 5—14, 16). Бисер и бронзовые подвески, может быть, были использованы для нашивки на одежду, хотя не совсем понятно их асимметричное расположение. Слева, у позвоночника, несколько выше тазовых костей, лежало бронзовое круглое зеркальце диаметром 7 см, с рельефным крестовидным орнаментом и ушком в центре (рис. 6—1). К зеркалу прилипла ткань,— вероятно, от матерчатого футляра. Такие зеркала известны из кочевнических комплексов XI—XIII вв. в коллекциях Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея⁷. У правого колена лежал железный, суживающийся к одному концу, предмет с двукольчатым навершием (рис. 6—2). На левом локте и у левого запястья обнаружено по круглой железной пряжке с обломанными язычками (рис. 6—3, 4).

Погребальный обряд — вытянутое положение покойника, западная ориентировка — и аналогии вещам из погребения № 1 уводят нас в круг печенего-торкесских древностей X—XII вв. н. э. В частности, подобные богатые женские погребения с витыми гривнами, зеркалами, ромбовидными подвесками из синего камня и пышно разукрашенными головными уборами на матерчатой основе встречаются в группе погребений, отнесенных С. А. Плетневой к третьей позднекочевнической группе погребений наших степей, в которую входило смешанное население племен гузо-торкесского и черноклобучьего союзов⁸.

Вероятно, к тому же времени и к той же группе населения относится погребение № 2 из того же раскопа, находившееся рядом с первым, но на большей глубине — 1,2 м от поверхности. При расчистке костяка у черепа и вдоль тела с правой стороны были обнаружены следы деревянного гроба из тонких досок. Мужской скелет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лицом на восток, с вытянутыми вдоль тела руками. По определению Т. С. Кондукторовой, череп имеет монголоидные черты, что могло быть среди огузского союза племен, куда входили и тюркоязычные племена⁹. При костяке найдена только одна сердоликовая бусина (под ребром).

Позднекочевническим оказалось также одно из раскопанных погребений (№ 2) Знаменского грунтового могильника, находящегося в 0,5 км к юго-западу от городища и в основном относящегося, по-видимому, к IV—III вв. до н. э.¹⁰ Погребение (раскопано В. П. Петровым) находилось на самом краю берегового обрыва над р. Конкой, на глубине 0,83 м от поверхности. Форму погребальной ямы проследить не удалось. Мужской костяк, ориентированный головой на юго-запад, лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль тела руками. Череп отсутствовал (по-видимому, он обвалился при оползании берега, которое тут бывает часто). У правого плеча лежал спекшийся пучок заржавевших железных ромбовидных наконечников стрел со следами деревянных втулок древков. Стрелы

⁷ Инв. № 25173, оп. № 19. Раскопки А. Бобринского средневекового могильника в Херхе на Северном Кавказе (1888 г.).

⁸ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 165—172.

⁹ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 129, 130.

¹⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 171.

подобной формы были распространены в X—XIII вв. на Руси, в южнорусских степях и соседних странах¹¹. Под левой кистью обнаружены остатки сильно перержавевшего железного предмета. Погребение, видимо, одновременно захоронениям, открытым на раскопе X.

Еще одно позднекочевническое погребение обнаружено на противоположном берегу Днепра при раскопках в том же году кургана № 1 близ Гавриловского городища (Ново-Воронцовский район Херсонской области). Курган раскопан К. Ф. Смирновым. В нем оказалось 9 погребений разного времени, начиная с эпохи бронзы¹². Самым поздним является впускное погребение № 9, вскрытое в центральной части насыпи на глубине 1,25 м ниже ее вершины. Контуры могильной ямы проследить не удалось. Скелет взрослого мужчины находился в вытянутом положении, на левом боку, головой на запад — северо-запад. Череп лежал на правом виске, лицом к юго-юго-западу. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и касалась левого предплечья. В головах покойного с левой стороны обнаружены обломки железного втульчатого наконечника копья, на правой подвздошной кости — бронзовая фигурная пряжка от пояса (рис. 6—7). Под тазовыми костями правого бедра находились обломки железной пряжки круглой формы. Около погребения найдены также остатки железного кинжала и каких-то других сильно перержавевших предметов. За исключением фигурной пряжки, все вещи сохранились очень плохо.

Слева от скелета человека в погребении № 9 оказались череп и кости ног коня, а рядом — обломки железных удилищ очень плохой сохранности. По-видимому, здесь мы имеем дело с весьма распространенным в кочевнических погребениях наших степей обычаем хоронить чучело коня (шкуру с головой и копытами). Обряд этот прослеживается в кочевнических погребениях X—XII вв. и связывается С. А. Плетневой, главным образом, с печенегами и гузо-торками¹³. Указанной дате не противоречит и форма бронзовой пряжки, аналогии которой можно найти, например, в Саркеле¹⁴, в средневековых погребениях Северного Кавказа¹⁵ и в кочевнических погребениях Венгрии IX—XI вв.¹⁶

Отдельные находки. Наибольший интерес представляет обнаруженный в 1952 г. под обрывом Знаменского городища, над поймой Конки, обломок края и стенки лепного сосуда, с внутренней стороны которого имеется уплощенная горизонтальная ручка-ушко для подвешивания сосуда над огнем (рис. 6—5). По краю сосуда — следы ямочно-пальцевого орнамента. Глина грубо промешана; заметны примесь золистых блесток и отпечатки соломы. Поверхность сглажена с внутренней стороны. Лепные сосуды с внутренними ушками для подвешивания над огнем встречаются в Саркеле в слоях X в. — начала XI в. и считаются кочевническими¹⁷. Фрагмент аналогичного сосуда, хранящийся, по указанию М. И. Артамонова, в Херсонском музее, по всей вероятности, тоже происходит из Нижнего Поднепровья¹⁸.

На Гавриловском городище при раскопах К. А. Бредэ в 1951 г. найден железный ромбовидный наконечник стрелы (рис. 6—6) того же типа, что

¹¹ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 167.

¹² Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 129, 130.

¹³ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 155, 161, 162, 166; см. также В. П. Шилова. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 128.

¹⁴ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 158, рис. 4, 11.

¹⁵ ГИМ, инв. № 25173, оп. № 28.

¹⁶ J. Hamprl. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig, 1905, рисунок на стр. 305.

¹⁷ С. А. Плетнева. *Керамика Саркела — Белой Вежи*. МИА, № 62, 1959.

¹⁸ М. И. Артамонов. *Средневековые поселения на Нижнем Дону*. ИГАИМК, № 131, 1935, стр. 49, 50.

и стрелы из описанного выше погребения Знаменского могильника, и, вероятно, того же времени и круга (кочевники X—XIII вв.).

Отсутствие культурного слоя этого времени на исследовавшихся нами городищах показывает, что кочевники X—XIII вв. лишь проходили мимо, не задерживаясь на длительные стоянки. Более ощутимые следы сохранились от татарского времени. По свидетельству путешественника XVI в. Эриха Лассоты, несколько выше Знаменского городища, носившего тогда название Мамай-Сурка, у Каменного Затона (в районе современной пристани Каменки-Днепровской) «татары обыкновенно переправляются через Днепр в зимнее время, когда реки покрыты льдом; здесь же производится выкуп пленных»¹⁹. По-видимому, такая переправа была и в XIV в.; может быть, открытые нами строительные остатки этого времени относятся к сторожевому пункту, устроенному для охраны переправы²⁰. О предании, связанном с войной между Мамаем и владелицей городка — Суркой, уже писал Б. Н. Граков, указавший, что «эта легенда сильно повлияла на позднейшее понимание» Знаменского городища, которое «в XIX в. не раз были склонны считать за татарское укрепление»²¹. Нужно сказать, что пребывание татар в Нижнем Поднепровье оставило следы не только в народной памяти, но отчасти и в современной топонимике (например, курган Мамай-Гора в окрестностях Знаменского городища).

¹⁹ Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873, стр. 51.

²⁰ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 42.

²¹ Там же.

М. Н. ПОГРЕБОВА

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ЗАКАВКАЗСКОГО ОРУЖИЯ
РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Формы закавказского оружия предскифского и скифского времени свидетельствуют о существовании в тот период оживленных связей Закавказья с другими областями, в частности, — с Передним Востоком.

Одна из существенных разновидностей оружия того времени — кинжалы и мечи¹ с так называемыми двураструбными² или веерообразными³ навершиями рукояток. Этот тип характеризуется специфической формой рукоятки: ее ствол, четырехугольный в сечении, имеет навершие в виде горизонтальной трубки, концы которой заканчиваются плоскими расширениями, расположенными перпендикулярно к горизонтальной части навершия. Само навершие развернуто перпендикулярно к широкой части клинка. Основание рукоятки, как правило, охватывает верхнюю часть клинка длинными крыльями.

Форма рукоятки рассматриваемого типа однообразна и повторяется обычно в малейших деталях. Так, на многих экземплярах встречаются поперечные выпуклые полосы по навершию; очень часто валикообразные утолщения, размещенные иногда в несколько рядов в верхней части рукоятки под навершием (рис. 7).

Мечи и кинжалы описываемой формы известны из случайных находок и из комплексов⁴.

Годар и Ганчар⁵ считали, что при пользовании этим оружием навершие рукоятки упиралось в ладонь, а плоские веерообразные расширения предохраняли руку от ударов. Однако небольшие размеры наверший (рис. 7 и 8) и невозможность активного действия кинжалом и особенно мечом при охватывании сверху подобной рукоятки противоречат этому⁶. Двураструбное окончание рукоятки имело, очевидно, чисто декоративное значение.

Двураструбные рукоятки известны в Закавказье и в бронзовом оружии, но наибольшее распространение этой формы связано с появлением железных клинков, сохранивших еще бронзовые рукоятки.

Хронологические рамки описываемой формы оружия определяются достаточно точно. Такие бронзовые мечи и кинжалы известны в комплексах

¹ Основная разница между этими двумя видами закавказского оружия заключается в размерах, поэтому мы считаем возможным рассматривать их вместе.

² Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; стр. 64.

³ C. Schaeffler. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale. London, стр. 437.

⁴ Мы располагаем, главным образом, опубликованными материалами. В настоящее время известно около 23 мечей и кинжалов рассматриваемого типа на территории Закавказья.

⁵ Н а н с а г. *Kaukasus-Luristan*. ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 78.

⁶ В тех случаях, когда рукоятка предназначена для такого использования, она, как правило, имеет кольцо, за которое можно было бы ухватиться.

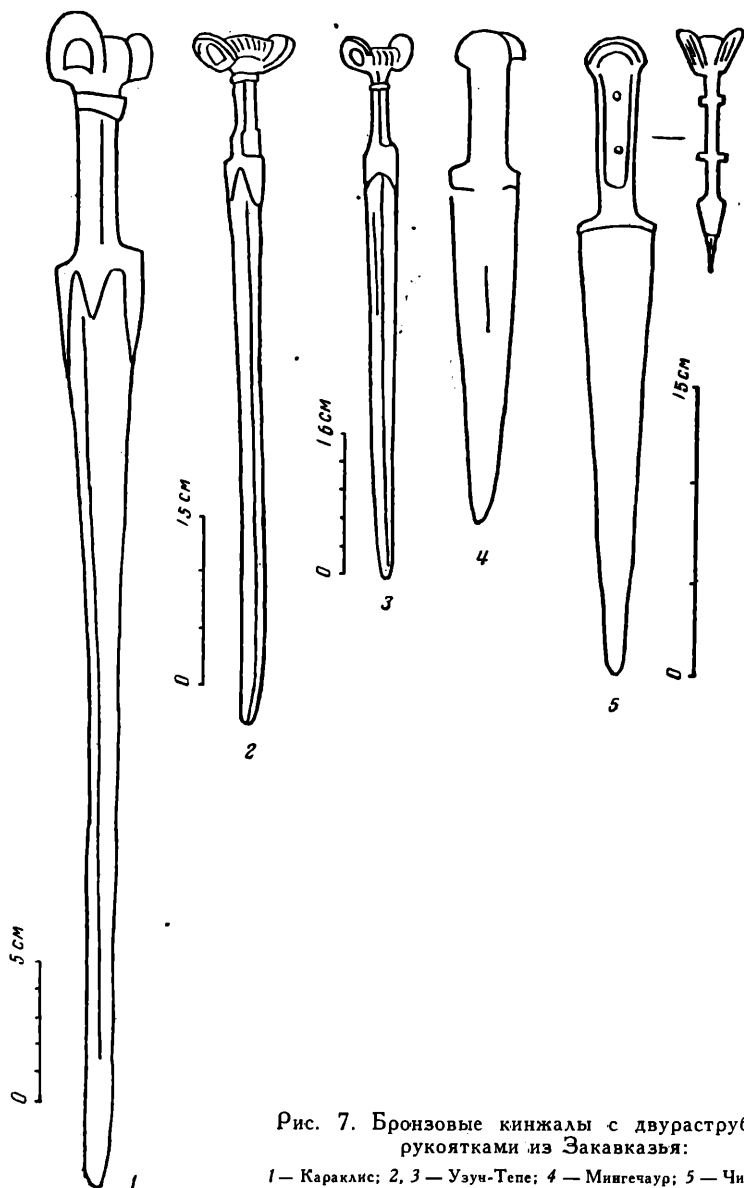

Рис. 7. Бронзовые кинжалы с двураструбными рукоятками из Закавказья:

1 — Караглис; 2, 3 — Узун-Тепе; 4 — Мингечаур; 5 — Чила-Хане.

из Караглиса (меч)⁷, из разрушенного могильника Узун-Тепе (5 мечей и кинжал)⁸ и из погребений эпохи поздней бронзы в Мингечауре⁹. Комплексы эти относятся к эпохе поздней бронзы и перехода к железному веку и должны быть датированы IX—VIII вв. до н. э.¹⁰ Второй половиной

⁷ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 64, рис. 59, 3.

⁸ И. М. Джафарова. Элементы археологической культуры древней Мугани. Известия Академии наук Азербайджанской ССР, 1946, № 9, табл. I, 1, 2; рис. 1.

⁹ Г. М. Асланов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионс. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XIII, 7, стр. 78.

¹⁰ Меч из Караглиса найден в комплексе с плоским топором-теслом, бронзовыми стерженьковыми наконечниками стрел и навершием дровка. Весь этот комплекс довольно архаичен и должен быть отнесен к началу I тысячелетия до н. э. Сейчас трудно судить, принадлежат ли могилы Узун-Тепе к одному или двум хронологическим периодам, но все найденные там предметы находят аналогии в памятниках, датирующихся не позже первой четверти I тысячелетия до н. э. Самый факт наличия здесь, наряду с бронзовыми, железных кинжалов с бронзовой рукояткой говорит, скорее всего, о том, что оба эти типа существовали в близкое время.

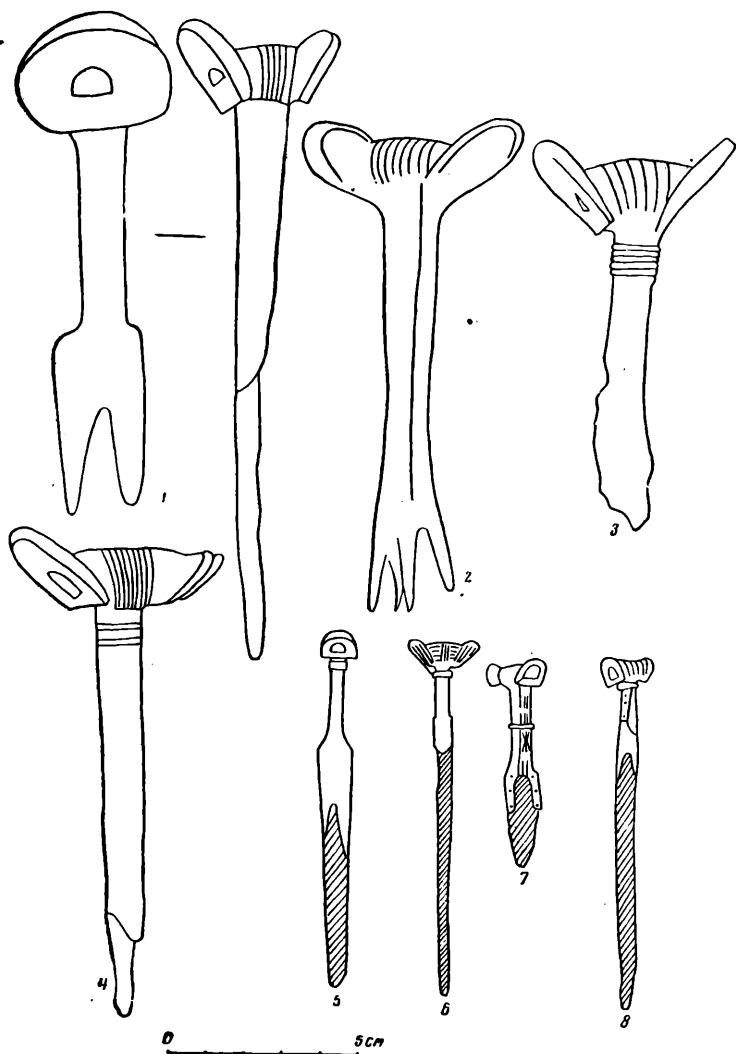

Рис. 8. Железные кинжалы с бронзовыми двураструбными рукоятками из Закавказья

1 — Куца; 2 — Севаи; 3 — Мхарт; 4 — Ани; 5—7 — Шагула-Дерре; 8 — Узун-Тепе; 5—8 уменьшено в 14 раз.

II тысячелетия до н. э. Шеффер датирует бронзовый кинжал из Чилахане¹¹.

Очевидно, между бытованием бронзовых мечей и кинжалов с двураструбными рукоятками и железных мечей и кинжалов с такими же рукоятками не было хронологического разрыва.

Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками относятся, главным образом, к VIII в. до н. э., но известны они и в памятниках VII в. до н. э. В погребениях Самтавро они появляются в период IX—VIII вв. до н. э. и позже уже не встречаются¹². Так же датируется, очевидно, могильник у сел. Куци¹³, содержащий характерные закавказские стрелы позднего

¹¹ С. Schaeffer. Указ. соч., стр. 415, рис. 223.

¹² Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтавром могильнике. Вестник Гос. музея Грузии имени С. Н. Джанашиа, т. XIX-A и XXI-B, 1957, табл. I, 145.

¹³ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 64; Музей антропологии МГУ, № 98/1.

типа. К несколько более позднему времени — к первой половине VII в. до н. э. следует отнести погребение в сел. Мхарт¹⁴, среди инвентаря которого находятся железный кинжал с рукояткой, подготовленной для инкрустации, и бронзовые браслеты со змеевидными головками.

По свидетельству С. М. Казиева¹⁵, один подобный меч, оставшийся неопубликованным и не упоминаемый в других работах, был найден в инвентаре вытнутых грунтовых погребений в Мингечауре, самая ранняя дата которых не превышает второй половины VII в. до н. э.¹⁶

Шеффер датирует железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Шагула-Дерре¹⁷ (Тальш) XII—XI вв. до н. э.¹⁸, но аналогии с Мхартом и весь комплекс инвентаря дают основание понизить эту дату до начала I тысячелетия до н. э.

Кинжалы с двураструбными рукоятками встречаются по всему Закавказью, но наибольшее количество их известно из Тальша и Муганской степи.

Описываемая форма рукояток резко отличается от всех известных в Закавказье. В литературе уже указывалось, что происхождение этой формы вряд ли можно считать местным, закавказским¹⁹, и что она имеет неполные, но очень близкие аналогии среди бронзовых кинжалов Луристана²⁰, датирующихся второй половиной II тысячелетия до н. э.²¹

Рассмотрение различных разновидностей луристанских кинжалов описываемого типа приводит к заключению, что, несмотря на специфичность этой формы, она имеет определенную связь с широко распространенным на Переднем Востоке оружием. Как правило, у луристанских кинжалов с веерообразным расширением рукоятки последняя инкрустирована костью или деревом (рис. 9). В некоторых случаях веерообразные расширения навершия сделаны не из бронзы, а из того же материала, что и инкрустация (см. рис. 9)²². Именно расширение навершия за счет материала инкрустации объясняет характерный для разбираемой формы кинжалов разворот навершия перпендикулярно ширине клинка, в то время как удлиненное горизонтальное навершие и в западном, и в восточном оружии развернуто всегда параллельно широкой части клинка. Таким образом, луристанские кинжалы с веерообразным навершием, безусловно, связаны по форме с инкрустированными кинжалами переднеазиатского типа.

Возможно, веерообразная форма навершия была распространена на Переднем Востоке шире, чем это нам теперь представляется. Об этом свидетельствуют, в частности, находки веерообразных костяных пластинок

¹⁴ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 64, рис. 62.

¹⁵ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, стр. 26.

¹⁶ Исследователи датируют вытнутые погребения Мингечаурского могильника VII—V вв. или VI—V вв. до н. э. (М. М. Дьяконов). Судя по опубликованному материалу, можно считать, что в основном памятник этот относится к VI—V вв. до н. э. Этим временем датируется большинство стрел скифского типа из вытнутых погребений. Только один тип стрел, — согласно публикациям, представленный в очень небольшом количестве, — может быть отнесен к VII в. до н. э.: это дулопастные (авролистные) стрелы с шипом на втулке.

К сожалению, опубликованный материал не разделен по комплексам, но отдельные вещи и среди них кинжал с бронзовой двураструбной рукояткой должны, очевидно, также датироваться этим временем.

¹⁷ I. Morgan. La préhistoire orientale, t. III. Paris, 1927, стр. 270.

¹⁸ C. Schaeffer. Указ. соч., стр. 437.

¹⁹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 64.

²⁰ C. Schaeffer. Указ. соч., рис. 268; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, табл. XXVIII, с.

²¹ Б. А. Куфтин относил луристанские кинжалы сходного типа к VII—VI вв. до н. э., однако в свете последних исследований дата эта представляется слишком поздней.

²² E. Herzfeld. Указ. соч., табл. XXVIII.

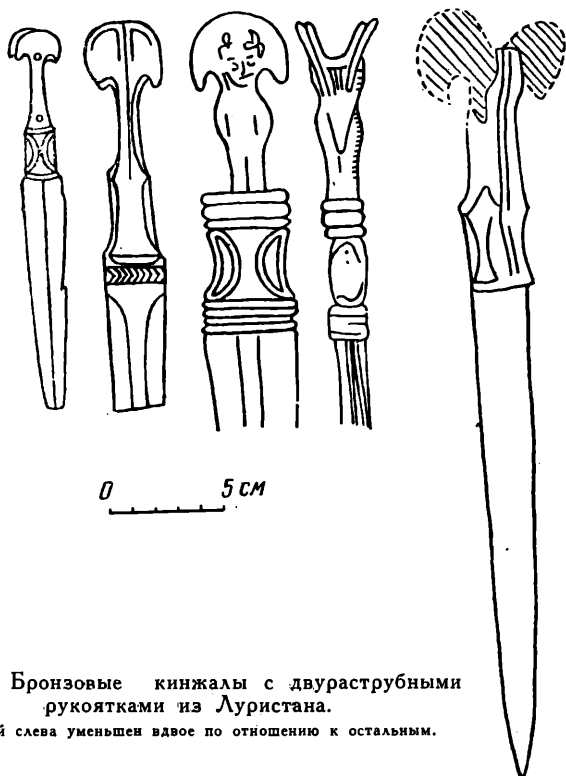

Рис. 9. Бронзовые кинжалы с двураструбными рукоятками из Луристана.
Первый слева уменьшен вдвое по отношению к остальным.

в Библие²³. В то же время большое различие в деталях между двураструбными кинжалами луристанских и закавказских форм, которое отмечал и Б. А. Куфтин, исключает возможность простого импортирования.

Как указывалось, закавказские кинжалы и мечи описываемого типа отличаются большим однообразием; этот факт также говорит в пользу предположения о существовании определенного центра, откуда они в сравнительно короткий срок могли распространиться. Чрезвычайно характерна и неизменна у закавказских кинжалов форма самих веерообразных расширений навершия — не фигурная, как в Луристане, а овальная, ровных очертаний, прямо срезанная снизу. Столь же типично вильчатое строение основания рукоятки. Повторяются в большинстве случаев выпуклые поперечные полосы на горизонтальной части навершия и поперечные валики на четырёхугольном в сечении стволе рукоятки, расположенные, как правило, непосредственно под навершием. Первые два признака наиболее четко отличают закавказские кинжалы от луристанских, имеющих фигурный рисунок расширенной рукоятки и прямое ее основание. Валики на стволе рукоятки у луристанских кинжалов обычно находятся в центре ствола. Кроме того, закавказские кинжалы с двураструбной рукояткой не обнаруживают никаких следов инкрустации, хотя этот прием был в Закавказье широко известен и в эпоху бронзы, и в переходный период от бронзового к железному веку.

Хронологическая разница также указывает на невозможность простого заимствования формы. В Закавказье распространение описываемого оружия связано, главным образом, с начальным этапом освоения железа; в Луристане же подобная форма рукоятки известна только у бронзового оружия. Лишь одну бронзовую рукоятку железного кинжала из Луристана

²³ Dupand. Fouilles de Byblos. Paris, 1926—1932, рис. 249.

можно сравнивать с разбираемой здесь формой²⁴. Рукоятка эта имеет плоское, удлиненное, положенное горизонтально на ее ствол навершие, заканчивающееся по краям скульптурными изображениями человеческих голов. Годар считал эту рукоятку единственной; Ганчар же справедливо сравнивал ее с веерообразными рукоятками бронзовых кинжалов из Луристана²⁵, с которыми ее роднят перпендикулярный ширине клинка разворот навершия, выступы в виде человеческих голов и некоторые другие детали. Тем не менее форма этой рукоятки настолько резко отличается от закавказских рукояток железных кинжалов, что трудно предположить непосредственную связь этих двух форм.

Все это говорит о том, что связи, результатом которых явилось возникновение закавказской формы двураструбных рукояток, должны были осуществляться в эпоху поздней бронзы. Описываемая форма, очевидно, развивалась в областях, в конце II тысячелетия до н. э. связанных с Луристаном. Большой интерес в этом отношении представляет район Талыша и Муганской степи, где сосредоточено наибольшее количество находок бронзовых мечей и кинжалов с веерообразной рукояткой.

Особенно любопытен бронзовый кинжал из дольмена № 4 некрополя в Чила-Хане. В дольмене было 6 скелетов. Один из них находился в сидячем положении, остальные — вытянуты и повернуты ногами к центру, где располагалось погребение ребенка. К сожалению, инвентарь этого погребения не сохранился и известен только по суммарному перечислению в отчете Моргана, сообщающего о наличии там 26 сосудов, бронзовой диадемы и бус. В Сен-Жерменском музее сохранился лишь кинжал, опубликованный Шеффером²⁶. Исследователь сравнивает все погребения в Чила-Хане с могильниками Намин, Ага-Евлар и Лор-Даги, которые он на основании связей с Рас-Шармой убедительно датирует второй половиной II тысячелетия до н. э. (1450—1350 гг.).

Таким образом, талышский кинжал — наиболее ранний представитель интересующей нас группы оружия на территории Закавказья. Рукоятка его имеет черты сходства и с луристанскими, и с позднейшими закавказскими экземплярами. С первыми ее роднят инкрустация костью по стволу и прямое, без охватывающих клинок крыльев, основание рукоятки; со вторыми — чрезвычайно характерное очертание веерообразных расширений навершия.

Можно предполагать, что кинжал из Чила-Хане является до некоторой степени связующим звеном между луристанскими и закавказскими кинжалами. Существование связей между Талышем и Луристаном не вызывает сомнений и прослеживается, в частности, на луристанском оружии: известен бронзовый луристанский кинжал с характерным для Талыша рельефным полукругом в верхней части лезвия²⁷.

Среди особенностей, отличающих кинжал из Чила-Хане от типичных закавказских образцов той же формы, наиболее существенной является отсутствие крыльев у основания рукоятки. Только у бронзового кинжала из погребений Мингечаура эпохи поздней бронзы такое строение; бронзовые же мечи из Мугани и из Караклиса (на последний Б. А. Куфтин указывал как на прототип всей рассматриваемой группы) уже имеют вильчатое строение рукоятки. Как было отмечено, в Мугани сосредоточено наибольшее количество известного в настоящее время бронзового оружия рассматриваемого типа. Бронзовая рукоятка железного кинжала из Узун-Тепе (Мугань) очень напоминает подобные же рукоятки кинжалов из Шагула-Дерре (Талыш) выпуклым орнаментом, имитирующим шляпки гвоздей.

²⁴ Н а п с а г. Указ. соч., рис. 26.

²⁵ Там же, стр. 77.

²⁶ С. Schaeffer. Указ. соч., рис. 223.

²⁷ Там же, рис. 265, 15.

Очень возможно, что именно район Талыша и был тем местом, где сформировался закавказский тип кинжала с двураструбным или веерообразным навершием рукоятки. Детали, свойственные именно закавказскому типу рассматриваемых кинжалов, не имеют никакого практического значения и, самое главное, не типичны для закавказского оружия. Если более простые очертания веерообразных расширений можно объяснить упрощением формы, а поперечные полосы по навершию рукоятки и валики по ее стволу встречаются в той или иной комбинации на луристанских кинжалах (последние вообще широко распространены на Переднем Востоке), — то прием соединения рукоятки с клинком при помощи охватывающих клинок крыльев не характерен для Закавказья и редко встречается на Переднем Востоке.

Как правило, рукоятки местных бронзовых закавказских кинжалов и мечей имеют прямое основание, охватывающее верхнюю часть кинжала. Вильчатое строение рукоятки встречается, но в единичных случаях. Подобный принцип прикрепления рукоятки хорошо известен у кобанских кинжалов, и некоторые другие элементы кобанских форм встречаются на закавказском оружии именно в эпоху раннего железа; однако по самому строению крыльев кобанские рукоятки сильно отличаются от закавказских и вряд ли могут быть сравниваемы с ними.

Способ вильчатого скрепления клинка с рукояткой известен в Закавказье и в эпоху раннего железа (бронзовая рукоятка железного кинжала из развалин Ани, находящаяся в Государственном музее Грузии), но и тогда он не был господствующим. Эти отдельные случаи не объясняют причину повсеместного существования вильчатого строения рукоятки у кинжалов и мечей рассматриваемого типа.

Было бы естественно искать элементы закавказской формы двураструбных кинжалов в оружии Талыша, но непосредственных аналогий им в известных сейчас материалах Талыша нет²⁸. В Узун-Тепе один из бронзовых кинжалов с другой рукояткой имеет сходное строение ее основания. Выше отмечалось, что кинжалами и мечами с двураструбной рукояткой пользовались, очевидно, так же, как и местными, т. е. удерживая их за ствол рукоятки; поэтому едва ли можно объяснить наличие этой детали практическими целями²⁹.

Не характерно для Закавказья, — хотя и известно в единичных случаях, — и необъяснимо в смысле удобства практического использования оружия четырёхугольное сечение рукоятки описываемых мечей и кинжалов. Подобное сечение встречается на части ствола некоторых луристанских кинжалов и, скорее всего, заимствовано оттуда³⁰. По строению бронзовые клинки описываемых кинжалов не отличаются от закавказских.

Итак, рукоятки мечей и кинжалов с двураструбной или веерообразной формой навершия появляются в Закавказье в самом конце IX в. — VIII в. до н. э. для бронзового оружия и в VIII—VII вв. до н. э. — для железного. Основное распространение их падает на эпоху раннего железа. Форма

²⁸ Как известно, Дешелетт («L'Anthropologie», 1910, XXI, стр. 425) считал рельефный полукруг в верхней части клинка талышских кинжалов остатком крыльев рукоятки. В тех талышских железных кинжалах, рукоятки которых имеют бронзовые навершия и основания, принцип этот в какой-то степени возрождается (I. Morgan. Указ. соч., рис. 251, 1), но очертания сильно закругленных концов крыльев резко отличаются от прямых, направленных параллельно лезвию, крыльев веерообразных рукояток.

²⁹ Очень близким строением основания рукоятки обладают египетские кинжалы середины II тысячелетия до н. э. В остальных же деталях египетские формы сильно отличаются от закавказских, что исключает возможность сравнения.

³⁰ Говоря о кинжалах с двураструбной рукояткой, нельзя не упомянуть об оружии XVIII в. н. э., рукоятки которого обнаруживают удивительное сходство с рассмотренными здесь. Речь идет о турецких янычарских ятаганах, возникших как декоративное оружие в XVIII в. В ряде случаев у ятаганов — двураструбные рукоятки, растрыбы которых сделаны за счет материала инкрустации (кости или металла) совершенно тем же приемом, какой наблюдается на иранских кинжалах. Сведения эти сообщены научным сотрудником ГИМ Э. Г. Аствацатурян, за что приношу ей глубокую благодарность.

эта, очевидно, заимствована из Ирана, в частности, из Луристана, где она генетически связана с широко распространенной на Переднем Востоке формой кинжалов так называемого переднеазиатского типа. В Закавказье данная форма приобретает целый ряд характерных и очень устойчивых деталей, что исключает возможность простого и непосредственного ее заимствования.

Проникновение в Закавказье оружия с двураструбной формой навершия рукоятки началось, очевидно, в эпоху поздней бронзы через область Талыша и Муганской степи, где, по-видимому, и формировалась типично закавказская форма.

В памятниках VI в. до н. э. Закавказья двураструбные рукоятки уже не встречаются.

Возможно, ареал распространения описываемой формы на Переднем Востоке был шире, чем это теперь представляется, но в данное время этот тип закавказского оружия рассматривается как возникший на базе сношений восточнозакавказских племен с племенами, населявшими территорию Ирана.

А. И. МЕЛЮКОВА

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛА ОЛОНЕШТЫ
(МОЛДАВСКАЯ ССР)

К западу от с. Олонешты на высоком плато вдоль дороги из районного центра Каушаны в Белгород-Днестровский находится большое количество курганов. Одни из них имеют высоту 3—5 м, другие едва заметны на современной поверхности. Они то образуют группы из 2—6 курганов, то располагаются поодиночке, иногда на значительном расстоянии друг от друга. В 1960 г. Скифским отрядом Молдавской экспедиции ИА и Молдавского филиала АН СССР были исследованы четыре небольших кургана в трех группах, находящихся на участке между 43 и 44-м километром вдоль дороги Каушаны — Белгород-Днестровский. Три из них относятся к эпохе бронзы (курганы № 2, 3 и 4), один — сарматский (№ 1). В настоящей статье речь будет идти только о погребениях эпохи бронзы.

Курган № 2 расположен рядом с сарматским курганом № 1 и вместе с ним составлял одну группу — первую. Высота его — 0,5 м, диаметр — около 24 м. Насыпь, сделанная из чернозема, сильно распахана. В кургане исследовано 5 погребений эпохи бронзы и два кочевнических. Основное погребение (№ 5) обнаружено в могильной яме, расположенной под центральной частью курганной насыпи. На уровне древнего горизонта, возле края ямы прослеживалось небольшое пятно выкида — материковый суглинок. Могильная яма сверху имела форму неправильного прямоугольника с закругленными углами и была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина ее — 1,65 м, ширина — 1,2 м. На глубине 1,85 м от вершины кургана (1,1 м от уровня древней поверхности) в юго-восточной части ямы имелся широкий уступ высотой 0,15 м, шириной 0,55 м. Для погребения была предназначена северо-западная часть ямы, которая представляла собой прямоугольник, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Длина могилы — 1,2 м, ширина — 1,1. Дно ее находилось на глубине 1,25 м от уровня древнего горизонта (2 м от вершины кургана). Покойник был положен на спине, головой на северо-восток. Череп покоился на левом виске. Правая рука была согнута в локте и положена на живот; левая — согнута так, что кисть ее находилась у левого плеча. Ноги, согнутые в коленях, первоначально, очевидно, были поставлены коленями вверх, затем упали на левую сторону (рис. 10—1). Около кисти правой руки найдена круглая костяная пряжка (рис. 11—1). Под скелетом сохранился тлен от подстилки из камыша.

Остальные 4 погребения эпохи бронзы были впускными в насыпанный ранее курган. Они не перерезали друг друга; одно находилось в насыпи кургана, три — в ямах, вырытых на значительную глубину. Погребение № 1 обнаружено на глубине 0,65 м от вершины кургана, вблизи от центра. Могильной ямы в черноземе проследить не удалось. От скелета врослого человека сохранились лишь грудная клетка и кости рук. Ноги были срезаны при рытье ямы для кочевнического погребения (№ 2).

Судя по уцелевшим остаткам скелета, покойник был положен на спине, головой на северо-запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Около остатков черепа найдены обломки баночного горшка.

Погребение № 3 (рис. 10—2) находилось в яме прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированной с востока на запад. Длина ее — 1,1 м, ширина — 0,7 м, глубина — 1,1 м от вершины кургана. На дне ямы лежал плохо сохранившийся костяк взрослого человека, скорченный, на левом боку, головой на восток. Левая рука согнута в локте так, что кисть ее должна была находиться на левом плече; правая — согнута в локте и положена по направлению к левой. Слева у черепа стоял лепной сосуд с узкой, довольно высокой шейкой и округлым туловом. Сосуд сделан из глины с примесью шамота. Поверхность его, — неровного цвета, с темными и серыми пятнами, — заглажена. Высота сосуда — 13 см. (рис. 12—2).

Яма погребения № 6 в плане имела форму прямоугольника с закругленными углами и была ориентирована с северо-востока на юго-запад.

Длина ее — 1,15 м, ширина — 1 м. Стенки ямы были несколько наклонными внутрь, поэтому по дну, на глубине 217 м от вершины кургана, длина ее была 1,05 м, ширина — 0,9 м. Скелет взрослого человека, очень плохо сохранившийся, лежал на левом боку головой на северо-восток. Руки, согнутые в локтях, были направлены к лицу, Ноги, сильно согнутые в коленях, подтянуты к груди. На костяке лежали челюсть, позвонки и мелкие трубчатые кости овцы, — вероятно, остатки напутственной пищи.

Погребение № 7 (рис. 10—3) обнаружено в могильной яме, имевшей форму неправильного прямоугольника с закругленными углами, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Длина ее — 2,2 м, ширина — 1,78 м. Ко дну яма уменьшалась в размерах, и на дне, на глубине 1,8 м от вершины кургана, длина ее составляла 1,8 м, ширина — 1,05 м. В земле, заповнявшей яму, на глубине 1,3 м от вершины кургана, найдена костяная пряжка, сходная с пряжкой из погребения № 5. (рис. 11—2).

На дне могилы, под остатками перекрытия из деревянных досок, лежавших вдоль длинных сторон ямы, находился скелет взрослого мужчины. Покойник был погребен в скорченном положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, и кисти их должны были покоиться под подбородком, но они не сохранились. Ноги сильно скорчены и подтянуты к животу, так что пятки почти касались тазовых костей. Между коленями и костями рук найден большой глиняный сосуд, острореберный, со скругленным ребром, слегка выделенной шейкой и довольно узким дном (рис. 12—3). По краю венчика концом пальца был нанесен орнамент в виде ямок с отпечатками ногтя. Глина — с примесью шамота, песка и мелко толченных ракушек. Поверхность, — коричневая, неровного цвета, с темно-серыми пятнами, — хорошо заглажена. Высота сосуда — 18,5 см. Под скелетом обнаружены следы от досок, которыми было устлано дно могилы.

Курган № 3 входил во вторую курганный группу, состоявшую из 5 насыпей. Высота его — около 0,4 м, диаметр — около 20 м. Насыпь — из чернозема, сильно распахана и не имеет четких очертаний. Под насыпью в центре, на уровне древнего горизонта, на глубине 0,6 м обнаружено пятно могильного выкида (светло-желтый суглинок), окружавшего широким кольцом большую могильную яму.

Яма, имевшая в плане форму прямоугольника с закругленными углами (длина ее — 2,8 м, ширина — 2,45 м), была ориентирована с юго-востока на северо-запад. Дно ее находилось на глубине 1,45 м от вершины кургана (0,8 м от древней поверхности). Стенки ямы вертикальные, дно плоское. Яма была заполнена плотным затечным черноземом. Могила оказалась ограбленной; на дне ее встречены только куски гнилого дерева и отдель-

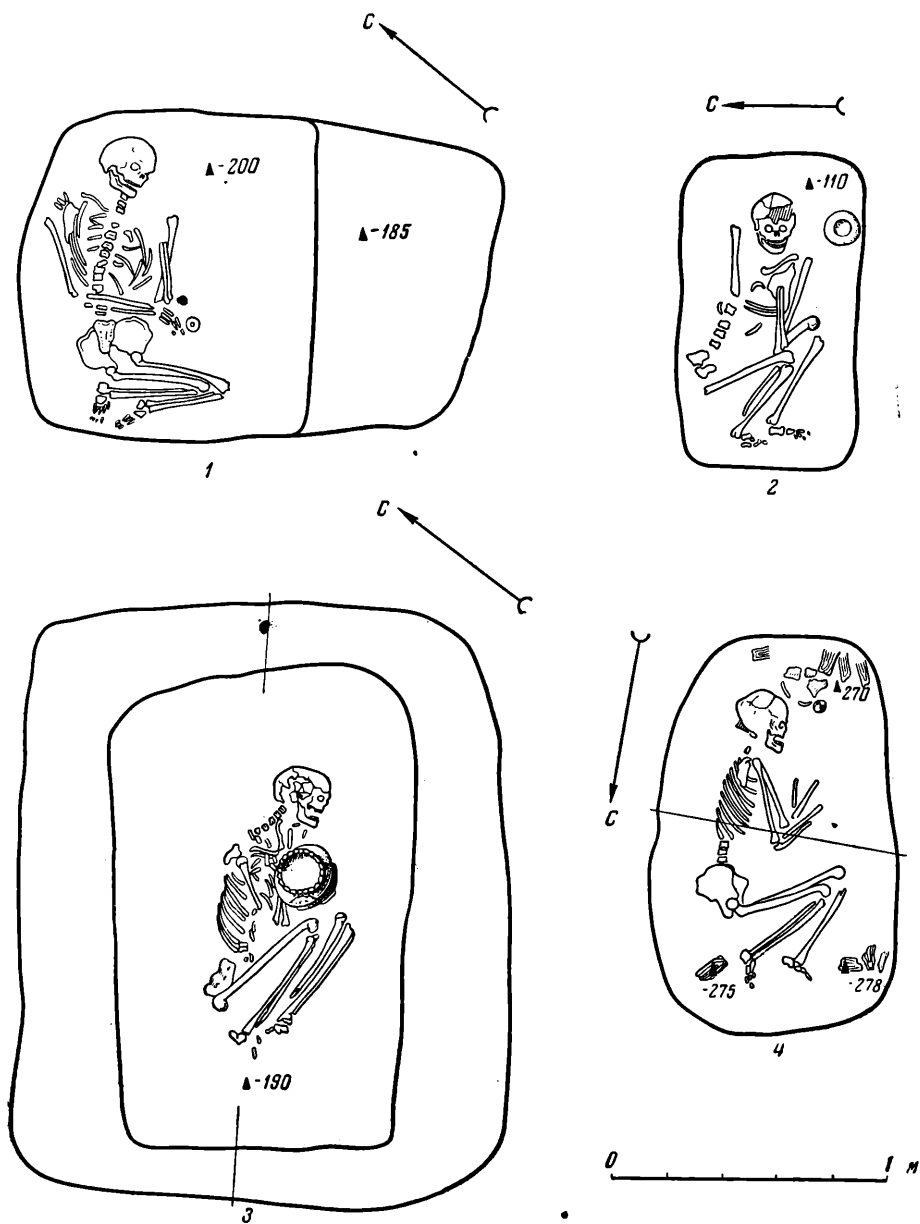

Рис. 10. Планы погребений (эпоха бронзы) у с. Олонешты.

1 — курган № 2, погребение № 5; 2 — курган № 2, погребение № 3; 3 — курган № 2, погребение № 7;
 4 — курган № 4; погребение № 1; Δ — 200 — отметка глубин.

ные кости животных. Грабители проникли в яму сверху, вырыв глубокую воронку, попавшую в самый центр могилы.

В северо-восточном секторе, недалеко от центра кургана, в древнем черноземе на глубине 0,7 м обнаружены остатки плохо сохранившегося погребения — обломки черепа, рядом с которыми находились зерноотерка и раздавленный сосуд (погребение № 1). Сосуд — лепной, коричневатосерого цвета, сделанный из глины с примесью шамота и мелко толченых ракушек (?). У него довольно высокое и узкое горло, хорошо выраженные плечики и узкое дно. Поверхность заглажена, без следов лощения (рис. 12—4). По форме этот сосуд близок сосуду из погребения № 3 кургана № 2, но немного больше по размеру: высота его — 17,5 см диаметр устья — 10 см, дна — 7 см. Зерноотерка представляет собой плоскую каменную плиту с углублением в центре; длина ее — 0,25 м, ширина — 0,2 м, толщина — около 3 см.

Курган № 4 находится в центре третьей группы, состоявшей из 6 курганов. Высота его — 1,2 м, диаметр — около 28 м. Курган был насыпан из чернозема, сильно распахан, вершина его уплощена. Насыпь была сделана в два приема: первый раз — над основной могилей, в эпоху бронзы, второй — после совершения впускного сарматского погребения. Могильный выкид из сарматской подбойной могилы был разбросан тонким слоем по вершине кургана (на глубине 0,95 м), а затем насыпь досыпана из чернозема. При этом вершина кургана и его центр были оставлены на прежнем месте. Через какой-то промежуток времени после досыпки кургана центральное погребение было ограблено. Грабители вырыли большую воронку в центре насыпи и таким образом проникли в могилу, оставив после себя на дне ее лишь беспорядочно лежавшие человеческие кости.

Могила центрального погребения, находившаяся под центром курганной насыпи, по форме и размерам очень близка могиле кургана № 3, но она ориентирована с востока на запад. Длина ее — 2 м, ширина — 1,5 м. Дно находилось на глубине 2,1 м от вершины кургана.

Кроме ограбленного центрального погребения и сарматской подбойной могилы¹, в кургане обнаружены еще 4 впускных погребения, относящихся к эпохе бронзы (№ 1, 2, 3 и 5).

Могильная яма погребения № 1 (рис. 10—4) расположена в западной половине кургана, на расстоянии 2 м от центра, под слоем выкида из сарматской могилы. В плане она имела форму неправильного овала и была ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Длина ее — 1,47 м, ширина — 0,9 м. Стенки ямы вертикальные; ровное дно находилось на глубине 3 м от вершины кургана. На глубине 2,75—2,78 м по всей площади ямы встречались куски гнилого дерева, вероятно, от упавшего сверху деревянного перекрытия.

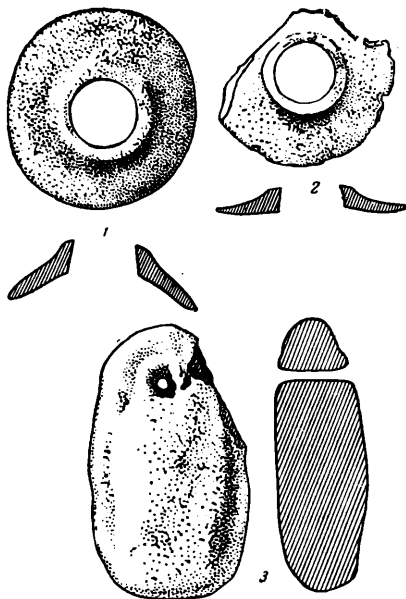

Рис. 11. Находки из погребений.

1, 2 — костяные пряжки; 3 — глиняная подвеска (1 — из погребения № 5 кургана № 2; 2 — из погребения № 7 кургана № 2; 3 — из погребения № 1 кургана № 4).

¹ Сарматскому погребению посвящена специальная статья. См. СА, № 1, 1962.

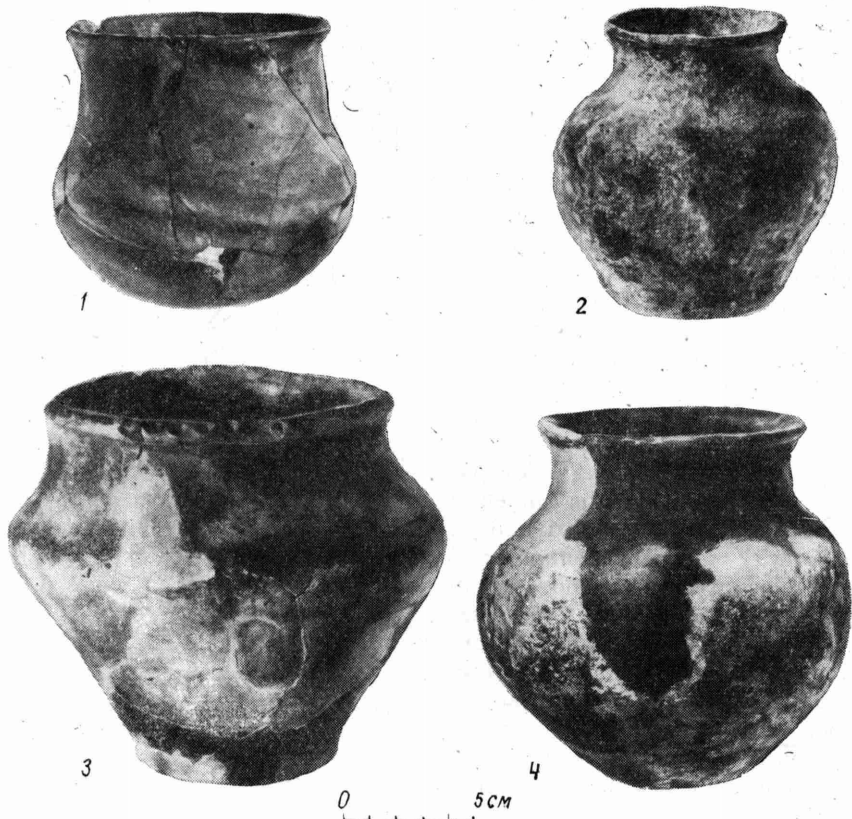

Рис. 12. Глиняные сосуды из погребений эпохи бронзы.

1 — из погребения № 1 кургана № 4; 2 — из погребения № 3 кургана № 2;
3 — из погребения № 7 кургана № 2; 4 — из погребения № 1 кургана № 3.

На дне ямы лежал скелет женщины, обращенный головой на юго-юго-запад, в скорченном положении, на левом боку. Руки были согнуты в локтях и подняты к лицу. Ноги согнуты в коленях. В головах погребенной найдены обломки двух сосудов; очевидно, они были преднамеренно разбиты, собрать их целиком не удалось. Один сосуд представляет собой кубок с высоким, довольно широким горлом и округлым туловом (рис. 12—1). Поверхность его темно-серая, хорошо заглаженная и залощенная. На тулове нанесен орнамент — широкие, но неглубокие косые каннелюры. Глина — с мелкими примесями песка и, вероятно, мелко толченных раковин. Высота сосуда — 14,5 см. Второй сосуд — маленькая тонкостенная мисочка, по-видимому, овальной формы, с плоским дном и наклонными стенками. Она сделана из глины с примесью песка и шамота. Поверхность — коричневато-оранжевого цвета, шероховатая. Под черепом находилась глиняная овальная подвеска (рис. 11—3); поверхности ее — темного, коричневато-серого цвета, залощенные. Длина подвески — 8 см. Под костяком обнаружены куски гнилых досок, лежавших вдоль длинных стен могилы. Очевидно, покойник был положен на дощатый пол, а сверху яма была закрыта деревянным перекрытием.

Погребение № 2 находилось на расстоянии 5,5 м на запад от центра кургана, в древнем черноземе, на глубине 2,15 м. От него сохранились лишь обломки детского черепа и два невыразительных фрагмента сосудов.

В погребении № 3 могильная яма имела прямоугольную форму с закругленными углами. Она была ориентирована с юго-востока на северо-за-

пад и располагалась на расстоянии 9 м от центра кургана на запад. Длина ее — 1,7 м, ширина — 1,1 м. Дно ямы находилось в материковом суглинке на глубине 2,25 м. Стенки ее почти вертикальные, дно плоское. На дне обнаружены остатки скелета взрослого человека (кости таза и ног). Судя по ним, погребенный лежал в скорченном положении, головой на юго-восток. Вместе с остатками скелета найдена лишь баранья челюсть.

Погребение № 5 было открыто в восточной половине кургана на расстоянии 2,9 м от центра. Яма имела форму прямоугольника с закругленными углами и была ориентирована с севера на юг. Длина ее — 1 м, ширина — 0,75 м. Дно ямы находилось на глубине 1,9 м от вершины кургана, в слое, переходном от чернозема к суглинку. На дне обнаружен скелет молодого человека очень плохо сохранившийся. Костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Руки согнуты в локтях, кисти их находились перед лицом. Ноги были сильно скорчены и подтянуты к груди; левая пятка почти касалась таза. Вещей в могиле не было.

В связи с тем, что центральные погребения в курганах № 3 и 4 оказались совершенно ограбленными, мы не можем сказать, в какое время эпохи бронзы были сооружены эти курганы. Трудно также определить, когда был насыпан курган № 2, поскольку в основном его погребении найдена только костяная пряжка. Подобные, хотя и не совсем аналогичные костяные пряжки хорошо известны в погребениях катакомбной культуры. На территории степного Поднестровья их находили в памятниках усатовского типа. Однако чаще всего они встречаются в погребениях позднесрубной культуры Северного Причерноморья². Отсутствие охры в погребении, а также других признаков, которыми характеризуются памятники ранней и средней бронзы, не дает возможности относить это погребение ни к усатовской, ни к катакомбной культурам. Скорее всего, оно было совершено лишь немногим раньше, чем впускные погребения в этом же кургане. Последние относятся к эпохе поздней бронзы и, вероятно, могут быть связаны с позднесрубной культурой. Близость по времени центрального погребения № 5 к впускным погребениям № 6 и 7 подтверждается одинаковой с ними северо-восточной ориентировкой покойника, а также находкой в могиле погребения № 7 такой же костяной пряжки.

Датировка впускных погребений № 3 и 7 кургана № 2 устанавливается по найденной в них керамике, которая характерна для эпохи поздней бронзы. Узкогорлые горшки с округлыми боками, близкие сосуду из погребения № 3, встречены В. А. Городцовым в погребениях в насыпи и на горизонте на Изюмщине³. Известны они на Молочной⁴ и Нижнем Днепре⁵, в курганах, относящихся к эпохе поздней бронзы, а также на поселениях Нижнего Приднепровья — в верхнем слое Ушкалки и Бабино IV⁶. Узкогорлые сосуды с выпуклым плечом и небольшим дном были найдены в памятниках поздней бронзы в степных районах Поднестровья. Два из них происходят из курганов, раскопанных И. Я. Стемпковским на Тираспольщине (курганы № 250 на Парканской земле и № 379 у с. Чобручи)⁷.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. Труды XII АС, т. I, М., 1902, табл. XIII, 2, 3.

³ Там же, стр. 206.

⁴ М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська и др. Кургани біля с. Ново-Пилипівкі радгоспу «Аккермень». АП УРСР, VIII, Київ, 1960, стр. 92, рис. 71, 12.

⁵ В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко и Е. О. Петровська. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомайвки. АП УРСР, IX, Київ, 1960, стр. 129, табл. II, 6.

⁶ В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИА АН УССР, вып. 5, Киев, 1950, стр. 21, табл. I, 16.

⁷ Не изданы. Херсонский исторический музей, инв. № Х-АМ-793 и Х-АМ-4545.

Фрагменты таких же сосудов обнаружены нами при раскопках на поселении у с. Тудорово, Каушанского района⁸.

Сосуды с узким горлом и выпуклыми плечами встречаются в тех комплексах степного Северного Причерноморья, которые А. И. Тереножкин ставит в синхронную связь с лесостепными правобережными памятниками Украины конца белогрудовской культуры⁹.

Горшок из погребения № 7 (рис. 12—3) по общей форме, безусловно, связан с острореберными сосудами срубной культуры. Однако в нем ясно выступают признаки, которые получают свое окончательное оформление в скифской керамике. В отличие от обычных для срубной культуры острореберных горшков, у него намечена шейка, а по краю вдавливанием пальца нанесен орнамент в виде ямок, подобно тому как он наносился на венчики скифских горшков. Сосудов, совершенно аналогичных описанному, я не знаю, но он очень близок острореберным горшкам со сглаженным ребром, которые украшались гладким налепным валиком по едва выделенной шейке. Такие горшки особенно хорошо представлены в материале с поселения в Ушкалке на Нижнем Днестре¹⁰.

В Румынской Молдове, в погребении № 2 кургана у с. Валея-Лупулуй был найден острореберный сосуд с округленным ребром, украшенный по венчику и по наиболее широкой части тулова пальцевыми ямками. По форме и орнаменту этот сосуд имеет много общего с горшком из погребения № 7¹¹. Наличие в этом сосуде черт, которые могут рассматриваться как переходные к скифской керамике, позволяют относить его к тому же времени, что и описанные выше сосуды с узким горлом, т. е. к концу бронзового века. Этому же времени, безусловно, принадлежат и те сосуды, которые были найдены в погребении № 1 кургана № 3 и в погребении № 1 кургана № 4.

Сосуд из кургана № 3 (рис. 12—4) сходен с сосудом из погребения № 3 кургана № 2, и к нему может относиться все, что было сказано выше по поводу последнего.

В погребении № 1 кургана № 4 найдены обломки двух сосудов. Особенно интересен и важен для датировки один из них — лощеный кубок с косыми каннелюрами на тулове (рис. 12—7). По форме он принадлежит к той группе керамики, которая в свое время была выделена И. В. Фабрициус¹², но датировка которой временем поздней бронзы была выяснена благодаря изучению поселений этого времени на Нижнем Днестре. Обломки кубков с высокой шейкой и округлым туловом происходят, например, с поселения Бабино IV¹³. Известны они и в верхнем слое Ушкалки, а также в ряде погребений, исследованных украинскими археологами в курганах на территории строительства Каховской ГЭС¹⁴. Следует заметить, однако, что орнамент в виде косых каннелюр, аналогичный описанному, встречается на сосудах этого типа крайне редко. Чаще кубки украшались невысокими круглыми или, продолговатыми налепами. Фрагмент кубка с косыми каннелюрами на тулове встречен нами при раскопках на поселении у с. Тудорово¹⁵. Несколько обломков таких же кубков с каннелюрами

⁸ Раскопки автора на поселении у с. Тудорово в 1959 году.

⁹ Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин. Субботовское городище, СА, 1958, № 2, стр. 172.

¹⁰ Материал не издан. Хранится в ИА АН УССР.

¹¹ Влад Зирра. Культура погребений с охрой в закавказских областях РНР. МИА Юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 97, табл. III, 8.

¹² И. Фабрициус. Цилиндрошийный посуд. ЛХМ, вып. 9, Херсон, 1929, стр. 38 и сл.

¹³ В. А. Ильинская. Указ. соч., табл. I, 12, 15.

¹⁴ В. А. Ильинська, Г. Т. Ковпаненко и Е. О. Петровська. Указ. соч., табл. II, 1, 7.

¹⁵ Не издан.

обнаружено на поселении в урочище Криниця у с. Михайловки¹⁶. Датировке погребений, в которых была найдена описанная керамика, концом эпохи бронзы не противоречит погребальный обряд.

На Молочной и на Нижнем Днепре посуда рассмотренных типов встречается в погребениях, характерных для позднесрубной культуры. Покойники были положены в ямы с закругленными углами или овальные, впущенные в более древние курганы. Преобладают скорченные погребения на левом, реже — на правом боку, головой на северо-восток или восток¹⁷. В курганном могильнике у с. Первомаевки известна южная и юго-западная ориентировка¹⁸. Таким образом, и по погребальному обряду захоронения эпохи поздней бронзы у с. Олонешты не отличаются от тех, которые исследованы в украинских степях.

В связи с тем, что по форме могил и погребальному ритуалу безынвентарные впускные погребения в курганах № 2 и 4 аналогичны тем, в которых была найдена керамика, мы и их предположительно датировем эпохой поздней бронзы. Несколько отличается от остальных лишь погребение № 1 в кургане № 2. Вытянутое положение костяка и ориентировка на запад — северо-запад заставляют считать это захоронение самым поздним из всех погребений эпохи бронзы, исследованных в данном памятнике.

Говоря о курганах, раскопанных нами у с. Олонешты, нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. В кургане № 2 преобладают погребения с северо-восточной ориентировкой, в кургане № 4 — с южной ориентировкой покойников. Эти курганы находятся в разных курганных группах, расположенных на расстоянии около 400 м друг от друга. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с двумя родовыми или семейными кладбищами. Однако лишь последующие раскопки в обеих курганных группах дадут возможность для доказательства или опровержения этого предположения.

Памятники эпохи бронзы в степной части Молдавии пока еще очень слабо изучены. Полученные нами сведения дополняют те небольшие данные о культуре населения степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы, которые были известны ранее. Судя по материалам, в эпоху поздней бронзы степное Поднепровье было занято племенами, родственными по культуре населению степных областей Украины.

¹⁶ Материал не издан. Хранится в ИА АН УССР.

¹⁷ О. І. Тереножкин. Кургани в долині р. Молочної. АП УРСР, VIII, Київ, 1960, стр. 13 и сл.

¹⁸ В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко и Є. О. Петровська. Указ. соч., стр. 129 и сл.

Б. Н. ГРАКОВ

ДВЕ ЗАМЕТКИ
ПО СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

1. НОВЫЕ НАХОДКИ ГРЕЧЕСКИХ МОНЕТ С КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

За семь сезонов раскопок, которые мы провели на Каменском городище степных скифов, удалось найти всего три монеты; несмотря на значительные площади, вскрытые за это время. Это были три бронзовые монеты: одна — Гестиен на Евбее, другая — небольшая монетка Александра Великого и третья — совершенно стертый медный кружок от монеты неизвестного происхождения. Все они происходили непосредственно из культурного слоя. Кроме того, были известные от того же времени случайные находки: одна серебряная монета Истрии, V в. до н. э., медь Тиря — IV в.; две ольвийские медные монеты III в., две такие же херсонесские IV в. до н. э. и семь пантикапейских, частью IV в., частью III в. до н. э., все — медные. Набор этих монет указывает на случайность и неопределенность обращавшихся в городе монет и заставляет предполагать их применение, может быть, для расчетов с греками.

В довольно многочисленных туземных курганах рядового населения и в знаменитых «царских курганах», известных к настоящему времени, монеты не встречаются. Зато в первых есть греческие товары — амфоры с вином и мелкая обиходная утварь, а во вторых — всемирно известные произведения греческой торевтики в золоте и серебре, и драгоценные художественные сосуды, и такое же оружие. Это обстоятельство указывает на отсутствие обращения внутри скифского общества даже греческой монеты¹.

В Мелитопольском краеведческом музее хранится часть клада бронзовых ольвийских монет в количестве девятнадцати III в. до н. э. и двух — пантикапейских, также III в. до н. э. По устной традиции, клад будто бы найден на Каменском городище². Если это так, то все же он никак не указывает на широкое обращение греческой монеты у скифов. Ее берегли, но не ценили в качестве денежного знака для своей торговли, а, по-видимому, только для расчетов с греческими торговцами. И прежние находки, и опубликованный Н. И. Волчковой материал свидетельствуют о том, что подобные расчеты велись более всего с северочерноморскими эллинскими центрами, особенно с Пантикапеем и Ольвией, с первым, — вероятно, чаще и интенсивнее.

Недавно Ф. Н. Щербань, преподаватель истории восьмилетней школы № 4 в г. Каменка-Днепровская, сообщил мне о находке его учениками на Каменском городище двух греческих монет и прислал их фотографии. На мой запрос он выслал и другие необходимые данные об этих монетах. Это оказались две царские македонские монеты³.

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 145—150.

² Н. И. Волчкова. Клад античных монет из Каменки-Днепровской. КСИА АН УССР, вып. 6, Киев, 1956, стр. 55 и 56 (с таблицей).

³ Типы см. «Die antiken Münzen Nord-Griechenlands», Bd. III, Teil 2, 1935; H. Gaebler. Nord-Makedonia und Paionia. Berlin, табл. XXXI, 9, 12.

Рис. 13. Монеты с Каменского городища.

1 — лицевая (а) и оборотная (б) стороны медной монеты Филиппа Македонского с Каменского городища; 2 — лицевая (а) и оборотная (б) стороны монеты Александра Великого с того же городища.

Первая монета. Лицевая сторона: голова Аполлона в диадеме, без лент, вправо, в круге из точек. Обратная сторона: юный всадник скачет вправо; над его фигурой — другой по краю монеты — $\Phi\Lambda\text{I}\Pi\text{I}\text{P}\text{I}\text{O}\text{Y}$, под брюхом лошади — Δ (дифферент выпуска). Медь. Размеры монеты: 19,1 мм по вертикали головы, 18,08 мм в поперечнике. Вес — 8 г. Монета Филиппа Македонского, до 336 г. (рис. 13—1).

Вторая монета. Лицевая сторона: голова юного Геракла вправо, в шлеме из шкуры львиной головы, в круге из точек. Обратная сторона: палица Геракла, ударным концом вправо; под ней — цилиндрический кочан отверстием влево, из-под него виден лук, тетивой к палице, «скифского» типа, в боевом состоянии. Между обоими предметами — надпись в строку: $\text{A}\Lambda\text{E}\text{E}\text{A}\text{N}\Delta\text{P}\text{O}\text{Y}$. Медь. Размеры монеты: 18,2 мм по вертикали головы, 17,6 мм в поперечнике. Вес — 6,59 г. Монета Александра Великого (336—323 гг.), вскоре после 336 г.; вернее, однако, — начала царствования (рис. 13—2).

Сношения Македонии этого времени со Скифией кратковременны, но весьма примечательны. Переход объединителя Скифии Атея на правый берег Дуная принудил Филиппа под довольно пустым предлогом выступить против этого девяностолетнего царя. Атей был разбит и погиб в сражении. Это событие имело место в 339 г. В 335 г. Александр Великий, прослышав о том, что в Скифии неспокойно, двинулся походом к устьям Дуная, но со скифами не сражался, а только демонстративно перешел через Дунай к гетам. Когда Александр уже давно был в Азии, а именно в 331 г., его наместник Зопирион вторгся в Скифию с тридцатитысячным войском, осадил союзную скифам Ольвию, а при отступлении был разбит скифами и погиб. События эти отражают враждебные отношения двух македонских

царей и видных полководцев с Атеем и его ближайшими потомками. Как раз в эпоху Атея возник в собственно Скифии огромный и единственный на ее территории город, ныне Каменское городище. Очень возможно, что он служил столицей объединенного Атеева царства. В результате хотя бы и враждебных отношений Македонии и скифского царства,— но не постоянно враждебных, а мирных до 339 г. и от похода Александра до Зопириона,— вероятно, и попали эти монеты в далекую приднепровскую столицу скифов, отразив бегло современные им события.

2. О КАМЕННОМ АЛТАРЕ ИЗ ЖЕНСКОЙ МОГИЛЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Еще в 1929 г. нам привелось найти при раскопках в курганной группе Бис-Оба на земле аула № 1 в одном из курганов савроматского времени не очень богатую женскую могилу. Она находилась в центре кургана № 7 и имела неправильные контуры с дуговидными, выгнутыми широкими сторонами. Ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток,

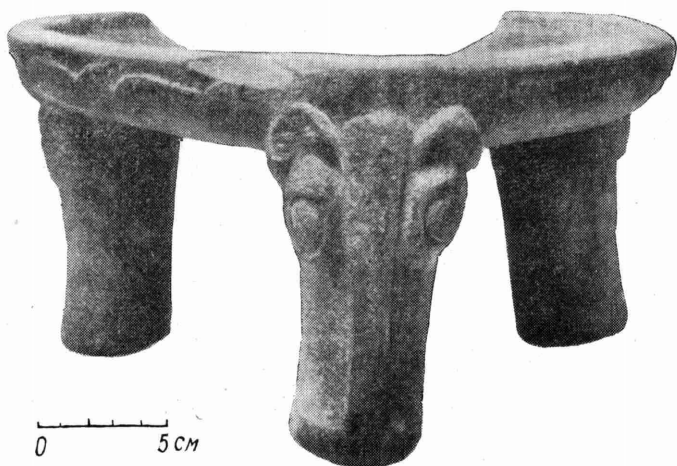

Рис. 14. Каменный алтарик из кургана № 7 в урочище Бис-Оба, аул № 1 (Оренбургская область)

эта яма была длиной 3,4 м, шириной — 3,05 м. Дно находилось на глубине 2,3 м. На горизонте у юго-восточной стенки ямы лежали черепная крышка человека и несколько обломков длинных костей, перебитых на несколько частей каждая. Бревна, перекрывавшие яму поперек, обвалились вниз концами и слегка сдвинули костяк женщины. У ее левого плеча лежало круглое зеркало с пластинчатой ручкой равномерной ширины, без всякого навершия. Этот тип зеркал в курганах савроматского и прохоровского этапов достаточно обычен.

У левого локтя погребенной находилось круглое блюдо-алтарь на трех ножках. Его диаметр — около 26 см, высота — около 18. По бочку блюда — рельефный орнамент из ряда своеобразных фигур, похожих на рыб, плывущих влево (?). Такие же фигуры на подобных алтариках встречались неоднократно⁴. Ножки изображают туповатые морды с круглыми глазами и округленными сверху ушами. Более всего они походят на медведей

⁴ Например, см. Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье летом 1887 и 1888 гг. МАВГ, т. III, М., 1899, стр. 1—41, табл. 9, 1.

(рис. 14). Известно несколько блюд с такими мордами-ножками, всегда по три⁵. Это блюдо-алтарь, подчеркивающее роль женщины, как жрицы домашнего огня, по случайным обстоятельствам не было нами опубликовано ранее.

Изображения медведей при женских костях у савроматов — явление не новое. Медведь изображен на ножке из кургана в урочище Бис-Оба под Орском, на золотой бляшке из кургана у с. Золотушенского, Астраханской области⁶ и др. Можно думать, что медвежий культ в какой-то мере был связан с женскими жреческими обязанностями. Он был распространен у северных савроматов так же, как и у их ближайших соседей — носителей ананьинской культуры.

⁵ Там же, табл. 9, 2 — блюдо из станицы Магнитной; А. Деревенсков. Сообщение об археологических находках при работах на маячных каменоломнях близ Оренбурга в 1908 г. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXIII, 1911, стр. 64; А. М. Tallgren. Portable altars 5. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 207, рис. 1. Это блюдо происходит из хутора Краснодворского на правом берегу Дона.

⁶ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37, 1918, табл. VII, 7; P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 88, рис. 31.

И. В. ЯЦЕНКО

РАННЕЕ САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В БАССЕЙНЕ СЕВЕРНОГО ДОНЦА

Близ хутора Клименкова, расположенного на самом юге Воронежской области, у истоков р. Айдара, притока Северного Донца, найден интересный набор вещей, хранящийся в Государственном историческом музее¹. Сведений о происхождении этого комплекса почти не сохранилось. Единственным документом является рукописное продолжение каталога коллекции Румянцевского музея, где, за исключением бронзового светильника, записаны под № 4066 все вещи этого комплекса (состоящего в основном из предметов конского снаряжения) как найденные «на хуторе Клименковом Воронежской губернии Валуйского уезда». Под № 4067 записано: «Бронзовая лампа грубой отделки с головами сатира и силеня по бокам. Найдена там же, где и № 4066».

На основании приведенных записей можно предполагать, что и бронзовый светильник, и вещи от конской сбруи, скорее всего, были найдены в одном погребении. Нужно отметить, что в каталоге вещи, принадлежащие конской уздечке, описаны очень тщательно, с указанием размеров; к бляшкам с грифонами приведены, как аналогии, бляшки из Куль-Обы. Комплекс был назван скифским, по-видимому, в том смысле, в каком этот термин употреблялся в русской археологической науке в начале XX в.

В набор вещей конского снаряжения из клименковской находки входят две пары железных удиц, три железных псаля и различные бляшки, служившие украшениями уздечки. Кроме того, к этому комплексу принадлежат обломки лезвия ножа и, как уже говорилось, бронзовая лампа.

1. Две пары железных удиц сделаны из четырёхгранного в сечении дрота (рис. 15—1, 2). Одна из пар — более массивная и имеет несколько большую длину (19,8 см; длина второй пары — 18,7 см). В петлеобразные концы этой пары удиц вставлены кольца, также четырёхгранные в сечении.

В комплексе сохранилось одно отдельное кольцо (рис. 15—3), точно такое же, как и кольца у первых удиц. Нужно отметить, что это кольцо не могло принадлежать второй паре, так как у него нет никакого разрыва, и петли на концах удиц также плотно замкнуты. Вероятно, это кольцо — от третьей пары, не дошедшей до нас, как, по-видимому, и много других вещей этой находки.

Три псаля (рис. 15—4—6), принадлежащие клименковскому комплексу, сделаны из железного четырёхгранного дрота. По форме они напоминают русскую букву С и имеют два отверстия. Концы псалиев завершаются утолщениями в виде шариков. Длина первого псаля — 10 см, второго — 9,5 см; длина сохранившейся части поломанного псаля — 8 см.

Железные удила с петлеобразными концами очень распространены

¹ ГИМ, инв. № 54665; по каталогу № 4066 и 4067

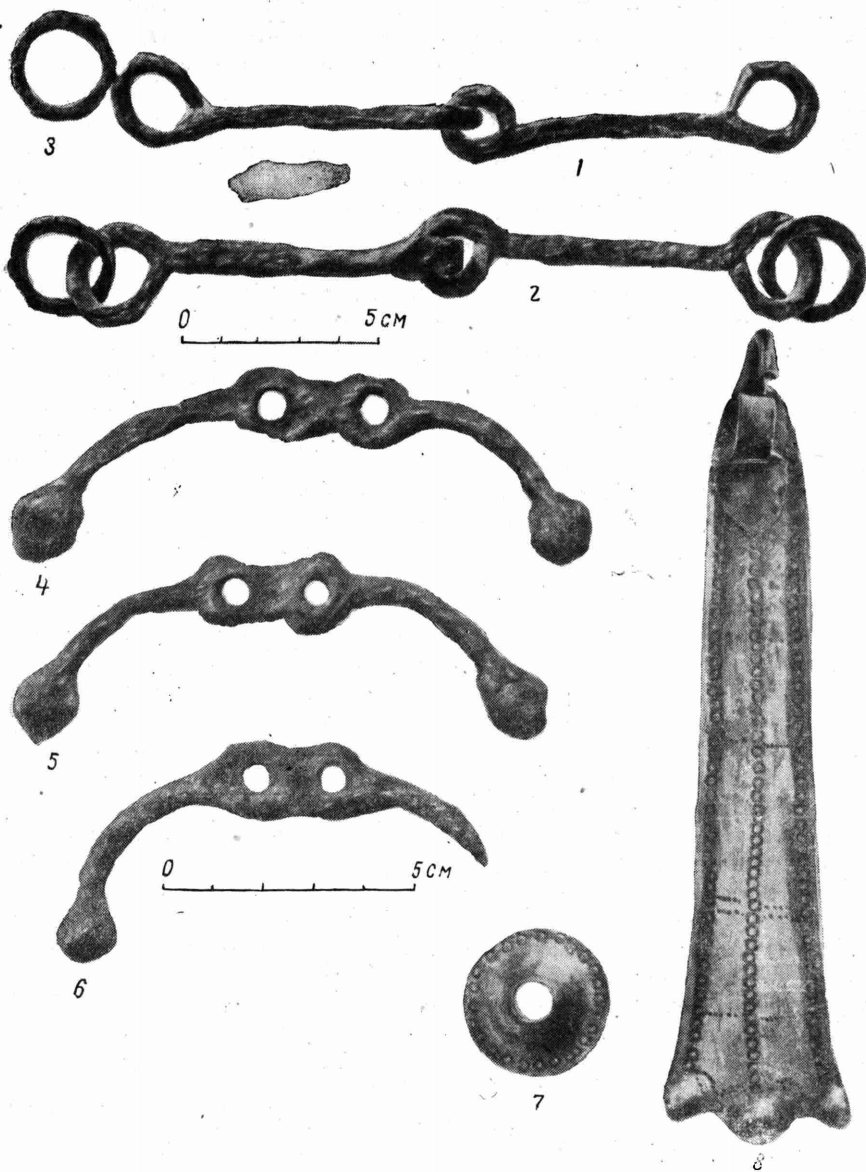

Рис. 15. Вещи из комплекса, найденного у хутора Клименкова.

1,2 — железные удила; 3 — железное кольцо от удила; 4—6 — железные псаляни; 7 — серебряная ворворка; 8 — серебряная пластина с крючком.

и появляются еще в VI в. до н. э.² Среди них преобладают удила из стержней, круглых в сечении. Однако встречаются и из стержней четырехгранного сечения, а многие сделаны так, что их сечение вообще четко. Близкие удила, выполненные из стержней четырехгранного сечения, можно указать в кургане Солоха³.

Удила с железными псалями, напоминающими по форме русскую букву С, характерны для погребений IV—III вв. до н. э. Так, например,

² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 106.

³ Не изданы. Государственный Эрмитаж.

у всех коней из кургана Козел⁴ были удила и псалии подобного типа. Но следует отметить, что в удилах коней из кургана Козел в наружных петлях нет подвижных колец. Вместо колец в петли вставлены пряжки, состоящие из кольца и треугольника.

Подобные пряжки⁵ были характерной принадлежностью удил, происходящих из курганов IV—III вв. до н. э. степной и лесостепной Украины и Прикубанья. Они служили для прикрепления повода, тогда как псалии предназначались для соединения ремней оголовья уздечки с удилами. Однако удила, имеющие вместо пряжек простые кольца встречаются как исключение в памятниках IV—III вв. до н. э.⁶

Во II в. до н. э. число удил с таким приспособлением для соединения с поводом увеличивается. Удила с кольцами и псалиями, аналогичными клименковским, найдены в одном из погребений II в. до н. э. мавзолея Неаполя Скифского⁷. Очень вероятно, что удила из конской могилы, принадлежащей склепу Васюринской горы, также имели кольца для повода, но, в отличие от клименковских, не железные, а бронзовые⁸. В этой же могиле найдены псалии, очень похожие на клименковские⁹. Псалии Васюринского склепа отличаются от последних лишь тем, что они были позолочены и более нарядно украшены.

Удила с кольцами известны и из погребений II—I вв. до н. э. и I в. н. э. Прикубанья¹⁰. Иногда кольца сочетаются с удилами, имеющими крестообразные псалии¹¹, которые бытовали в III—II вв. до н. э.¹² В последнем случае кольца могли иметь и иную функцию — служить не для прикрепления повода, а для соединения с ремнями оголовья уздечки.

Близкие типы удил и псалиев можно указать в недавней находке интересного набора конского снаряжения под Воронежем у дер. Антиповки¹³. Известно, что в этот комплекс, наряду с близкими клименковским, входят также удила, имеющие по два подвижных кольца на каждом конце¹⁴. Такие уже употреблялись без псалиев. Подвижные кольца обычно служили для соединения с оголовьем и для прикрепления повода. Последний вид удил обычно отличается большой массивностью и сделан из стержней с ярко выраженным четырёхугольным сечением; он был широко распространен в первые века нашей эры¹⁵.

Псалий, близкий к клименковским, можно указать и из погребения у Балаклеи¹⁶ (Харьковская область, близ Изюма), относящегося к тому же времени, что и комплексы таких знаменитых кладов, как Старобельский или Таганрогский.

⁴ ГИМ, инв. № 54746; Каталог отделения дрезностей. Московский публичный и Румянцевский музей. М., 1905, стр. 78, № 1779; ОАК за 1865 г., стр. X.

⁵ Ф. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 108, рис. 64.

⁶ ДП, II, табл. XXI, 401. Уздечка из кургана у с. Волковцы 6. Полтавской губернии, Роменского уезда, датируется не позднее первой половины III в. до н. э. Ко второй половине IV в. до н. э. относится уздечка, найденная в Болгарии у Янково. И. Венедиков, Тракийската юзда. Известия на Археологическия институт, XXI, София, 1957, стр. 156, рис. 7; стр. 187.

⁷ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 31, табл. XII.

⁸ АДЖ, табл. XVIII, 10, 14.

⁹ Там же, табл. XVIII, 5.

¹⁰ Н. В. Анфилов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 80, рис. 21, 11, 13.

¹¹ Там же, рис. 21, 10.

¹² К. Ф. Смирнов. Северский курган. Труды Государственного исторического музея. «Памятники культуры», вып. XI, М., 1953, стр. 39, 40.

¹³ И. И. Гушина. Случайная находка в Воронежской области. СА, 1961, № 2, стр. 244, рис. 3, 4.

¹⁴ Там же, рис. 3, 1.

¹⁵ И. Венедиков. Указ. соч., стр. 177, рис. 30 и 31.

¹⁶ М. Сибильов. Фалари Изюмщины. Хроніка археології та мистецтва. Київ, 1936, ч. 2, табл. V, 7.

2. В описываемый нами комплекс входят 8 блях, служивших укреплениями уздечных ремней.

Совершенно одинаковы четыре плоские серебряные бляхи с чеканными изображениями пары грифонов (рис. 16—1—4, 9). Грифоны сидят лицом друг к другу. Левая передняя лапа левого грифона и правая передняя лапа правого — подняты и соприкасаются. Львиные морды грифонов оскалены; головы грифонов имеют рога, направленные назад и на концах загибающиеся вперед. У рогов неровная, рубчатая поверхность благодаря косым насечкам, которые сделаны резцом. На шее и груди грифонов показана шерсть нанесенными поверх рельефа уголками. Задняя часть туловища — гладкая; только с боков отмечены прорезанными линиями ребра или складки живота (?). Крылья грифонов — серповидной формы, рельефные; изображения дополнены гравировкой. Хвосты подняты вверх и положены на туловище. Диаметр бляшек — от 5,2 до 5,5 см. На каждой бляшке — по два небольших отверстия от заклепок, служивших для прикрепления ушка. Такой же способ прикрепления ушка можно видеть на бляшках комплекса, обнаруженного у сел Покровка и Антиповки¹⁷.

Пока не удалось найти точную аналогию паре сидящих львогрифонов, изображенных на бляшках из клименковской находки. Мотив пары стоящих и — реже — сидящих грифонов, обращенных друг к другу с поднятыми и соприкасающимися передними лапами, имел широкое распространение на ювелирных изделиях IV—III вв. до н. э. и более позднего времени, происходящих с территории Северного Причерноморья¹⁸. К сожалению, из-за недостатка места нет возможности дать полный перечень подобных изображений и охарактеризовать особенности иконографии отдельных вариантов этого мотива. Клименковские львогрифоны по целому ряду деталей могут быть сопоставлены с грифонами куль-обских бляшек и бляшек из Чмыревой могилы, Нижнего Рогачика и кургана № 5 у с. Мастюгина¹⁹ (бляшки из последних трех курганов являются своеобразным вариантом куль-обских). Тип грифона, представленный, на куль-обской бляшке, очень близок к типу грифонов, изображенных на боспорских монетах²⁰.

Грифоны на бляшках из клименковской находки отличаются от куль-обских не только позой (грифоны на куль-обской бляшке стоят, а на клименковской — сидят), но и целым рядом деталей в их изображениях. Львиные головы грифонов на клименковской бляшке выглядят более массивными, рога направлены назад, на концах загнуты вперед и на них сделаны насечки; шея покрыта пушистой шерстью. Клименковские грифоны могут быть сближены с изображением грифона на бронзовой пластинке из кургана № 2 Мастюгинской группы²¹, со скульптурными головками львогрифонов, украшавших ювелирные изделия из погребений III в. до н. э.²²

Клименковские грифоны вместе с последними могут быть сопоставлены с изображениями грифонов на концах браслетов из Сибири и из так назы-

¹⁷ А. А. Спицын. Серогозские курганы. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 162, рис. 2; И. И. Гущина. Указ. соч., стр. 243, рис. 2, 2.

¹⁸ ДБК, табл. XX, 4; ИАК, вып. 19, 1906, стр. 106, рис. 40; ОАК за 1913—1915 гг., рис. 221; ИАК, вып. 43, 1911, табл. I, 12; ДГС, табл. XXV, 1; В. П. Шилова. Раскопки Елизаветовского могильника. СА, 1961, № 1, стр. 159, рис. 11; ОАК за 1895 г., рис. 3.

¹⁹ ДБК, табл. XX, 4; ИАК, вып. 19, 1906, стр. 106, рис. 40; ОАК за 1913—1915 гг., рис. 221; ИАК, вып. 43, 1911, табл. I, 12.

²⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XI, 7—11; Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 66, 67.

²¹ Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. в с. Мастюгино Коротоякского уезда. ИАК, вып. 43, 1911, табл. II, стр. 66, 67.

²² Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, № 69, 1959, стр. 91, рис. 50.

ваемого Аму-Дарьинского клада²³, а также с парфянскими львогрифонами из Нисы²⁴. Все они имеют близкую форму рогов, часто снабженных кольцевыми рубчиками, и массивные морды со злыми, оскаленными пастьями, открывающими клыки (у грифонов из Нисы еще и высунут язык). Довольно близки и форма крыльев, и разделка их оперения, и трактовка пушистой гривы на шее.

По своим иконографическим особенностям грифоны клименковских бляшек отличаются от типов изображений, широко распространенных с IV в. до н. э. в Северном Причерноморье и в большей или меньшей степени сходных с воспроизведениями львогрифонов на боспорских монетах. Многие детали сближают их с изображениями львогрифонов другого типа, также известного в Северном Причерноморье в это же время, который имеет сходные черты с образом грифона, распространенным в более восточных областях.

3. Пара серебряных круглых блях с выпуклой серединой и плоским ободком показана на рис. 16—5, 6. В середине помещено рельефное изображение розетки с десятью искривленными лепестками. На бляхах с наружной стороны сохранилась позолота; на обратной стороне видны следы припоя ушка. Диаметр одной из блях — 10 см, другой — 9,8 см. По форме эти бляхи напоминают некоторые типы фалар²⁵. Мотив розетки с искривленными лепестками, которую называют также крутящимся колесом, можно указать на целом ряде украшений, происходящих из комплексов скифо-сарматского времени, найденных на территории Северного Причерноморья²⁶. Ближайшая же аналогия клименковским бляхам — украшения уздечного набора, происходящие из конской могилы при втором Васюринском склепе²⁷.

4. Пара серебряных блях такой же формы, как и предыдущие, но без всяких украшений и меньшего размера приведена на рис. 16—7, 8. Диаметр — 5,2 и 5,5 см. На ободках — отверстия, образовавшиеся в результате прикрепления к бляшкам ушков для ремней (ушки не сохранились).

5. Серебряная ворворка для кистей показана на рис. 15—7. По нижнему ободку проходит орнамент из кружков. Ворворка имеет обычную форму, характерную для таких предметов, происходящих из курганов и кладов Северного Причерноморья²⁸ (диаметр — 2,3 см, высота — 0,6 см).

6. В описываемый комплекс входят два куска листового серебра с позолотой, имеющие овальную форму. Размер одного из них может быть восстановлен (14×10 см). На поверхности видны следы тиснения, однако понять рисунок не удастся из-за очень плохой сохранности. В тех местах бляхи, где сохранился настоящий край, есть отверстия от гвоздей. Повидимому, эти бляхи, набивавшиеся на какую-то основу, служили нагрудными украшениями коня, подобно круглым бронзовым бляхам близкого размера из Огуза²⁹ или продолговатым — из Чертомлыка и Козла³⁰. Металл этих листов по виду очень напоминает металл фалар Янчокрак-

²³ M. A. Dalton. The treasure of Oxus. London, 1926, рис. 34, табл. XVIII, 131.

²⁴ Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, № 2, стр. 75, рис. 4.

²⁵ А. А. Спицын. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 18 и 47, рис. 71.

²⁶ ОАК за 1876 г., табл. III, 24; С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 43, рис. 33, 4; А. А. Спицын. Указ. соч., рис. 23.

²⁷ АДЖ, табл. XVIII, 1, 2.

²⁸ А. А. Спицын. Серогозские курганы. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 165, рис. 30; N. Fettich. Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen. Acta Archaeologica, Budapest, 1953, t. III, стр. 127, рис. 3, 7; А. А. Спицын. Фалары Южной России, стр. 40, рис. 46.

²⁹ А. А. Спицын. Серогозские курганы, стр. 164, рис. 23.

³⁰ ГИМ, инв. № 54746. Каталог Румянцевского музея, № 1663.

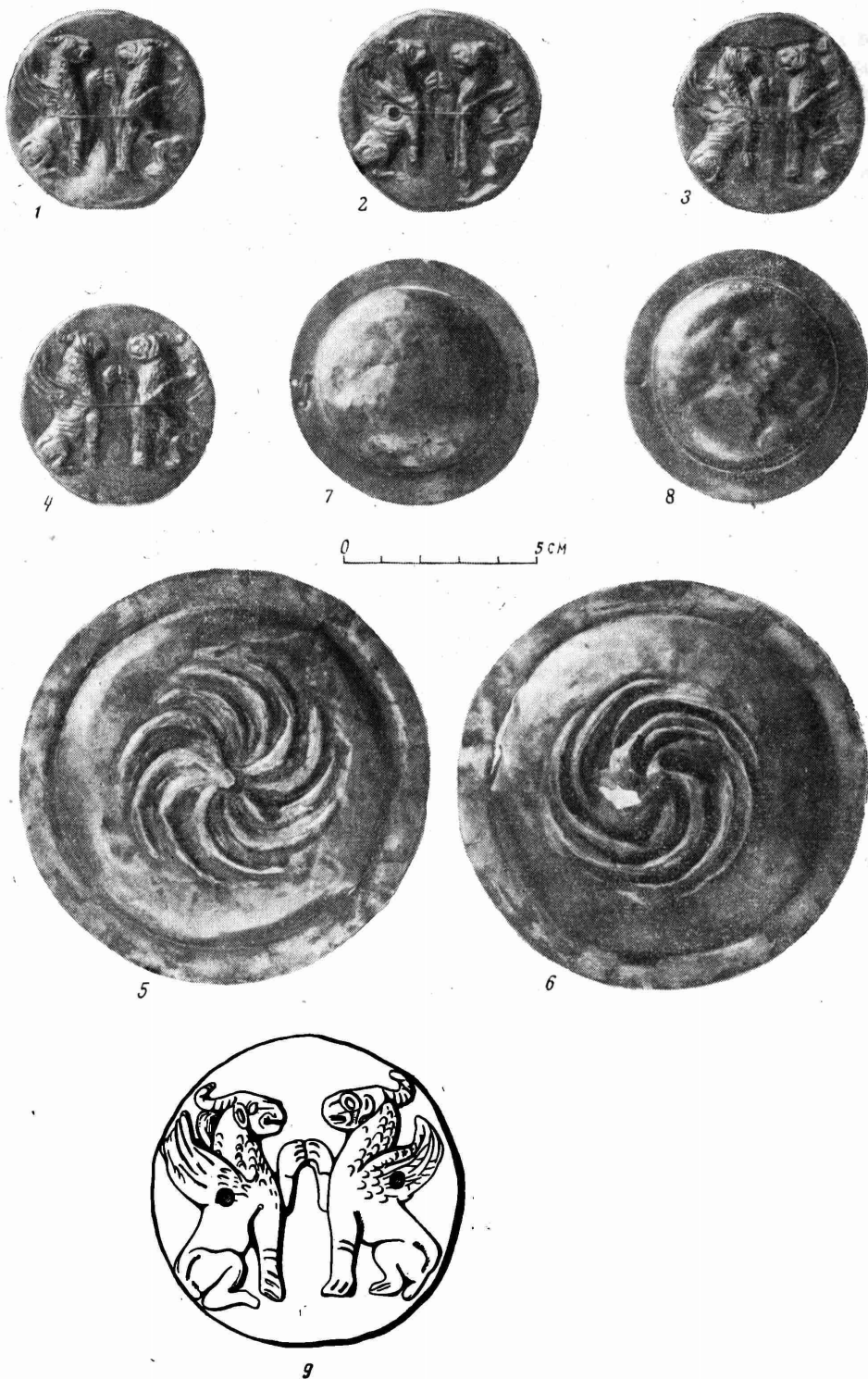

Рис. 16. Бляхи, украшавшие конские уборы из комплекса, найденного у хутора Клименкова.

1—4 — позолоченные серебряные бляхи с изображением грифонов; 5, 6 — серебряные позолоченные бляхи с изображением розетки в виде крутящегося колеса; 7, 8 — серебряные бляхи; 9 — прорись бляхи 1 (увеличено в 1,5 раза).

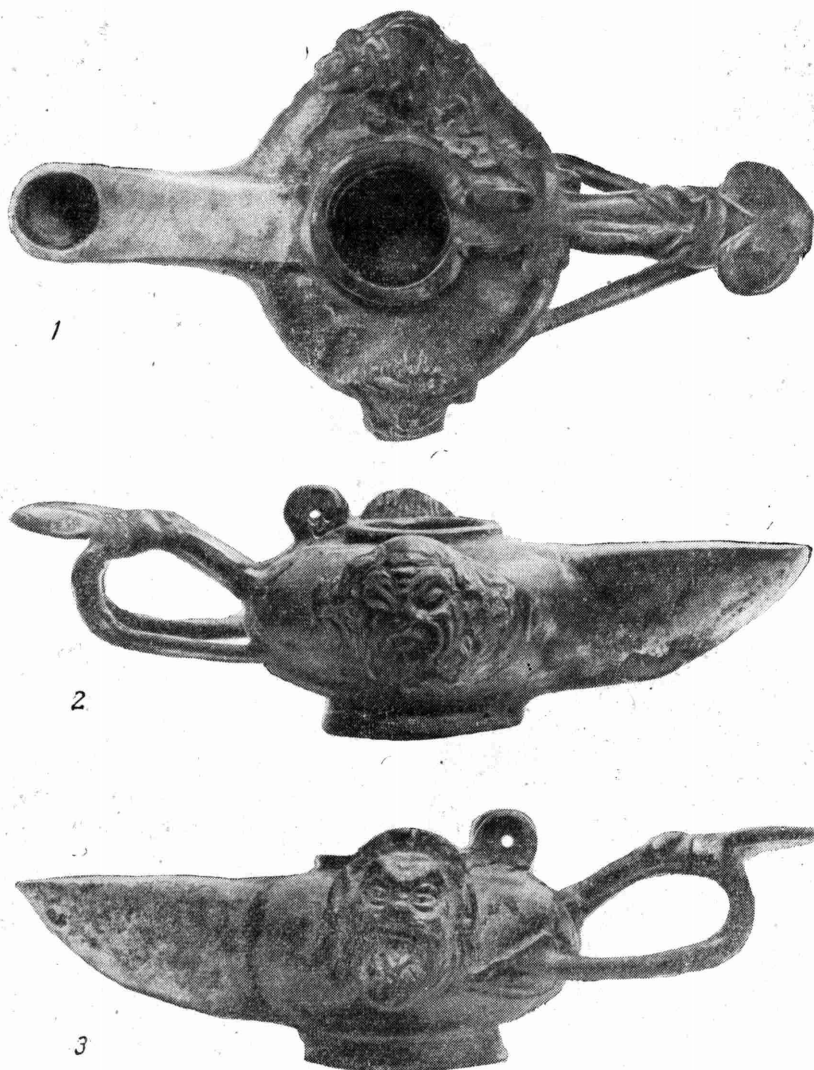

Рис. 17. Бронзовый светильник из комплекса, найденного у хутора Клименкова

1 — вид сверху; 2, 3 — вид сбоку.

ского и Старобедьских кладов. Поэтому можно в какой-то степени предположить, что листы представляют собой испорченные фалары.

7. Предметом неизвестного назначения является продолговатая треугольная серебряная пластина, один конец которой превращен в крючок (рис. 15—8). Под крючком находится припаянное ушко. Другой конец пластины заканчивается тремя полукруглыми фестонами, из которых каждый имеет выпуклину. Пластина украшена тремя продольными полосками из мелких кружков, выпукликами и пунктирными линиями из мелких точек. Длина ее — 12 см, ширина — 3 см.

Подобные пластины известны из находок у дер. Антиповки Воронежской области, у с. Бобуежи в Молдавии, в Ахтанизовском кладе и Зеленском кургане на Таманском полуострове³¹. Хотя по форме эти предметы

³¹ И. И. Гущина. Указ. соч., стр. 243, рис. 3; Отчет Исторического музея за 1908 г. М., 1909, стр. 14, табл. I, 5, 7; А. А. Спицын. Фалары Южной России,

несколько напоминают некоторые из типов поясных крючков, известных в ананьинской культуре³², все же их нельзя считать такими крючками из-за расположения петли у основания крючка. Эти предметы по конструкции могут быть сопоставлены с некоторыми типами налобников конских уздечек, например, с налобниками, происходящими из конских гробниц при втором Васюринском склепе и из Частых курганов³³. Указанные налобники также имеют крючок, оформленный в виде головы животного, и под ним — ушко для прикрепления к ремню. Однако, несмотря на это небольшое внешнее сходство, пока нет оснований считать подобные пластины конскими налобниками. Таким образом, назначение пластины остается неизвестным.

7. Бронзовый светильник имеет сферическое, несколько приплюснутое тулово и длинный носик (рис. 17—1—3). Тулово светильника стоит на низкой кольцевой подставке. Длина его — 16,3 см, высота — 4,5 см. Дно поднимается и образует коническую выпуклость внутри светильника; снаружи ей соответствует углубление. Ручка светильника завязана наверху геракловым узлом, к низу же завязанные стержни ручки расходятся в разные стороны. Концы их оформлены в виде остроконечных листьев и прикреплены к тулову. За узлом ручка прикрыта маленьким трилистником. Около отверстий для наливания масла сохранилась пара ушков, служившая для прикрепления крышки, на которой могла находиться бронзовая фигурка мыши, как на светильниках из Каирского и Британского музеев³⁴. По бокам тулова помещено по рельефной маске силена и сатира.

По своей форме светильник соответствует эллинистическим³⁵. С территории Советского Союза ближайшей аналогией клименковскому является бронзовый светильник из Артюховского кургана³⁶. У него также гераклов узел на ручке, кольцевая подставка и ушки для прикрепления крышки. По форме же светильник из Артюховского кургана несколько отличается. У него более короткий носик, который расширяется у отверстия для фитиля. Поэтому артюховский светильник должен относиться к несколько более позднему времени. Следует отметить, что в Артюховском кургане очень многие предметы имеют ручки с геракловым узлом³⁷. В ахтанизовском комплексе также есть серебряная ручка, завязанная геракловым узлом³⁸.

После разбора вещей становится ясным, что хотя некоторые, отдельно взятые вещи клименковской находки и могут сопоставляться с предметами из памятников IV—III вв. до н. э., рассматриваемый комплекс определенно связывается с кругом находок более позднего времени — погребением мавзолея Неаполя Скифского, конскими гробницами Васюринского кургана, ахтанизовской находкой и артюховскими погребениями, находкой у Антиповки, Федуловским кладом и курганом у Балаклеи и, наконец, с самой западной находкой у с. Бобуежи. Все эти памятники в основном датируются II в. до н. э., или немного позднее.

Очень интересна близость клименковских блях с розетками в виде крутящегося колеса к таким же бляхам из Васюринского кургана. Они

рис. 30; Коллекции Античного отдела Государственного Эрмитажа, № 23869.

³² А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. VI, 9; табл. XVII, 3, 4, 20, 21.

³³ АДЖ, табл. XVIII, 4; С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 19, рис. 6, 1.

³⁴ C. C. E d g a r. Greek bronzes. Catalogue du Musée du Caire. Caire, 1914, табл. XI, 27769; H. W h a l t e r s. Catalogue of the greek and roman lamps in the British Museum London, 1914, стр. 2, № 6, рис. 3.

³⁵ Например, F. O. W a a g e. Lamps. Antioch on the Orontes, III. Princeton, 1941, типы № 12 и 13, которые Ф. О. Вааге датирует II в. до н. э.; O. W a l d h a u e r. Die antiken Tonlampen. СПб., 1914, табл. VIII, 89—91.

³⁶ ОАК за 1880 г., стр. 19, № 66.

³⁷ Там же, стр. 32—47.

³⁸ А. А. Спицын. Фалары Южной России, стр. 35, рис. 28.

совпадают по форме, размеру и рисунку, их украшающему. Такая идентичность заставляет предполагать, что они должны быть изготовлены примерно в одно и то же время и в одном и том же месте. Следует отметить, что псалии, самые близкие псалиям из клименковской находки, также были найдены в Васюринском кургане. Дата васюринских конских гробниц — конец III в.— II в. до н. э.³⁹ К сожалению, после М. И. Ростовцева никто не занимался уточнением времени этих захоронений. Ахтанизовский комплекс — это конец II в. до н. э. Артюховские погребения, с которыми клименковская находка (так же как и с ахтанизовской) имеет ряд общих элементов (пластина с крючком, бляха с мотивом розетки с искривленными лепестками, светильник, ручки с геракловыми узлами), датируются исследователями двояким образом — или в пределах третьей четверти II в. до н. э.⁴⁰, или около 100 г. до н. э.⁴¹ Клименковская находка должна быть отнесена к периоду между артюховскими погребениями и васюринскими конскими гробницами. Возможно, что в дальнейшем окончательное уточнение времени Артюховского кургана и васюринских конских могил позволит еще точнее определить дату и Клименковского могильника; пока же ее можно наметить в пределах II в. до н. э.

Географическое положение и дата клименковской находки дают возможность связать ее с пока еще очень малочисленной группой ранних сарматских погребений конца III в.— начала I в. до н. э. на территории бассейна Северного Донца, которая недавно была выделена М. П. Абрамовой⁴². К ним должно быть отнесено и погребение у Балаклеи, случайно открытое под Изюмом.

Клименковская находка — это третье богатое погребение среди еще очень небольшого количества памятников данной группы. К первым двум относятся так называемый Старобельский клад и погребение у Балаклеи. От этих двух комплексов клименковская находка отличается значительным сходством с инвентарем богатых погребений Таманского полуострова.

³⁹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 373. М. И. Ростовцев датирует конские уборы первого Васюринского склепа II в. до н. э.; конские могилы второго склепа он относит ко второй половине III в. до н. э. (АДЖ, стр. 53—57). По-видимому, дата васюринских конских захоронений, связанных с первым склепом, должна соответствовать найденным в первом склепе родосским амфорным ручкам, датирующимся около 180 г. до н. э.

⁴⁰ М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 46 и сл.

⁴¹ Н. К ü t h m a n. Beiträge zur hellenistisch-römischer Toreutik, I. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, 1958, стр. 129.

⁴² М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины. СА, 1961, № 1, стр. 96, рис. 91.

И. Д. МАРЧЕНКО

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА КОНЦА VI В. ДО Н. Э.
ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Несмотря на большое количество золотых и бронзовых изделий VI—V вв. до н. э., находимых в Северо-Восточном Причерноморье, каждый новый памятник, характеризующий местную художественную обработку металла, имеет большое значение. При стилистическом разнообразии памятников того времени очень существенно накопление новых данных, дополняющих наши представления о начальных этапах развития этого ремесла в Пантикапее. Поэтому пристального внимания заслуживают новые материалы из раскопок Пантикапея¹.

В 1957 г. в архаическом слое Ново-Эспланадного раскопа в районе дома ремесленника был найден обломок литейной формы (рис. 18—1а, 1б) из серого плотного камня размером 5 × 4, 5 × 2,5 см. В целом виде форма составлялась из двух половинок; об этом можно судить по имеющемуся в форме отверстию для вставления в него стержня, скрепляющего при отливке обе части формы. На внутренней стороне обломка вырезано углубление для отливаемого предмета; справа виден литник, по которому шла заливка металла.

На основании сохранившегося контура отливаемого предмета следует заключить, что в форме отливалась округлая или слегка продолговатая бляха, украшенная рельефными изображениями двух лежащих зверей, скорее всего, — львов или грифонов. На обломке формы видны только задняя часть животного, нога, согнутая в суставе под острым углом и заканчивающаяся тремя пальцами, и хвост с кисточкой на конце, в виде стилизованного бутона. Несколько ниже согнутой в суставе ноги одного зверя вырезаны в том же положении нога и хвост другого зверя, расположенного в геральдическом сопоставлении; изображения животных скомпонованы заполняя всю поверхность бляхи. Нам представляется, что отличавшееся в описываемой форме изделие могло выглядеть так, как изображено на рис. 18—2. Резьба отличается большой тщательностью. Хорошо моделированы углубления. Твердой тонкой линией даны контуры. Чувствуется единство стиля в деталях изображения².

Сравнивая изображение на обломке каменной формы с другими, близкими по времени, изображениями на ножнах мечей, обнаруженных на территории юга России, мы убеждаемся в их сходстве. Общие черты прослеживаются и в композиции, и в стиле. Описываемая бляха по своей композиции — сопоставление в геральдической схеме двух животных — близка ряду ранних памятников: бронзовой бляхе из могилы Цукурского лима-

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1959 гг. СА, 1960, № 2.

² Форма хранится в ГМИИ, шифр М. 57, ХХІХ/6; инв. № М. 796.

Рис. 18. Литейная форма из Пантикапея и близкие ей изображения.

1а — обломок литейной формы; 1б — гипсовая отливка из этой формы; 2 — предполагаемый вид бляхи, отливавшейся в пантикапейской форме; 3 — пряжка из могилы Цукурского лимана; 4 — украшение меча из кургана Томаковки; 5 — украшение на ножнах из 6. Полтавской губернии; 6 — бронзовая бляха из окрестностей Керчи.

на³, где представлены два зверя (скорее всего, — пантеры или львы) в виде ажурной литой пряжки (рис. 18—3); украшению на ножнах меча из кургана Томаковки⁴, где звери изображены в той же схеме, как и на рассмат-

³ Е. О. Прущевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 31, рис. 6а, 65.

⁴ ДГС. Атлас, вып. I. СПб., 1860, табл. XXVI, 18.

риваемой бляхе,— голова к голове и лапы к лапам (рис. 18—4). Ту же композиционную схему мы видим на ножнах меча из 6. Полтавской губернии⁵: здесь звери расположены несколько по-другому — спина к спине, голова к голове (рис. 18—5). Близкое композиционное решение отмечается в изображениях из ряда памятников Болгарии, особенно в налобном украшении коня, обнаруженном в Луковицком кладе⁶.

Как видно из приведенных примеров, изображение, отливавшееся в пантикапейской форме, примыкало по своей композиции к распространенной схеме, встреченной на многих восточных и скифских памятниках, причем одни изображения выполнены в виде скульптуры, другие — в виде рельефа. Н. Н. Погребова отметила, что «полусвернувшиеся хищники на этих мечах, так же как и на келермесской секире..., не имеют прототипов в греческом искусстве, являясь, наоборот, распространенным мотивом раннего скифского звериного стиля»⁷.

По отделке деталей и стилистическим особенностям бляха, отливавшаяся в пантикапейской форме, имеет общие черты с другими бляхами из Нимфейских и Семибратних курганов. К таким чертам относится трактовка лапы зверя: в описываемой форме вдоль по лапе проходит четкая линия, параллельная контуру; она должна условно подчеркнуть кость, выделить твердую часть ноги от мягких тканей. Три пальца отделены друг от друга. Такой же изобразительный прием мы видим на бронзовой фигурной бляхе первой половины V в. до н. э., найденной в окрестностях Керчи⁸: на ней условно изображена в виде врезанной бороздки, параллельной контуру ноги, твердая часть ноги, а три пальца вырезаны отдельно. Общие черты находим мы у бляшки, обнаруженной в кургане I в Нимфее (1878 г.)⁹. Вместе с тем следует отметить, что в изображении хвоста животного заметны греческие и малоазийские приемы; кончик его имеет вид стилизованного бутона, чего не встречается в памятниках скифского звериного стиля. Все эти различные черты бляхи, отливавшейся в пантикапейской форме, создают впечатление некоторой эклектичности. К сожалению, фрагментарность вновь найденной каменной формы не позволяет более подробно остановиться на ней.

В том же месте, в доме металлурга и вблизи его, обнаружено большое количество фрагментов архаических сосудов со следами ремонта в виде просверленных отверстий, через которые продергивалась свинцовая проволока, соединявшая часть разбитого сосуда. По диаметру отверстий можно судить о миниатюрности применявшихся сверл: тонкие чернофигурные аттические и ионийские полосатые килики VI в. до н. э. имеют отверстия до 1—2 мм, сосуды покрупнее, — например, клазоменская амфора второй половины VI в., — до 4 мм. Скопление в этом участке фрагментов ценнейших ваз объясняется тем, что их приносили для ремонта в мастерскую ремесленника, и если в процессе просверливания некоторые лопались и не могли быть подвергнуты ремонту, их здесь же выбрасывали.

Следует отметить, что все найденные фрагменты керамики принадлежали, главным образом, дорогим импортным вазам, относящимся ко второй половине VI в. до н. э.

⁵ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, табл. 45, 461.

⁶ Д. Димитров. Материалната култура и изкуството на Праките предранката валистическа епоха. Сборник Археологически открития в Болгарии. София, 1957, стр. 65. Зарисовки некоторых блях демонстрировала А. И. Мелюкова во время своего доклада в ИИМК летом 1958 г.

⁷ Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле. КСИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 137.

⁸ G. Vоrоvka. Scythian art. London, 1928, табл. 19, стр. 97.

⁹ Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея, МИА, № 69, 1959, рис. 47, 7.

В. Г. ПЕТРЕНКО

БРОНЗОВАЯ БЛЯХА С ГОЛОВОЙ ГРИФОНА

В 1960 г. при раскопках грунтового могильника около с. Гришенцы, Каневского района, Черкасской области, в разрушенном погребении обнаружена бронзовая бляха от конского убора. Размеры ее — 5,9×5 см. Бляха массивная, литая, с прямоугольной петлей на обороте (рис. 19).

На наружной стороне бляхи изображен грифон. Морда его широкая, укороченная, ухо маленькое, овальное, на голове — короткий гребешок из трех зубчиков. Глаз круглый, но нижняя часть века оттянута, восковица подчеркнута. Клюв загнут крючком, нижняя же половина клюва закручена в петлю. Пасть широко раскрыта: сверху — два острых зуба в форме треугольников, внизу — также. Между нижними зубами выступает язык, который перегнут под углом, а на конце согнут, замыкая загнутый в крючок клюв. На щеке — схематическая орлиная головка.

Изображение грифона — широко распространенный мотив в искусстве Северного Причерноморья, начиная с VI в. до н. э.¹ Для архаической эпохи Н. Н. Погребова наметила три типа грифонов — переднеазиатский, греческий и скифский. При этом она указывает, что «скифским грифоном» принято называть в большинстве случаев просто голову хищной птицы, чаще всего — орла. Появление уха на некоторых изображениях Н. Н. Погребова связывает с обычным для местного звериного стиля сочетанием в одном животном признаков нескольких животных для усиления его боевых и устрашающих качеств².

Под влиянием греческой культуры с V в. до н. э. в скифском искусстве распространяется образ преимущественно греческого грифона. Наиболее «чистые» образцы его мы встречаем в курганах скифской аристократии³, получавшей предметы искусства из греческих мастерских Северного Причерноморья, а частично, возможно, и из самой Греции. Но, наряду с этим, появляется и сильно переработанный в местном вкусе образ грифона.

Наиболее «варваризованные» образцы голов грифонов мы встречаем на собственно скифских предметах. Здесь, получая местное толкование, они трансформируются и приобретают множество черт, свойственных местному звериному стилю. В образе скифского грифона, наиболее оформленный образец которого, как мне кажется, мы имеем в публикуемом грифоне, слились элементы двух широко распространенных местных изображений — орлиной головы и хищника кошачьей породы. Мотив орлиной

¹ Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК вып. XXII, 1948, стр. 62—68.

² Н. Н. Погребова. Грифон и его изображения в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Канд. диссертация (рукопись, стр. 67). Архив ИА АН СССР, Р-П № 364.

³ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, вып. II, стр. 149, рис. 126; ИРАИМК, II, 1922, табл. VI; ДГС, II, СПб., 1866, табл. XXXI, XXXIII.

головы выражен в сильно загнутом клюве с резкой, подчеркнутой восковицей на манер местных изображений⁴. Укороченный, сравнительно с птичьим, профиль, овальное ухо, глаз с суженным и вытянутым углом века и наличие зубов в резко очерченной широко раскрытой пасти — черты, свойственные хищнику⁵. В обычной манере скифского искусства⁶ щека грифона усилена изображением схематизированной головы орла в виде круглого глаза и загнутого клюва.

Интересен изогнутый под углом и оканчивающийся крючком язык. Эта форма языка не свойственна ни греческому, ни скифскому звериному стилю.

Наиболее близкие по форме изображения скифских грифонов собраны С. И. Капошиной в связи с находкой подобной бляхи в Ольвии⁷. Это бляхи из кургана Г у с. Журовки и из Золотого кургана под Симферополем. Еще одну близкую бляху можно указать из кургана № 5 у с. Берестяги⁸. Изображения на всех бляхах имеют гребешок на голове, ухо, согнутый язык; щеки их усилены головками орла, и все они, за исключением бляхи из Золотого кургана, являются принадлежностью конской сбруи.

Можно разделить эти изображения типологически. Наиболее близки

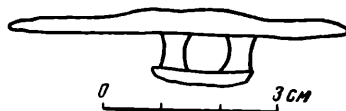
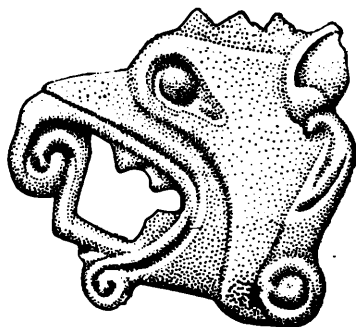

Рис. 19. Бляха бронзовая из могильника у с. Гришенцы.

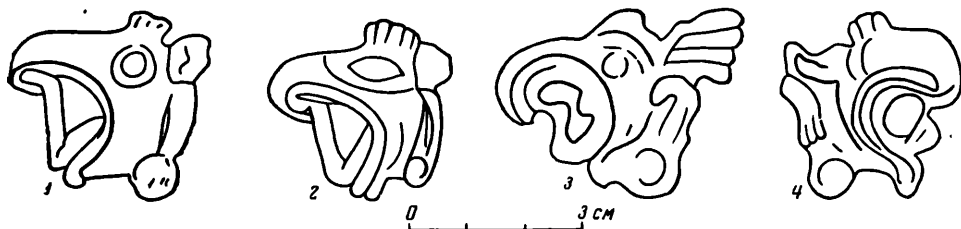

Рис. 20. Бронзовые бляхи.

1 — из кургана Г. у с. Журовки; 2 — из Золотого кургана под Симферополем; 3 — из Ольвии; 4 — из кургана № 5 у с. Берестяги.

бляхе, описываемой нами, бляхи из кургана Г у с. Журовки⁹ и из Золотого кургана¹⁰ (рис. 20—1, 2). Отличаются они большим схематизмом в изображении гребешка, иной формой глаза и клюва; птичья голова при-

⁴ «Смела III», СПб., 1901, табл. X, 2; ДП, II, Киев, 1899, табл. XII, 316; ИАК, вып. 14, 1905, стр. 17, рис. 39; стр. 20, рис. 48.

⁵ ИАК, вып. 14, 1905, стр. 17, рис. 32; стр. 12, рис. 23; «Смела III», СПб., 1901, стр. 98, фиг. 46.

⁶ ДБК, СПб., 1854, табл. XXVI, 1; Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России, МАР, № 34, 1914, табл. XII, 6; ГИМ, инв. № 8913, случайная находка костяных блях близ г. Чигирина Черкасской области.

⁷ С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 184, 186, рис. 24.

⁸ «Смела III», СПб., 1901, табл. XIX, 7.

⁹ ИАК, вып. 14, 1905, стр. 27, рис. 66.

¹⁰ ОАК за 1890 г., стр. 4, 5, № 2; Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Канд. диссертация (рукопись, стр. 55, 56, 72). Архив ИА АН СССР, Р-П № 1227.

мыкает к щеке, а не помещена на щеке, как на рассматриваемой бляхе. В пасти нет зубов. Для блях из Ольвии и из кургана № 5 у с. Берестняги (рис. 20—3, 4) характерен еще больший схематизм в изображении всех деталей. Клюв и язык на них составляют единое целое, восковица не подчеркнута, головка орла очерчена очень схематично. Можно предполагать, что мастера, выполнявшие эти бляхи, уже не вполне понимали значение всех деталей рисунка. Публикуемая же бляха дает четкое, хорошо продуманное во всех деталях изображение и может быть поставлена в начале типологического ряда развития разбираемого изображения.

Золотой курган под Симферополем датируется первой половиной V в. до н. э.¹¹ Курган № 5 у с. Берестняги по составу инвентаря может быть отнесен ко второй половине V в. до н. э. Думается, что публикуемую бляху следует датировать началом V в. до н. э. Более раннему времени она не может принадлежать, так как, подражая в общем схеме греческого орлиноголового грифона, грифон на описываемой нами бляхе имеет на голове гребешок, соответствующий зубчатому гребню греческого грифона¹². Последний же появляется на изображениях в начале классического периода¹³.

¹¹ ОАК за 1890 г., стр. 4, 5; Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 55, 56, 72.

¹² «Смела III», СПб., 1901, стр. 97, 100.

¹³ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 71.

Т. Г. М О В Ш А

ГЛИНЯНЫЙ ШТАМП РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ ПЛИСКОВ-ЧЕРНЯВКИ

В Киевском историческом музее хранится коллекция археологических материалов из раскопок 1927—1928 гг. в Плисков-Чернявке, расположенной в верховьях р. Роси. Материалы из Плисков-Чернявки не опубликованы, а сам памятник в археологической литературе бегло упоминается только в связи с раннетрипольским поселением. Однако, в коллекции имеются вещи, в основном — керамика, относящиеся к различным археологическим культурам и эпохам¹, в том числе и к культуре лесостепных племен скифского времени.

Среди керамических изделий скифского времени с этого памятника вызывает интерес двойной штамп для орнаментации посуды (рис. 21—1), изготовленный из глины с примесью размельченного кварца. Поверхности его и излом — желтого цвета. Штамп сохранился не полностью, один конец его отбит и утерян в древности. Он неправильной удлиненной формы, утончается к узкому основанию и закругляется в верхней, более широкой части, где сбоку заканчивается цилиндрическим отростком в виде короткой ручки (длиной 1 см). Максимальная длина — 2,4 см, высота — 2,5 см; максимальная толщина — 0,8 см. На узком закругленном основании штампа имеется пять проведенных наискось коротких насечек, образующих шесть узких прямоугольных зубчиков (рис. 21—1). Оттиски, сделанные этим штампом на пластилине, образуют глубокие отпечатки зубчатого орнамента (рис. 21—2). На конце цилиндрического отростка второй штамп, но уже в виде кольцевой нарезки (диаметром 0,5 см) с округлым невысоким выступом посередине. Оттиски его на пластилине образуют два концентрических кружка — углубленный и рельефный (рис. 21—3).

Керамика с орнаментом, нанесенным подобным комбинированным штампом, найдена на том же поселении, где и этот штамп (рис. 21—4—8). Это обломки сосудов с лощеными, серовато-черного цвета поверхностями, изготовленных из хорошо отмученной глины: стенки горшков с сильно раздутым корпусом и высоким коническим горлом, украшенные зубчатым, а иногда и кольчатым штампом; фрагменты небольших тонкостенных черпаков с орнаментом нарезками, с петельчатыми ручками и цилиндрическим отростком, плоский конец которого расширен. Иногда рисунок заполнен инкрустацией (рис. 21—6). В коллекции есть обломок стенки лощеного сосуда, украшенного рядами оттисков зубчатого и кольчатого штампов (рис. 21—8).

Сходство оттисков, сделанных на пластилине описываемым штампом (зубчатым и кольчатым), и соответствующего орнамента на керамике из Плисков-Чернявки — вполне очевидно. Особенно близки, а возможно,

¹ Материалы подготовлены автором к публикации.

Рис. 21. Глиняный штамп и образцы керамики из Плисков-Чернявки.

1 — глиняный штамп раннескифского времени; 2, 3 — оттиски штампа на пластинке;
4—8 — образцы керамики раннескифского времени (нат. вел.)

и идентичны оттиски на пластинке и орнамент на обломке сосуда, изображенном на рис. 21—8: те же ширина и глубина бороздки, положение и величина зубчиков. Узор на этом обломке, по-видимому, выполнен публикуемым штампом.

Керамика с аналогичным орнаментом типична для лесостепных памятников раннескифского времени Правобережной Украины², датируемых второй половиной VII в.—началом VI в. до н. э.³ Следовательно, описываемый штамп, как и орнаментированная им керамика из Плисков-Чернявки, относятся к раннескифскому времени.

Глиняные и костяные штампы для нанесения орнамента на посуду обнаружены при раскопках некоторых памятников раннескифского времени

² Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині, Археологія, VII, Київ, 1952, стр. 55—64; стр. 53, табл. IV; М. І. Вязьмітіна і Е. Ф. Покровська. Поселення VII—VI ст. ст. до н. е. в околицях Жаботина. АП УССР, VI, Київ, 1956, стр. 38—47, табл. II, 12, 13 и др.

³ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М. 1954, стр. 106. Его же. Предскифский период на Днепровском правобережье, Киев, 1961.

в Молдавии (Сахарна⁴, Солончены⁵, Цахнауцы⁶). Кроме одиночных, здесь известны и комбинированные штампы. Так, двойной глиняный штамп найден на поселении Солончены; один конец его зубчатый, второй — в форме буквы S⁷.

Ближайшей аналогией публикуемому штампу является глиняный двойной штамп из селища у с. Цахнауцы, опубликованный О. Н. Мельниковской⁸, как штамп в виде головки лошади. Полное сходство с описываемым нами предметом наблюдается не только в том, что на удлиненной стороне его сделан зубчатый штамп, а на конце в виде ручки — кольчатый, но и в самой форме орудия. Штамп из с. Цахнауцы связан со слоем раннескифского времени.

Как видно из приведенных данных, все известные до сих пор штампы относятся к раннескифскому времени и происходят с территории Поднепровья и только штамп из Плисков-Чернявки — из Среднего Поднепровья (Верхняя Рось).

Почти полная идентичность штампов из с. Цахнауцы и Плисков-Чернявки служит не только подтверждением некоторой близости раннескифской керамики Молдавии и лесостепной Правобережной Украины, но и указывает на то, что орнаментация этой керамики производилась одними и теми же штампами. находка штампа из Плисков-Чернявки свидетельствует о широком территориальном распространении подобных орудий для орнаментации керамики в раннескифское время.

⁴ Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище Большая Сахарна. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 95.

⁵ А. И. Мелюкова. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5(25), 1955, стр. 56; ее же. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. МИА, № 64, 1958, стр. 79.

⁶ О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы, КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 74, рис. 36, 2.

⁷ А. И. Мелюкова. Указ. соч.

⁸ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., стр. 74, рис. 36, 2.

П. Д. ЛИБЕРОВ

СТАТУЭТКА СОБАКИ
ИЗ КУРГАНА У СЕЛА МАСТЮГИНО

Настоящая заметка посвящена костяной статуэтке собаки, найденной в 1960 г. в одном из курганов у с. Мастюгино. Богатство погребальных комплексов в курганах у с. Мастюгино, Коротоякского района, Воронежской области уже давно известно благодаря раскопкам, произведенным А. А. Спицыным в 1905—1906 гг. и Н. Е. Макаренко в 1907—1909 гг. и частично опубликованным¹. В то время местные крестьяне-кладоискатели только начали свою разрушительную работу и не успели еще нанести тот страшный вред ценнейшим археологическим памятникам эпохи раннего железа, который они совершили позднее. В этом мы убеждаемся в процессе сплошного исследования могильника у с. Мастюгино. В течение 1958—1960 гг. было исследовано 29 курганов, и каждый из них подвергся кладоискателями полному или частичному ограблению. И тем не менее раскопки 18 курганов в 1960 г. дали нам большой и интересный археологический материал, опубликованный в журнале «Советская археология»². Опубликована и костяная статуэтка собаки, представляющая собой уникальную находку, но она заслуживает специального научного анализа. Прежде чем приступить к ее описанию, приведем самую общую характеристику кургана, в котором она была найдена.

Курган № 11/16³ систематически распаивался и не сохранил первоначальной формы и высоты; к моменту раскопок высота его была 1 м, диаметр — 36 м. Под насыпью кургана на уровне древнего горизонта находилось огромное кольцо выкида желтой глины из могильной ямы. Внутренний диаметр кольца выкида — 14,5 м, ширина выкида — 4,5—5 м, высота — до 0,5 м. В центре кургана расположена окруженная деревянным настилом могильная яма, ориентированная по длине с северо-востока на юго-запад; длина ее — 5,7 м, ширина — 4,7 м, глубина — 1,7 м. По углам и посередине каждой стороны были деревянные столбы из толстых четырехгранных брусев; посередине юго-западной стенки было два столба рядом — один из кругляка или бруса, другой — из половины кругляка.

Не останавливаясь подробно на деталях, отметим лишь, что погребение сильно повреждено кладоискателями. В могиле было не менее двух скелетов; один из них почти не был потревожен, другой — разбросан по дну могилы. Погребальный инвентарь, уцелевший от грабителей, был в полном беспорядке, но оказался довольно богатым. Сохранились следующие вещи: тонкая бронзовая бляшка с петлей на обороте; золотые бляш-

¹ А. А. Спицын, Раскопки курганов у с. Мастюгино в 1905—1906 гг. ОАК за 1905 г., стр. 82, 83, 96, 97; ОАК за 1906 г., стр. 109, 110; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 47 и сл.

² П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА, 1960, № 3, стр. 162—170; е г о ж е. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 152—165.

³ Числителем указан номер кургана, как он обозначен на плане курганного могильника у с. Мастюгино, знаменателем — порядковый номер раскопанного кургана.

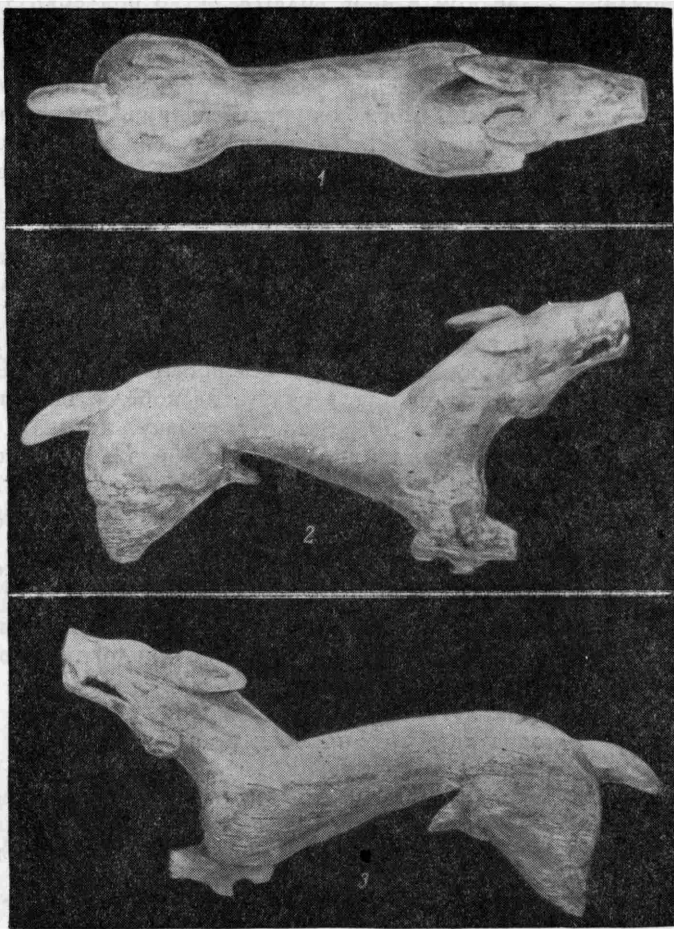

Рис. 22. Костяная статуэтка собаки.

1 — вид сверху; 2, 3 — вид сбоку.

ки — розетки средней величины (13 экземпляров), розетки мелкие (64 экземпляра), тройные розетки (11 экземпляров), мелкие нашивные полусферические бляшки (97 экземпляров), такие же бляшки с петелькой на внутренней стороне (9 экземпляров), золотая пластинка с изображением лежащего оленя, золотая оковка деревянного сосуда, золотая серьга-привеска с сердоликом; около 300 железных наконечников стрел, большей частью сшипевшихся в общую массу; раскиданные в разных местах большие куски и мелкие обломки железного чешуйчатого панциря, в значительной части обитые золотой фольгой; два железных крючка в зверином стиле, от пояса или панциря; обычный железный крючок, вероятно, для подвески панциря; железные (4 экземпляра) и костяные (9 экземпляров) ворворки; железный нож с костяной ручкой; пастовые и стеклянные бусы (8 экземпляров); большой клык кабана.

Статуэтка собаки найдена за пределами этой могилы, вне комплекса. Она была случайно обнаружена в выкиде. Каким образом эта вещь оказалась за пределами могилы? Скорее всего, она была выброшена из могилы кладоискателями.

Резчик искусно изобразил собаку (рис. 22) с тупоносой мордой. Пасть приоткрыта. Особенно выразительно торчат верхние и нижние клыки и зубы. Уши откинуты назад, левое ухо сохранилось полностью, правое —

только у основания. Завитком в виде волуэты четко подчеркнута скуловая часть. Горло расчленено поперечными нарезками. Хвост короткий, частично обрублен. Длина фигурки — 10,9 см. Поза собаки указывает на состояние движения, что заметно по положению морды и передних ног. Морда приподнята и направлена вперед. Ноги сохранились лишь частично, передняя левая нога утрачена полностью. На правой ноге, сохранившейся вместе с лучевой костью, хорошо заметна часть круглого отверстия, с помощью которого (такое же отверстие было, вероятно, и на левой ноге) фигурка, по-видимому, была прикреплена к какому-то предмету.

Поверхность статуэтки, вырезанной из кости, на морде, спине, на правом боку и частично на левом сохранила прекрасную шлифовку. Левый бок и значительная часть живота, груди и отчасти правая нога статуэтки сильно разрушены, и здесь следов шлифовки не сохранилось. На разрушенных участках заметна пористая структура кости. Хорошо выраженные половые признаки позволяют видеть в статуэтке кобеля. По определению С. Н. Боголюбского⁴, фигурка представляет собаку, которая по породе занимает среднее положение между гончей и борзой. Ее тупоносая морда, мощная шея, поджарость и толстые ляжки присущи гончей охотничьей собаке степных просторов. Кроме этого, она могла использоваться и в сторожевых целях.

При изучении деталей статуэтки собаки возникает ряд вопросов, в частности, — представляет ли статуэтка самостоятельное votивное изображение животного, или она украшала какой-то более крупный предмет — деревянный сосуд, шкатулку и т. п.? Какие имеются аналогии, позволяющие выяснить дату и происхождение статуэтки?

На основании анализа деталей статуэтки можно высказать некоторые предположения о ее назначении и о времени производства.

Круглое отверстие на передней правой ноге статуэтки позволяет предположить, что фигурка была прикреплена в качестве ручки к деревянному сосуду или крышке шкатулки. В связи с этим следует указать на один деревянный сосуд в золотой оковке из кургана № 11 урочища Частые курганы; у этого сосуда ручка из золотой пластины с изображением птицы недостаточно прочно прикреплялась, однако за нее можно было брать, не боясь поломки⁵. Очевидно, подобная ручка, представлявшая изображение птицы или животного, могла играть лишь символическую или даже ритуальную роль.

Интересны на статуэтке откиннутые назад уши животного, вытянутая вперед морда; открытая до ясно выраженного оскала клыков и зубов пасть подчеркивает озлобленность животного. Все эти черты изображения животных известны уже в раннескифское время на прекрасных изделиях из кости, применявшихся в сбруе лошади. Мы имеем в виду многочисленные костяные псалии с 3 отверстиями, украшенные головкой барана, или — чаще — лошади на верхнем конце и копытом — на нижнем.

Такие псалии находили широкое применение в лесостепи у племен Среднего Приднепровья. Манера изображения головы и ушей на псалиях была различной. Уши обычно изображались стоящими вверх или были обращены несколько вперед и реже — назад. К последнему типу следует отнести один псалий из курганов Полтавщины (рис. 23—8)⁶, несколько псалиев из Киевщины, в том числе из курганов у с. Пруссы (рис. 23—1, 2) и б. Таращанского уезда (рис. 23—3—7)⁷.

⁴ Приношу ему глубокую благодарность за определение породы.

⁵ П. Д. Либеров. Раскопки в 1954 г. Отчет за 1954 г. ИА АН СССР, дело № 1024, альбом, табл. XIX, 1, табл. XX, XXI; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 119.

⁶ Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, ДП, вып. II, Киев, 1899, табл. XXXII, 520.

⁷ Там же. ДП, вып. III, Киев, 1900, табл. XI; табл. IX, 529, второй ряд сверху; табл. I, 530, первый и третий ряды сверху и обломок псалия, второй снизу в центре.

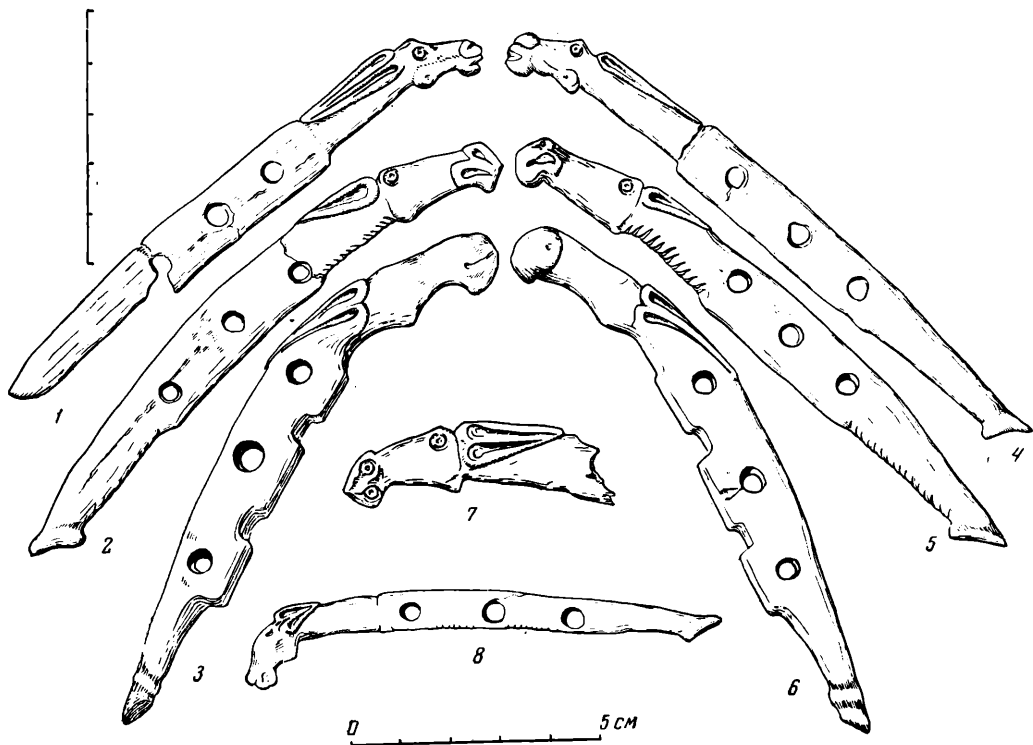

Рис. 23. Костяные псалии (1—8).

Форма ушей лошади на псалиях несколько варьирует. Однако здесь все они откинута строго назад. Такое реалистическое изображение морды животных объясняется острой наблюдательностью и мастерством костореза не только в передаче общей формы, но и животных в зависимости от их состояния. Известно, например, что лошадь и собака в момент раздражения скалят зубы и резко откидывают назад уши. Надо полагать, мастер, делавший статуэтку собаки, найденную в кургане у с. Мастюгино, подчеркивал также именно эту черту поведения животного.

Любопытно сопоставить статуэтку собаки из с. Мастюгино с костяным изделием из раскопок Старшего Каширского городища, найденным В. А. Городцовым в 1925—1926 гг.⁸ Оно изображает хищное животное с тупоносой мордой и удлиненной шеей. Морда животного, так же как у статуэтки из с. Мастюгино, тупоноса, клыки, зубы и челюсть подчеркнуты, уши откинута несколько назад. Различие заметно лишь в том, что животное на костяном изделии со Старшего Каширского городища имеет глаза и овальные уши.

Однако, если памятники в бассейне Среднего Днепра, в его лесостепной части, и памятники дьякова типа богато представлены художественными и бытовыми изделиями из кости, то этого нельзя сказать про памятники на территории Среднего Дона. Описываемая статуэтка собаки представляется как бы несколько изолированной. И тем не менее причиной этого является не отсутствие у племен Среднего Дона мастеров — резчиков по кости, а хронологическое различие памятников. Насколько удастся заметить, наибольшее количество богатых погребальных комплексов Среднего Дона относится ко времени не ранее V в. или рубежа V и VI вв. до н. э., т. е. к тому времени, когда применение кости в лесостепной части

⁸ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. М.—Л., 1934, стр. 20, рис. VIII, 6; А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 161

Украины становится значительно меньше, а в орудиях и в оружии уже господствует железо.

Приведенные аналогии показывают, что косторезное художественное мастерство в лесостепной и лесной полосе в эпоху раннего железа получает наибольшее развитие в IV в. до н. э. Следует подчеркнуть, что именно в этом ремесле развивается т. н. «скифский звериный стиль», отражающий местную фауну — лошадь, мелкий рогатый скот и др. В этот ранний период животные изображаются еще очень схематично, однако отдельные типичные черты передаются весьма ярко.

Собаки с тупоносой мордой изображались и на металлических сосудах. В частности, к тому же типу, что и публикуемая нами, можно отнести фигуру собаки на золотом ритоне из Куль-Обы: та же тупоносая морда, но с закрытой пастью, отброшенные назад уши, массивная шея⁹. В кургане Солоха найден серебряный сосуд, на котором дана сцена охоты конных воинов на львов; здесь участвуют две собаки. У одной из них (левой) тупоносая морда, у другой — острая¹⁰.

Интересна группа животных на серебряном кубке из Рыжановского кургана. На среднем фризе помещены два животных, бегущие навстречу друг другу¹¹. Правое — принадлежит к семейству кошачьих; левое — собака, остроносая, с торчащими вверх и немного вперед ушами, причем отметим, что хотя она и иной породы, чем публикуемая, в обоих случаях хвост у них обрезан. Это, по-видимому, не случайно. Мастера — и литейщик и косторез — отразили реально существующий обычай: обрезание хвоста у собак определенных пород охотничьих или сторожевых.

Известно, что собака, как домашнее животное, широко использовалась в хозяйстве скотоводов¹² и на охоте, во втором случае — прежде всего среди аристократической верхушки этого общества¹³. Сцены такой охоты нашли отражение на металлических бляшках, сосудах, в стенной живописи¹⁴ и т. д. Понятна забота об искусственном выведении соответствующих пород и воспитании определенных черт характера собак, однако письменные источники этого времени очень глухо говорят о практике их разведения и использования.

По сведениям Геродота, охота на лошади в сопровождении собаки производилась у племен иирков, живших в лесах, к северо-востоку от будинов¹⁵. К более позднему времени относится сообщение поэта Оппиана (II в. н. э.), который при перечислении лучших пород собак упоминает «сарматских псов» и указывает методы улучшения породы собаки скрещиванием сарматского пса с иберийской самкой¹⁶. Другой поэт Граттий (I в. до н. э.—I в. н. э.) в своей поэме об охоте упоминает среди различных пород собак гелонскую собаку как хорошую ищейку от природы. Он подчеркивает злобность гелонской суки, унаследованную от гирканского пса¹⁷. Упоминание гелонской суки древними авторами очень важно в связи с на-

⁹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. II, СПб., 1889, стр. 189, рис. 144.

¹⁰ ОАК за 1913—1915 гг., текст, стр. 115, 116, 187.

¹¹ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М., 1908, стр. 77, рис. 29.

¹² П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н. э.—V в. н. э.). МИА, № 53, 1960, стр. 127.

¹³ Там же, стр. 132.

¹⁴ ОАК за 1913—1915 гг. Серебряный сосуд из кургана Солоха, стр. 15, рис. 187, а; П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 20, рис. 7, а.

¹⁵ Геродот. История в 9 книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1888, т. I, кн. IV, стр. 313, § 22.

¹⁶ Oppian. *Kungetika*, I, 373, 397; SC, I, СПб., 1893, стр. 582; П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 112.

¹⁷ Gratt. SC, II, СПб., 1904, стр. 109; П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 112.

ходкой описываемой фигурки кобеля на территории Воронежской области, где, по указанию Геродота, и могли жить племена гелонов.

Статуэтка собаки из с. Мاستюгино отличается от изображений предшествующего, раннего периода большей реалистичностью и цельностью, более высоким мастерством в передаче изображения и технике его выполнения. Однако она показывает также, что в какой-то степени сохранились прежняя передача черт образа животного и понимание его характера (положение ушей), и это связывает ранний период косторезного ремесла с более поздним. Датировка публикуемой статуэтки собаки более поздним периодом, чем VI в. до н. э., опирается не только на ее реалистичность и высший класс мастерства; в этом мы могли убедиться при рассмотрении более поздних аналогий. Нам кажется, что хорошей аналогией для более поздней датировки служат куль-обский серебряный ритон с передней частью фигурки собаки и серебряный кубок из кургана Рыжановки, датированный амфорой и чернолаковым канфаром IV в. до н. э.

К сожалению, комплекс вещей, найденных в кургане № 11/16 у с. Мастюгино, не дает оснований для сколько-нибудь точной датировки. Однако деревянные сосуды в золотой и серебряной оковке в степной и лесостепной зонах не зафиксированы ранее V—IV вв. до н. э. Следовательно, и сосуд из этого кургана, как и весь комплекс, не может быть отнесен к более раннему времени. Среди множества железных трёхлопастных наконечников стрел с длинной втулкой оказался один бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с длинной втулкой, обычно не встречающийся в памятниках чертомлыцкого типа. Кроме этого, среди обычных золотых бляшек-розеток найдены золотые бляшки из трех розеток, характерных для IV в. до н. э. Поэтому, суммируя все данные, можно вывести более или менее достоверную дату памятника — первую половину IV в. до н. э. Однако статуэтка собаки, наиболее ценная находка даже для эпохи раннего железа, могла быть сделана в V в. до н. э.

В заключение надо остановиться на вопросе о месте производства описанной статуэтки. Следует ли связывать ее изготовление с античным миром, или можно допустить мысль о том, что она сделана руками местных мастеров? Было бы трудно привести сколько-нибудь серьезные доводы в пользу того, что публикуемая фигурка собаки — произведение мастеров античного мира, кроме того факта, что она прекрасно сделана. Но этот довод не может быть решающим. Известная костяная пряжка из Ольвии¹⁸ — произведение мастера античного мира — выполнена в сложном зверином стиле, далеко не только по оформлению, но и по изображаемым видам животных, от местного звериного стиля, характерного для лесостепной и лесной частей Восточной Европы.

Вместе с тем мнение об изготовлении фигурки собаки местными мастерами имеет под собой более прочную базу. Появлению ее на свет предшествовал длительный период широкого применения кости в быту, в вооружении, в конской сбруе у племен скифского времени. Нередко это были вещи прекрасной работы, показывающие умение местных мастеров использовать кость для различных поделок. Кроме того, археологические памятники на территории Среднего Дона свидетельствуют о высоком уровне производительных сил в этот период, о широком развитии металлургического производства, об изготовлении прекрасных металлических изделий руками местных мастеров. Надо думать, что они достигли высокого искусства и в косторезном деле.

¹⁸ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 191.

И. И. ГУЩИНА

НЕСКОЛЬКО УКРАШЕНИЙ КОНСКОГО УБОРА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В Государственном историческом музее хранится небольшая коллекция бронзовых предметов — украшений конского убора, сделанных в скифском зверином стиле (рис. 24). Коллекция поступила в музей в 1929 г. от частного лица и значитя происходящей из кургана Таврической губернии¹. Состоит она из пяти предметов, которые относятся к разному времени и вряд ли могут принадлежать одному комплексу. Характеристике и датировке этих предметов посвящена данная публикация.

Бронзовая литая бляшка изображает лежащего оленя с повернутой назад головой (рис. 24—1). Ноги его подогнуты, бедро и лопатка подчеркнуты округлыми выпуклостями. Все детали тела переданы довольно реалистично. Ветвистые рога изображены в одной плоскости, в виде пальметт. Вся поза животного передает какую-то настороженность. На обратной стороне бляшки — горизонтальная петля для продевания ремней конской упряжи. Размер бляшки — $3,3 \times 3$ см.

Изображение оленя обычно для скифского искусства с раннего времени. Мотив лежащего оленя встречается в памятниках лесостепной и степной Скифии, в тагарских памятниках Сибири, а также в Прикубанье скифского времени, но в описываемой коллекции у него свои особенности. Голова оленя повернута назад, рога даны в одной плоскости. Такой поворот головы не свойствен изображениям оленей, встречающимся в степной Скифии; единичны такие случаи и в тагарских памятниках. Ближе всего к описываемой бляшке изображения оленей из Семибратних курганов. В конских уборах курганов № 2, 4 и 5 есть фигурки лежащих оленей с подогнутыми ногами, с повернутой назад головой. Позы их напоминают позу животного на публикуемой бляшке, хотя голова оленя на конском уборе из кургана № 5 наклонена гораздо ниже к телу, и поза его более спокойна². Еще больше напоминает описываемое изображение олень на конском уборе из Семибратнего кургана № 2³. И там, и здесь в одинаковой манере переданы рога.

Все сказанное позволяет отнести оленя из публикуемой коллекции к своеобразной группе северокавказских оленей и датировать его V в. до н. э. Шесть точно таких же бляшек есть в коллекции, приобретенной Археологической комиссией в 1903 г. у частного лица, проживавшего в г. Майкопе⁴. Бляшки эти абсолютно аналогичны публикуемой, что также подтверждает ее северокавказское происхождение.

¹ ГИМ, инв. № 67590. Покупка у А. И. Поповского в 1929 г. Акт записи комиссии № 6 от 8/X 1929 г.

² А. К. Корвина. К вопросу об изучении Семибратних курганов. СА, 1957, № 2, стр. 182, рис. 7, 4.

³ E. H. Minns. Scythians and greeks. Cambridge, 1913, стр. 108, рис. 106, 20.

⁴ ОАК за 1903 г., стр. 169, рис. 326; ГИМ, инв. № 43489.

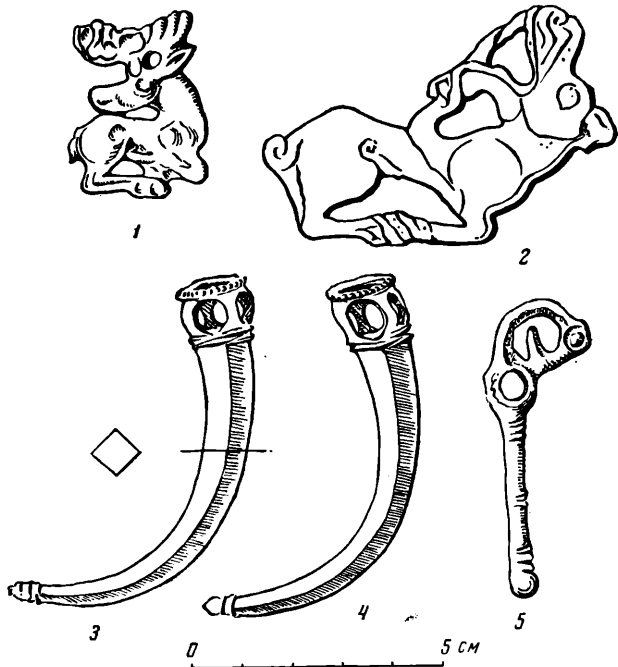

Рис. 24. Бронзовые украшения конского убора.

1 — бляшка с изображением оленя; 2 — бляшка, изображающая хищника; 3, 4 — парные привески в виде клыка животного; 5 — налобник со схематическим изображением клюва и глаза птицы.

Второй предмет коллекции — бронзовая литая бляха в виде животного, тело которого причудливо изогнуто (рис. 24—2). Голова его повернута назад, пасть широко открыта; в ней — два длинных клыка, вытянутых в одну линию и разделенных между собой чертой. Ухо, глаз, верхняя губа выделены отчетливо. На широкой верхней губе — зигзагообразные линии; штрихами подчеркнуты десны; зубов нет. Скорее всего, — это изображение хищника. Одна из передних ног его вывернута и соединяется с нижней челюстью, вторая — повернута назад, вытянута и вместе с другой ногой составляет одну линию, разделенную полосой. Небольшой хвост передан в виде завитка. На обратной стороне бляхи отлита горизонтальная петля.

Этому изображению не удалось найти ни одной точной аналогии среди предметов скифского звериного стиля. Мотив открытой пасти хищника обычен для всех областей скифо-сарматского звериного стиля. Характер изображения головы хищника, пожалуй, можно скорее всего, сравнивать с манерой трактовать клыкастого и ушастого зверя в сибирских и алтайских памятниках⁵ конца VI в.— IV в. до н. э., но именно только с манерой изображения, так как детали на описываемой бляхе переданы по-другому: например, у сибирских и алтайских зверей клыки заходят один за другой, на деснах — зубы, на публикуемой же бляхе клыки вытянуты в одну линию, а зубы отсутствуют совсем.

Поza описываемого животного позволяет считать, что изображение здесь передано в восточной манере, с поворотом головы назад⁶. Эта же манера использована в зверином стиле Алтая конца VI в.— IV в. до н. э.,

⁵ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, стр. 301, табл. XXX, 2; табл. XII, 7.

⁶ M. I. Rostovtzeff. *Iranians and greeks in South Russia*. Oxford, 1922, стр. 194.

где изображаются животные с вывернутыми частями тела, как, например, в сценах терзаний на татуировке мужчин из II Пазырыкского кургана⁷. Но там вывертывается, главным образом, задняя часть тела и ноги трактованы иначе, чем на описываемой бляхе. Такой вытянутой линии ног нет ни на одном из указанных изображений. Да и ноги здесь не хищника, а, скорее, оленя. Ноги изображаются так на бляшках оленей тагарского времени из минусинской котловины⁸.

Пожалуй, ближе всего публикуемая бляха к изображениям такого типа из кургана группы Семь Братьев в Прикубанье, а также из кургана станицы Елизаветинской⁹. В первом случае представлена львица с повернутой назад головой и поднесенной к морде передней лапой (V в. до н. э.), в другом случае — очень стилизованное животное с повернутой назад головой. одна из передних лап которого поднесена к морде, а другая передняя и одна задняя — вытянуты в одну линию (IV в. до н. э.).

На основании приведенных аналогий можно, во-первых, датировать публикуемое изображение V в., судя по тому, что черты стилизации проявляются здесь не так сильно, как на бляшке из кургана у станицы Елизаветинской; во-вторых, отнести описываемый предмет к сибиро-алтайскому кругу вещей звериного стиля. В алтайских и прикубанских памятниках скифского времени исследователи отмечают много общего¹⁰.

Имеются в коллекции две парные четырёхгранные привески (рис. 24—3, 4) с четырьмя круглыми сквозными отверстиями на корневой части, которая напоминает бляшки для продевания перекрестных ремней, распространенные в памятниках скифского времени на широкой территории от Северного Причерноморья до Сибири¹¹. Длина привесок — 6, 5 см. По общему облику и назначению они близки также бронзовым привескам, представляющим подражание клыкам животных. Такие привески, найденные в Туяхтинских курганах V—IV вв. до н. э.¹², в Минусинской котловине¹³, в кургане V в. до н. э. близ с. Цветочное (бывшее Блюменфельд) Волгоградской области¹⁴, являются принадлежностями конского убора и амулетами¹⁵. Описываемые привески, подобно указанным, могли выполнять ту же роль и служили для продевания перекрестных ремней конской уздечки, а те приблизительные аналогии, которые удалось подобрать для этих привесок, дают основание датировать их V в. до н. э.

Пятый предмет коллекции — литая бронзовая привеска (рис. 24—5). На ее круглом стержне в трех местах — выпуклые линии, расположенные группами; нижний конец закруглен, на верхнем — схематически изображены глаз со зрачком и клюв птицы. Под изображением — сквозное отверстие для привешивания. Длина привески — 5,8 см, диаметр стержня — 0,5 см.

Предметы такого типа, применявшиеся в качестве налобных блях конского убора, встречались, — правда, не часто, — в курганах степной Скифии, а также Прикубанья скифского времени. Подобный налобник со схемати-

⁷ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 139, рис. 82, 83.

⁸ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 133 табл. XX, 4, 14.

⁹ М. I. Rostovtzeff. Указ. соч., рис. 21, Н.

¹⁰ С. И. Руденко. Искусство скифов Алтая. М., 1949, стр. 80.

¹¹ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ Смелы, т. II, СПб., 1894, табл. XXIV, 9, 15, 17; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1962, рис. 55, 2, 3.

¹² С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 173, табл. XXVIII, II; стр. 174.

¹³ Там же, стр. 173.

¹⁴ В. Г. Г а к о в. Monuments de la culture scythique entre Volga et les monts Oural. ESA, t. III, Helsinki, 1928, стр. 29, рис. 10; стр. 38, рис. 20, 21.

¹⁵ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 173; В. Г а к о в. Указ. соч., стр. 29; стр. 35, рис. 19; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях реки Еруслан. МИА, № 78, 1960, стр. 99, рис. 37, 1—3; В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1960, стр. 425.

ческим изображением птичьей головы найден в кургане № 1 Частых курганов¹⁶ и относится к концу IV в.— началу III в. до н. э. В той же манере сделана она на бляхе из кургана № 19 станицы Воронежской¹⁷ тоже этого времени. И самой близкой аналогией является налобник со схематичным изображением головы птицы, обнаруженный в кургане Карагодеуашх¹⁸ второй половины IV в.— III в. до н. э. На основании всего сказанного последняя из описываемых бляшек относится к IV—III вв. до н. э., т. е. к значительно более позднему времени, чем остальные предметы.

Таким образом, все рассмотренные вещи являются оригинальными изделиями скифского звериного стиля. Самая ранняя из них — бляшка с изображением хищника с повернутой назад головой, датируемая концом VI в.— началом V в. до н. э. К V в. следует относить фигурку оленя и бронзовые клыки. Бронзовый налобник с птичьей головой — самая поздняя вещь. По своему характеру все эти предметы сближаются больше всего с находками изделий скифского звериного стиля прикубанского и сибиро-алтайского круга. Что касается места находки, то, исходя из того, что все публикуемые вещи относятся к разному времени, в один комплекс их объединить нельзя. Из какого места Таврической губернии, занимавшей обширную территорию, происходят эти вещи — установить теперь невозможно.

¹⁶ С. Н. Замятин. Частые курганы. СА, VIII, 1946, стр. 19, рис. 1.

¹⁷ ОАК за 1903 г., стр. 74, рис. 150.

¹⁸ А. Лаппо-Данилевский и В. Мальберг. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. МАР, № 13, 1894, табл. VII, 5.

А. К. КОРОВИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ТИРАМБЫ В 1959 ГОДУ

В 20 км восточнее Фанагории на южном берегу Азовского моря, около Кубанского гирла, расположен рыбацкий поселок Пересыпь. В северо-восточном углу этого поселка на невысоком холме находятся остатки древнего городища, к западу от которого на 1,5—2 км по побережью тянется некрополь. Многие исследователи с этим городищем отождествляют древнюю Тирамбу¹, которая, согласно сообщениям древних авторов, находится в 120 стадиях к востоку от азиатского Киммерика². Раскопки 1959 г. проводились отрядом Фанагорийской экспедиции³ на двух участках общей площадью 152 кв. м.

Раскоп А. Был заложен в 440 м к западу от городища, на участке берега, где в обресе найдена краснолаковая чашка. Площадь раскопа — 120 кв. м. Культурный слой толщиной до 1,6—2 м представлял собой гумированный суглинок, слабо насыщенный находками, среди которых преобладают обломки амфор времени с конца VI в. до н. э. до II—III вв. н. э. Открыты 3 погребения, расположенные на значительном расстоянии друг от друга; погребения № 3 и 4 относятся ко второй половине IV в. до н. э., погребение № 5 — ко II—III вв. н. э.

В 2 м к западу от могилы № 3 на глубине около 1,5 м обнаружены небольшие площадки (1,8×1,4 м и 1,5×0,8 м), покрытые слоем битой керамики IV в. до н. э. (главным образом, — обломки амфор, но встречаются также фрагменты чернолаковых киликов). Можно предположить, что эти площадки были местами тризн. В могильниках Таманского полуострова не раз были засвидетельствованы места, где совершались поминки по умершим; при этом чаще всего они были расположены с западной стороны гробниц. Среди курганных некрополей Тамани подобные площадки известны в Близнецах, Васюринских курганах, в Фанагорийской курганной группе.

Погребение № 3 находилось на глубине 1,85 м от современной поверхности, на материке и заключало в себе три скелета. Могильная яма не прослеживалась. *In situ* лежали два скелета, кости третьего были сдвинуты к южному борту. Около них найден наконечник железного копья. Первый скелет лежал вытянуто, на спине, головой на восток, с отклонением к северу. У левого колена стояла раздавленная миска с чернолаковой солонкой в ней, рядом — лекиф, бронзовое зеркало и 2 конических пряслица. Около зеркала находился железный стержень, возможно, — ручка от зеркала (?). На безымянном пальце левой руки найден бронзовый перстень, очень плохо сохранившийся, в обломках, с овальным щитком. У правой ступни

¹ В. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Записки Северокавказского общества археологии, истории и этнографии, кн. 1, т. II, вып. 5—6, Ростов-на-Дону, 1929, стр. 4 и сл.; В. Ф. Райдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1947 г., стр. 206 и сл.

² Strab., XI, 24; Ptol., V, 8, 4.

³ Начальник отряда — А. К. Коровина, антрополог — М. М. Герасимова.

Рис. 25. Посуда из погребений некрополя Тирамбы.

1 — кувшин из погребения № 3; 2 — кувшин из погребения № 7; 3 — кувшин из погребения № 4; 4 — миска из погребения № 4; 5 — сероглиняная чашечка на высокой ножке из погребения № 4; 6 — рыбное блюдо из погребения № 4.

оказался кувшин (рис. 25—1). К северу от этого костяка лежал еще один, руки которого были немного согнуты в локтях. На безымянном пальце левой руки найден бронзовый перстень с овальным плоским щитком и неясным изображением на нем; около запястья правой руки — пастовые бусины сферической формы и железный стержень. Судя по инвентарю, последние два погребения были женскими, а первое — мужским.

Погребение № 4 открыто на глубине 1,76 м от современной поверхности, на материке. Могильная яма не прослеживалась; приблизительные ее размеры: длина — 2 м, ширина — 1,15 м. В могиле оказались 2 костяка *in situ* и скопление костей (в юго-восточном углу) от предшествующих двух погребенных — ребенка и взрослого человека. Около этих костей найдены сероглиняная мисочка на высокой ножке, обломки железного копья и пряслице конической формы. По-видимому, к этим же скелетам относилось и рыбное блюдо и обломок лошадиной челюсти. Оно находилось в западной части могилы и по уровню на 0,2 м выше костяков, лежавших *in situ*. Очевидно, при совершении повторных захоронений, когда выкапывалась новая могильная яма, часть старой могилы не была задета (место находки рыбного блюда).

Костяк, расположенный около северного борта могилы, лежал на спине, головой на восток, с небольшим отклонением к северу. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога лежала прямо, левая — была согнута в коле-

не и оказалась на правой руке соседнего костяка (длина костяка — 1,51 м). Около правого плеча находилась миска, на безымянном пальце левой руки — бронзовый перстень с овальным щитком, около правого колена — астрагал.

К югу от этого скелета, рядом с ним лежал еще один в том же направлении (длина — около 1,6 м), вытянуто, на спине. Погребальный инвентарь был расположен с левой стороны костяка. На левой плечевой кости находилось бронзовое зеркало с точечным орнаментом по краю (длина — 0,14 м), с деревянной ручкой (сохранились остатки тлена дерева); оно, очевидно, было помещено в матерчатый мешочек — футляр, от которого прослеживались небольшие волокна ткани. Недалеко от зеркала обнаружено горло лекифа, около левого колена — 2 лекифа: один — с сетчатым орнаментом (без горла), другой — краснофигурный, с пальметтой. Возле левой ступни найден обломок чернолаковой чашечки, около правой ступни — раздавленный кувшин. Вблизи черепа оказались обломки железного ножа, у правого виска — височное кольцо из свернутой в полтора оборота серебряной проволоки. Между костяками в области кистей рук найдена бронзовая монета, относящаяся, по А. Н. Зографу, к 375—340 гг. до н. э.⁴

В грунте над могилой встречены золотая бляшка и бронзовая монета очень плохой сохранности. Судя по инвентарю, можно предположить, что детские кости принадлежали девочке (пряслице), а вторая группа костей — воину (копье). Два последних скелета, очевидно, были женскими (перстни, сосуды для благовоний, зеркало, височное кольцо).

Погребение № 5 находилось на материке на глубине 2,1 м от современной поверхности. Длина могильной ямы — около 2,1 м, ширина — 0,75 м, глубина — 0,8 м. В ней на спине, вытянуто, лежал костяк, обращенный головой на север. На стенках могильной ямы кое-где прослеживались остатки дерева, очевидно, от гроба. Под скелетом обнаружены следы темно-коричневого тлена, возможно, от подстилки. Северная часть могилы была уничтожена морем. Длина сохранившегося костяка — 1,41 м (череп был частично разрушен). Инвентарь могилы состоял из двух краснолаковых чаш; одна, по-видимому, находилась в головах (была видна в обресе, но во время земляных работ выпала), а другая — лежала кверху дном около левого колена и, очевидно, служила светильником, так как внутри была сильно закопчена. Несколько западнее могилы, почти на поверхности материка, найдены обломки светлоглиняной амфоры II—III вв. н. э. Возможно, это тоже было место тризны, как и у описанных выше могил. Дата погребения — II—III вв. н. э.

Раскоп Б. В 204 м к востоку от раскопа А (в сторону городища) был заложен раскоп Б размером 32 кв. м. Культурный слой здесь имел толщину 1,2—1,5 м и состоял из суглинка сероватого цвета, в верхних слоях темного, гумированного, рыхлого, в нижних — слабо гумированного, очень плотного. Среди находок преобладали обломки керамики IV—III вв. до н. э. — рыбных блюд, кастрюль, мисочек, фасосских и гераклеийских амфор, но были и обломки светлоглиняных амфор II—III вв. н. э.

На данном участке открыто 5 могил, из них лишь погребение № 7 имело инвентарь и хорошо сохранилось. От могилы № 1 были обнаружены в обресе берега лишь 2 бедренные кости (на глубине 0,8 м) и железный нож между ними. От погребения № 6 сохранилась только верхняя часть скелета до тазовых костей; инвентаря около костяка не оказалось (глубина — 1,24 м, ориентация — головой на юго-запад). В юго-западном углу раскопа на глубине 0,91 м в перекопанном рыхлом грунте найдены обломки черепа и кистей рук из погребения № 2.

Погребение № 7 (глубина — 1,44 м) содержало лишь один костяк длиной 1,6 м, который лежал на спине, вытянуто, головой на восток с не-

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951; табл. X, 20.

большим отклонением к югу, на материке. Могильная яма не прослеживалась. Около левого плеча находился кувшин, возле правого — железный нож с костяной рукояткой. На безымянном пальце правой руки обнаружен бронзовый перстень с овальным щитком, на котором изображено, очевидно, древо жизни; около кисти этой руки — лекиф с сетчатым орнаментом. На безымянном пальце левой руки оказался железный перстень очень плохой сохранности. Около правого виска найдено серебряное височное кольцо из проволоки, согнутой в полтора оборота, точно такое же, как в могиле № 4; в области правой плечевой кости — боспорская бронзовая монета IV в. до н. э.⁵

Погребение № 8 обнаружено в 2,5 м к востоку от погребения № 7 на глубине 1,13 м. Оно оказалось полуразрушенным, без инвентаря (отсутствуют части черепа, правая рука, кисть левой руки, ступни ног). Длина сохранившейся части костяка — 1,32 м. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на восток (с небольшим отклонением к северу), на материке.

Таким образом, из 8 открытых могил погребальный инвентарь найден только в четырех; из них три датируются IV в. до н. э. (№ 3, 4 и 7) и одна — II—III вв. н. э. (№ 5). Между погребениями IV в. до н. э. имеется много общего. Все они одинаково ориентированы — головой на восток с небольшими отклонениями к северу или югу. Погребения совершены на материке. Среди инвентаря во всех могилах были найдены лекифы с сетчатым орнаментом (один краснофигурный с пальметтой). В каждой могиле было по кувшину фанагорийского производства (глина желтовато-оранжевого цвета, с блестками; рис. 25); миски и рыбное блюдо, находившиеся в могилах № 3 и 4, — также из Фанагории. Монеты, найденные в этих могилах (пантикапейские, третьей четверти IV в. до н. э.)⁶, дают нам право датировать погребения № 3, 4 и 7 концом IV в. до н. э. Сетчатые лекифы, чернолаковые солонки не противоречат этой дате и находят прямые аналогии среди подобных находок в Олинфе⁷ и некрополях Боспора⁸.

В целом набор погребального инвентаря этих могил типичен для Боспора IV в. до н. э. (лекифы, монеты, миски, кувшины). Не только в таком отдаленном пункте Боспорского царства, как Тирамба, но и в самом Пантикапее, в некрополях IV в. до н. э. были обнаружены могилы, где, наряду с греческими предметами погребального ритуала — лекифами и монетами, встречались ножи и копья, характерные для туземного погребального обряда.

⁵ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. X, 20. Этот тип монет Д. Б. Шелов датирует третьей четвертью IV в. до н. э.

⁶ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. X, 20.

⁷ «Olynthus», т. V, табл. 142, 143, 147.

⁸ С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка имени Войкова близ Керчи. ИИА, № 69, 1959, стр. 131.

Н. Г. ЕЛАГИНА

НОВОЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

В 1960 г. экспедиция Исторического факультета МГУ провела небольшие раскопки на поселении позднескифского времени, расположенном на северной окраине с. Каиры, Горностаевского района, Херсонской области. Этот памятник обнаружен во время разведки 1957 г., организованной Институтом археологии АН УССР¹.

Поселение принадлежит к укрепленным и находится на правом мысу безымянной балки. По своей топографии оно сходно с Козацким городищем². С запада поселение омывают воды Каховского водохранилища, мысовой частью оно выходит к балке, а от плато отделено рвом, превратившимся на восточном участке в неширокую балку. Размеры поселения невелики: общая протяженность вдоль оси — 170 м. Помимо упомянутого рва, имеется и внутренний, ограничивающий мысовую часть, длиной 80 м. Параллельно рву тянется каменная оборонительная стена³. Общая площадь поселения в настоящем виде не превышает 0,5 га. Первоначальные размеры составляли около 1 га⁴.

Раскопками были исследованы участок оборонительной стены со рвом и наибольшая площадь в мысовой части поселения. Оборонительная стена сохранилась плохо. Остатки ее лежат на лёссовом выбросе из рва толщиной 0,6—0,7 м. Ширина стены достигает 5 м (рис. 26). У стены имеются внешний и внутренний панцири, каждый шириной 1,5—1,7 м. Сохранился небольшой участок основания внешнего панциря. Он сложен из необработанных известняковых плит, поставленных плашмя. Размеры плит — от 0,3 до 0,6 м. Пространство между ними заполнено мелким камнем. Особой системы укладки не наблюдается. В высоту сохранилось 2—3 ряда кладки. При снятии плит основания отмечена тонкая золистая прослойка, цементирующая кладку. Аналогичное явление прослежено и при расчистке завала внутреннего панциря. Забутовка между панцирями состояла из средних и мелких камней с землей. Глубина расположенного перед стеной рва — 3,2 м. Наибольшая его ширина — 5,9 м. Ширина дна рва — 0,7 м, сечение дна чашевидное (рис. 26).

Культурные наслоения в мысовой части поселения, вскрытые на площади около 80 кв. м, имеют общую толщину 0,9—1 м; однако основной строительный горизонт приходится на глубину 0,5 м. На этом уровне обнаружены весьма невыразительные остатки каменных сооружений. Хорошо сохранилась одна из вымоستков, сложенная из мелкого плитняка. Она —

¹ См. отчет Д. Я. Телегина в архиве Института археологии АН УССР за № 2905 (пункт 16).

² В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам Низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 119, рис. 2.

³ Других следов стен или валов при визуальном обследовании не обнаружено.

⁴ Около половины площади поселения смыто водами Каховского водохранилища.

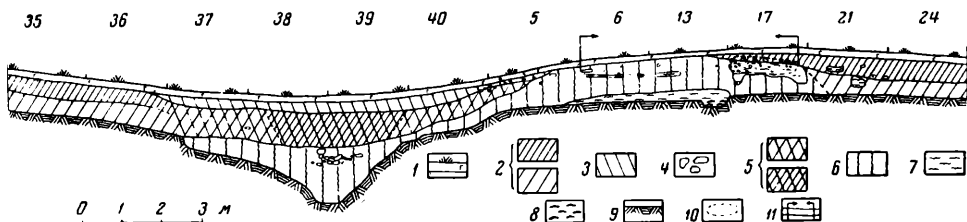

Рис. 26. Разрез через оборонительную стену и ров.

1 — дерновый слой; 2 — культурный слой; 3 — верхний слой заполнения рва; 4 — камни; 5 — средний слой заполнения рва; 6 — лёсс; 7 — зола; 8 — сажа; 9 — материк; 10 — контур основания внутреннего панциря стены; 11 — ширина основания стены.

овальной формы, размеры ее — $1,1 \times 0,66$ м. Около вымостки находилось скопление керамики. Вскрыто также несколько ям в материке. Некоторые из них использовались в качестве очажных, о чем свидетельствуют зола, сажа и древесные угольки на дне этих ям. Одна из очажных ям имела дополнительную, входную яму со ступеньками. Аналогичные очажные сооружения встречены на Гавриловском городище⁵.

Если не считать единичных находок керамики эпохи поздней бронзы, время бытования поселения ограничивается II—I вв. до н. э. На это указывает импортный материал, представленный небольшим количеством обломков позднеэллинистических амфор, главное место среди которых занимают косские и синопские. Найдено также несколько обломков тонкостенных сосудов, покрытых бурым или плохим черным лаком. Два фрагмента принадлежат сероглиняной мегарской чаше.

В мысовой части поселения обнаружено сарматское погребение, перекрывшее одну из очажных ям. Оно совершено в узкой прямоугольной яме. Скелет лежал на спине, головой на юго-восток. Левая рука была вытянута, кисть правой — находилась на тазовых костях. Берцовые кости ног не сохранились. Около черепа, с правой его стороны, обнаружена небольшая (высотой 25 см) амфора, которая может быть отнесена к I в. н. э.⁶ Погребение типично для сусловской стадии сарматской культуры⁷.

Местная керамика поселения повторяет основные типы, хорошо известные по раскопкам Знаменского, Гавриловского и других городищ Нижнего Днепра⁸. Мы остановимся только на одной группе сосудов. Это небольшие открытые миски на четырёхгранном поддоне. На одном из экземпляров эти грани подчёркнуты вертикальными ребрами, которые, переходя на корпус сосуда, придают и ему четырёхугольные очертания. Находки подобных сосудов на позднескифских городищах немногочисленны⁹. Интересен на этих мисках пластический орнамент в виде арки и помещенной под ней шишечки. Этот орнамент, встреченный дважды, располагается на одной из граней поддона. Подобный мотив часто украшает тулово больших лощеных корчаг — одной из основных групп керамики нижнеднепровских поселений позднего времени.

⁵ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 199.

⁶ Точных аналогий амфориску не известно. По мнению И. Б. Зеест, качество глины и форма сосуда не противоречат этой дате.

⁷ М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э. СА, 1959, № 1, стр. 54, 55.

⁸ Н. Н. Погребова. Указ. соч.

⁹ Аналогичная миска происходит из раскопок А. В. Добровольского в 1951 г. на поселении Золотая Балка (участок В). В 1926 г. подобные же сосуды обнаружены на соседнем с Каирским Любимовском городище. (ЛХМ, вып. 8, Херсон, 1927, стр. 14, рис. 16). В какой-то мере описываемым сосудам близка по форме четырёхгранная миска без поддона с Гавриловского городища (Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 32).

Помимо керамики, в культурном слое поселения обнаружены обломки жаровен, куски глиняной обмазки, обломки точильных плит, зернотерок, растиральников.

Каирское городище принадлежит к группе хорошо известных нижнеднепровских поселений эпохи позднего скифского царства, получивших наиболее полное освещение в монографическом исследовании Н. Н. Погребовой¹⁰. Среди прочих городищ Каирское выделяется своими малыми размерами. При наличии двойной оборонительной системы его следовало бы сравнивать с такими городищами, как Козацкое, Саблуковское, Ганновское и Гавриловское, площадь которых равняется 7—12 га¹¹. Второй особенностью этого памятника является сравнительно непродолжительный период его бытования. Большинство нижнеднепровских городищ доживает до II в. н. э. Третьей особенностью можно считать слабую насыщенность слоя поселения строительными остатками и вещественным материалом. Это только отчасти можно объяснить непродолжительностью существования памятника. II—I вв. до н. э. были периодом расцвета позднескифской культуры на Нижнем Днепре. Культурные слои этого времени на таких поселениях, как Гавриловское, Знаменское, Золотобалковское, свидетельствуют об интенсивности жизни, широко развитом домостроительстве, оживленных торговых связях с греческими городами. На Каирском городище все эти явления выражены гораздо слабее. Думается, что основатели этого поселения не смогли достаточно прочно укорениться на новом месте. Причин этому могло быть немало, и одна из важнейших — соседство враждебных сарматских племен.

Из известных в настоящее время 15 позднескифских городищ только пять расположены на левом берегу Днепра и среди них — Каирское. В 5 км к северу от него находится Горностаевское городище, не подвергавшееся раскопкам. Судя по подъемному материалу, оно существовало вплоть до II в. н. э.¹²

¹⁰ Н. Н. Погребова. Указ. соч.

¹¹ Близко по своим размерам Каирскому городищу одно из Понятовских городищ (В. И. Гошкевич. Указ. соч., стр. 119, рис. 1).

¹² В 1957 г. экспедицией ИИМК под руководством Н. Н. Погребовой было проведено обследование этого поселения и снят его план.

М. Г. МОШКОВА

О РАНЕСАРМАТСКИХ ВТУЛЬЧАТЫХ СТРЕЛАХ

В представлении греческих и римских современников сарматские племена, как и скифские, всегда оставались жестокими и непобедимыми¹ варварами, «славным родом воинственного Арея»². Следы этой воинственности донесли до нас многочисленные могилы Нижневолжских и Южноуральских степей, где не только в наиболее богатых, но и почти во всех рядовых погребениях мы находим бронзовые и железные наконечники стрел и мечи. В результате систематических исследований нижневолжской и приуральской территорий распространения сарматской культуры еще П. Д. Рау³ и Б. Н. Граков⁴, а затем К. Ф. Смирнов⁵ наметили и выделили два локальных варианта ее — нижневолжский и самаро-уральский. Однако интенсивно развернувшиеся в последние годы работы в Южном Приуралье⁶ и Башкирии⁷ позволяют поставить вопрос о существовании внутри двух культурных массивов сарматских племен более дробных групп. Последние отличаются какими-то деталями в погребальном обряде и материальной культуре, особенно в керамике, наиболее ярко отражающей, как правило, местный колорит. Речь идет о Башкирской группе памятников, более близкой и по территории, и по характеру материалов к самаро-уральскому локальному варианту сарматской культуры.

В силу своего назначения одни и те же формы оружия очень быстро распространяются на широкие территории, но при детальном исследовании, например, сарматских стрел оказывается возможным усмотреть некоторые отличия между отдельными районами их распространения. Не следует считать, что одни и те же типы вещей, — в частности, стрел, — не встречаются в различных районах распространения сарматской культуры.

¹ SC, стр. 115.

² Дионисию — SC, стр. 183.

³ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

⁴ В. Граков. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, t. III, Helsinki, 1928; его же. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, t. IV, Helsinki, 1929; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 100—122.

⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, 1954, стр. 99 и сл.; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 195 и сл.; его же. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 3—19.

⁶ К. Ф. Смирнов. Отчеты о работе Оренбургской археологической экспедиции ИИМК и Оренбургского областного музея в 1956—1957 гг. Архив ИА, ф. 1, № 1255, 1686; М. Г. Мошкова. Отчет о разведках и раскопках Оренбургского археологического отряда в 1958—1959 гг.; Архив ИА, ф. 1, № 1820, 2034; ее же. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской области. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961, стр. 115—126.

⁷ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников — «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, Башкирская АССР, стр. 131—145; М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. МИА, № 115.

однако преобладание в каждом того или иного типа создает своеобразие группы. Поэтому в представленных типологических таблицах бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел фигурируют Приуральская группа, Волжская, куда примыкает междуречье Волги — Урала, и Башкирская. Хочу подчеркнуть, что последняя пока не является третьим локальным вариантом сарматской культуры, а лишь обособленной группой в рамках самаро-уральского варианта.

Втульчатые наконечники стрел IV—II вв. до н. э. делятся на две большие категории — трёхгранные и трёхлопастные наконечники с выступающей и внутренней втулкой; эти категории подразделяются на типы. К. Ф. Смирнов в своей работе «Вооружение савроматов»⁸ выделил основные типы втульчатых стрел, и так как дальнейшее их развитие у савроматов шло, по линии преемственности, я придерживаюсь, во избежание путаницы, той же типологии и даже той же нумерации типов, которая приводится в работе К. Ф. Смирнова⁹.

Сопоставление сарматских втульчатых наконечников стрел IV—II вв. до н. э. с южнорусскими скифскими¹⁰, казахстанскими¹¹ и кубанскими¹², а также учет остальных вещей погребальных комплексов позволили создать более дробную хронологию, выделив IV в. (для уральских комплексов даже первую и вторую половины IV в.), IV—III и III—II вв. до н. э. Как известно, IV в. до н. э. является как бы мостом, соединяющим два периода сарматской истории — савроматский и прохоровский, поэтому иногда чисто условно, основываясь чаще всего на признаках погребального обряда, приходится проводить границу между позднесавроматскими и раннепрохоровскими комплексами. Особенно это относится к бронзовым наконечникам стрел IV в. до н. э., так как савроматские и раннепрохоровские наборы стрел мало отличаются друг от друга. Поскольку целый ряд савроматских комплексов с большими наборами стрел вполне определенно датируется IV в. до н. э., у нас имеется хороший эталон или отправной пункт, опираясь на который мы можем представить дальнейшее развитие бронзовых наконечников стрел. С этой точки зрения особенно важен комплекс стрел из кургана № 1 у поселка Благословенского¹³; этот комплекс, наряду со стрелами, характерными только для IV в. до н. э., содержит ряд типов, послуживших основой для стрел конца IV в.—III—II вв. до н. э. Поэтому раннепрохоровским стрелам на всех рисунках предпослан ряд с набором стрел из кургана № 1 у поселка Благословенского.

Трёхлопастные втульчатые наконечники — это наиболее многочисленная группа сарматских стрел, существовавшая и изменявшаяся на протяжении всей истории ранних сарматов (рис. 27).

К типу I относится очень небольшое количество наконечников, характерных для IV в. до н. э. Это стрелы средней величины и совсем

⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1962.

⁹ Пропуск некоторых порядковых номеров на рисунках и в тексте означает отсутствие наконечников подобного типа в погребениях прохоровского периода.

¹⁰ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. VIII—XII; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 129, табл. XVIII; Д. Т. Березоведь. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу в с. Кут. АП УРСР, т. IX, Київ, 1960, стр. 54, рис. 12; его же. Розкопки курганів в р. Молочній в 1951—1952 роках. АП УРСР, т. VIII, Київ, 1960, стр. 50, рис. 34, 14; стр. 64, 65; стр. 128, рис. 93, 3; стр. 145, 146, рис. 107, 4; стр. 175—177, рис. 128, 4;

¹¹ К. А. Акишев. Саки Семиречья. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959; его же. Памятники старины Северного Казахстана. Там же.

¹² P. Ra u. Указ. соч., табл. VIII; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 167, рис. 4; его же. Археологические разведки по Среднему Прикубанью. КСИИМК, вып. 60, 195, стр. 45—54, рис. 17; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 313 и сл., рис. 5—8.

¹³ B. Grakov. Deux tombeaux..., стр. 169—182.

небольшие, с овальными головками очень нечетких очертаний и чуть выделенными лопастями. В основе их схемы лежат листовидные наконечники VI—V вв. до н. э.

Тип VI, наиболее распространенный, представлен целым рядом вариантов. К типу VIA относятся массивные тяжелые стрелы с дуговидно изогнутыми гранями, широко расходящимися у основания головки. Стрелы эти являются ведущей формой в сарматских колчанах IV в. до н. э.; не исчезают они и в III в. до н. э., но представлены единичными экземплярами: непосредственно к варианту А примыкают стрелы варианта Б. Их можно назвать в какой-то степени переходной формой от наконечников с дуговидными очертаниями граней головки к треугольным. Они более изящны, вытянуты, не так массивны (как вариант А) и обычно мельче. Как и вариант А, наиболее характерны эти стрелы для IV в. до н. э., но существуют вплоть до III—II вв. до н. э. и в большем количестве, чем наконечники типа VIA. Тип VIB отличается особым вырезом на головке стрелы в виде двух щелей, подчеркивающих втулку. Подобных стрел очень немного, и в известных комплексах позже IV в. до н. э. они не встречаются. Также для IV в. до н. э. характерны стрелы типа VII. Они имеют те же очертания, что и варианты А и Б, только рисунок менее четкий, более смазанный. Лопастни наконечников очень узки, что приближает их к трёхгранным, а втулки продолжают по всей длине головки.

Тип IX с его вариантами представляет трёхлопастные стрелы с треугольным очертанием головки. Внутри вариантов стрелы отличаются по размерам, по длине втулки и головки и по рисунку среза лопастей. Тип IX, особенно полно представленный во второй половине IV в. до н. э., остается ведущим и дальше — вплоть до III—II вв. до н. э., лишь изменив свои пропорции на более вытянутые и приобретая еще большую стройность.

Вынесение стрел типа V в конец таблицы, представленной на рис. 27, обусловлено их формой, являющейся промежуточной между стрелами с выступающей и внутренней втулкой. Наконечники этого типа очень редки у сарматов и встречаются, главным образом, в погребениях V в. до н. э. В Башкирии они найдены в могиле III—II вв. до н. э., но, судя по имеющимся на них отверстиям, использовались эти наконечники уже в качестве амулетов.

Среди трёхлопастных наконечников с внутренней втулкой (рис. 28) выделены типы с плоским основанием стрелы и с опущенными лопастями и лопастями, срезанными под тупым углом к основанию (тип V). Среди тех и других различаются наконечники с дуговидной головкой (типы X и XII) и треугольной (типы XI и XIII). Так же как у стрел с выступающей втулкой, здесь наблюдается тенденция к замене массивных, широких наконечников более стройными, вытянутыми, с правильными треугольными головками.

На рис. 29 и 30 показаны трёхгранные наконечники с выступающей и внутренней втулкой. Длина выступающей части втулки и форма концов ребер (т. е. срез под прямым или тупым углом по отношению к втулке) не являются существенными признаками для характеристики стрелы и поэтому не учитываются при выделении типов.

Типы I и II близки друг другу, так как оба они представляют собой позднейшие варианты двух разновидностей листовидных наконечников VI—V вв. до н. э. Форма пера удлиненно-овальная, без резких переходов к втулке. У наконечников типа I, в большинстве массивных, на головке — прямоугольные вырезы. Стрелы эти очень малочисленны и встречаются в прохоровских погребениях IV в. до н. э.

Стрелы типа III имеют, как правило, небольшие, но массивные головки дуговидных очертаний и плоскости без всякого рисунка. Стрелы этого типа также немногочисленны и на протяжении нескольких веков изменяются очень мало.

Тип IV примыкает непосредственно к типу III, но, в отличие от него, головка стрел не дуговидная в разрезе, а треугольная.

Типы V (объединяющий ряд вариантов) и VI представляют собой, как правило, довольно большие стрелы с массивной дуговидной головкой, верхняя плоская часть которой отделяется от втулки прямой или фигурной линией. Только в верхней части головки эти стрелы трёхгранны, разрез же нижней части стрелы дает обычную схему трёхлопастного наконечника. Надо учесть, что зачастую разделение трёхгранных и трёхлопастных наконечников условно и не всегда точно,—настолько бывают не существенными нюансы, разделяющие эти группы.

Последний из представленных типов стрел с выступающей втулкой — тип IX характеризуется также фигурными вырезами особого рисунка, но теперь уже на треугольной головке.

Типы трёхгранных стрел с внутренней втулкой подразделяются по тем же признакам, что и в предыдущей категории. Выделены стрелы с плоско срезанными гранями (типы XI и XII; рис. 30), с опущенными гранями, с совсем плоской головкой (тип XIV) и с небольшими щелями, подчеркивающими втулку (тип XV). Все они также делятся на стрелы с дуговидными и треугольными головками.

Наиболее распространены и многочисленны стрелы типа XVIII. Это массивные, широкие наконечники с опущенными концами граней (или лопастей); на плоскостях головки нередко встречается рельефный рисунок. Несмотря на существование лопастей у наконечников этого типа, отнесение их к трёхгранным обусловлено тем, что втулка их не округлена, а сглана и образует в разрезе прямую линию с концами лопастей.

Тип XIX отличается от типа XVIII лишь треугольным очертанием головки. Как у стрел с выступающей втулкой мы не принимали во внимание форму среза грани, так и у стрел с внутренней втулкой мы считаем несущественным форму выреза втулки, которая, кстати, бывает весьма разнообразна. Такова краткая характеристика типов, представленных на рис. 29 и 30.

При датировке комплекса стрел особое внимание следует уделять соотношению различных типов в наборе, а главное,—преобладанию того или иного из них. Процесс образования, а затем исчезновения типов не является кратковременным; поэтому уже нехарактерные для определенного времени типы могут очень долго встречаться спорадически. При датировке, разумеется, не им принадлежит решающая роль, а ведущей форме. В качестве примера можно привести стрелы из кургана № 3 у поселка Матвеевского¹⁴, где встречены всего две формы: 22 наконечника типа VIA (рис. 27—4), наиболее характерного для IV в. до н. э., и 3 наконечника типа IXA (рис. 27—12), который становится наиболее распространенным к концу IV в. до н. э. и существует вплоть до II в. до н. э. Даже если бы не было остального инвентаря погребения, преобладание стрел типа VIA заставляло бы датировать этот комплекс не позже IV в. до н. э. Вообще раннепрохоровские погребения IV в. до н. э. и на Урале, и на Волге выделяются довольно хорошо не только по самим наборам стрел, характеризующим еще расцвет бронзовой индустрии и полное продолжение типов V в. до н. э., но и по целому ряду других вещей, также являющихся основанием для точной датировки. Например, целая группа погребений Приуралья и Нижней Волги (Ново-Кумакский могильник, курганы № 12, 13 и 16; Сайхин, курган № 5, погребение № 1) содержит мечи переходных форм, которые не могут выходить за пределы IV в. до н. э.

Для выделения погребений самого конца IV в.—III в. до н. э. эталонном служили курганы у с. Прохоровки¹⁵, в которых захоронения содержат

¹⁴ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата... стр. 113—115.

¹⁵ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918.

вполне сложившиеся формы оружия, керамики, предметов туалета и украшений прохоровского периода сарматской культуры.

Погребения III—II вв. до н. э. выделены на основании бронзовых наконечников, представляющих собою вырождающиеся типы IV—III вв. до н. э. (к тому же они очень часто сочетаются с железными черешковыми наконечниками), а также на основании всего погребального инвентаря и обряда.

Какова же общая тенденция развития бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел в погребениях прохоровской культуры? Прежде всего бросается в глаза тот факт, что среди стрел рубежа IV—III и II вв. до н. э. нет никаких новых типов; они представляют лишь дальнейшее развитие более ранних наконечников, причем по линии их упрощения. Происходит процесс стандартизации формы, который начался еще в IV в. до н. э. Любопытно, что в скифских колчанах IV—III вв. до н. э.¹⁶ встречается гораздо большее количество разнообразных типов и меньше чувствуется та стандартизация, которую мы видим у сарматов. Развитие формы и трёхгранных, и трёхлопастных наконечников идет по линии заострения и удлинения головки стрелы, превращения ее в узкий треугольник. Очевидно, такая форма наконечника обеспечивала большую пробойную силу стрелы, а опущенные длинные лопасти хорошо выполняли роль шипов. Эта тенденция развития присуща всем трем указанным территориальным группам сарматской культуры.

Однако следует сказать несколько слов и о различиях, особенно четко проявляющихся в IV в. до н. э. Так, для Приуралья характерны массивные, большие наконечники с широко расходящимися гранями, в то время как на Волге стрелы гораздо изящнее и миниатюрнее. Очень мало на Волге и массивных дуговидных наконечников с внутренней втулкой, для Урала же в IV в. до н. э. они также очень типичны. К различиям следует отнести существование в нижневолжских памятниках (Ново-Никольский могильник, 1954 г., курган № 3, погребение № 3; Верхне-Погромное, 1957 г., курган № 1, погребение № 13 и курган № 14, погребение № 17; Быково, 1954 г., курган № 3, погребение № 13; Ровное, 1957 г., курган № 4, погребение № 15) втульчатых железных стрел, что сближает этот район с Кубанью, где данная форма была ведущей. Но в Приуралье и Башкирии в это же время и даже раньше появляются черешковые бронзовые и железные стрелы (Покровка, 1911 г., курган № 2; Башкирское стойло, 1928 г., курган № 4; Благословенский поселок, курган № 1; Буруктал, 1950 г.; Башкирия, Баймакский район, 1929 г., сборы), которые отсутствуют в IV в. до н. э. в Поволжье.

В конце IV в., а особенно в III—II вв. до н. э. различия между стрелами этих групп все больше стираются. Нивелировка всей культуры прохоровского времени, происходившая в огромных степях Поволжья и Приуралья, коснулась, разумеется, и оружия. Преобладавший ранее в Приуралье тип стрелы с внутренней втулкой и опущенными лопастями заполняет все Поволжье и становится там в III—II вв. до н. э. такой же обычной формой, как и стрелы с выступающей втулкой. Может быть, в дальнейшем, когда у нас будет достаточный материал из приуральских погребений III—II вв. до н. э., удастся и для этого времени выделить какие-либо особенности двух районов, в данный же момент мы можем говорить лишь о стирающихся различиях.

Что касается Башкирии, то здесь мы почти не знаем погребений IV—III вв. до н. э., но даже имеющийся очень небольшой материал говорит о больших связях с Приуральем. Представленные же в изобилии комплексы III—II вв. до н. э. свидетельствуют о полном господстве стрел с внутренней втулкой и очень частом сочетании их с железными черешко-

¹⁶ Р. Рау. Указ. соч., табл. VIII—XII.

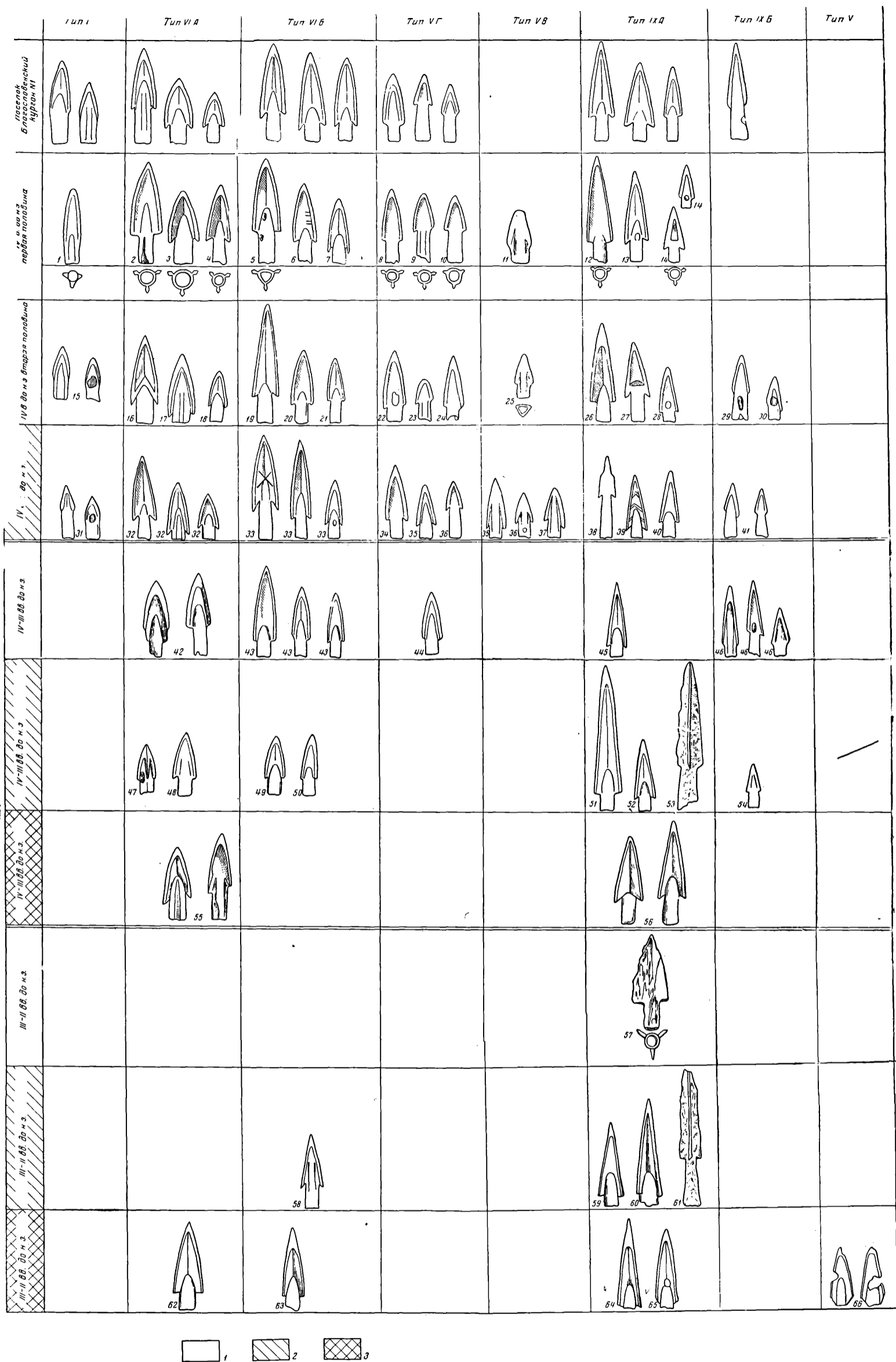

Рис. 27. Типы раннесарматских втульчатых стрел.

1, 2, 5, 9, 14 — Новый Кумак, курган № 16, 1959 г.; 3, 10 — поселок Нежинский, Алабастрова гора, курган № 3, 1928 г.; 4, 12 — поселок Матвеевский, курган № 3, 1930 г.; 6, 8, 13 — Новый Кумак, курган № 12, 1959 г.; 7, 11 — 11 Аляндская группа, курган № 1, погребение № 1, 1958 г.; 15, 18 — Новый Кумак, курган № 13, 1959 г.; 16, 22 — Любимовка, «Лопасина», курган № 1 и 3, 1956 г.; 17, 26 — Алабастрова гора, курган № 4, 1928 г.; 19, 21 — там же, курган № 2, 1928 г.; 20, 29 — Близнецы, курган № 1 и 5, 1957 г.; 23, 25, 28, 30 — Новый Кумак, курган № 18, 1959 г.; 24 — Близнецы, курган № 1 и 4, 1957 г.; 27 — Буржтала, случайная находка, 1950 г.; 31—34 — Ново-Никольское, курган № 3, погребение № 3, 1954 г.; 35—15-й поселок, курган № 1, погребение № 5, 1958 г.; 36—39 — Ново-Никольское, курган № 3, погребение № 3, 1954 г.; 40, 41 — Фриленберг, курган № 5, погребение № 2, 1925 г.; 42 — Близнецы, курган № 2, погребение № 1, 1957 г.; 43—46 — Прохоровка, курган № 3, 1915 г.; 47 — Бмково,

курган № 26, погребение № 7, 1957 г.; 48, 50 — Джангала, оз. Сарыдиди, курган № 1, погребение № 3, 1949 г.; 49, 54 — там же, курган № 1, погребение № 4, 1949 г.; 51, 52 — там же, курган № 3, погребение № 2, 1948 г.; 53 — Ровное, курган № 5, погребение 15, 1957 г.; 55, 56 — Башкирия, Баймакский район, сборн., 1929 г.; 57 — Увак, курган № 2, погребение № 7, 1957 г.; 58, 59 — Вяземский курган № 4, погребение № 3, 1925 г.; 60 — Березювка II, курган № 65, погребение № 2, 1955 г.; 61 — Верхне-Погромное, курган № 1, погребение № 13, 1957 г.; 62 — Башкирия, Старые Киньки, курган № 14, погребение № 5, 1958 г.; 63, 64 — там же, курган № 11, погребение № 15, 1958 г.; 65 — там же, курган № 11, насыпь, 1958 г.; 66 — там же, курган № 13, погребение № 4, 1957 г. Условные обозначения: 1 — Приуралье; 2 — Волга и междуречья Волги и Урала; 3 — Башкирия. (Стрелы даны в $\frac{3}{4}$ н. в.).

	Тип X	Тип XI	Тип XII	Тип XIII
Поселок Благословенский курган №1				
IV в до н.э. первая половина				
IV в до н.э. вторая половина				
IV в до н.э.				
IV-III вв до н.э.				
IV-III вв до н.э.				
IV-III вв до н.э.				
III вв до н.э.				
III вв до н.э.				
III вв до н.э.				

Рис. 28. Типы раннесарматских втульчатых стрел.

1 — Новый Кумак, курган № 12, 1959 г.; 2 — II Аладская группа, курган № 1, погребение № 1, 1958 г.; 3 — Новый Кумак, курган № 16, 1959 г.; 4, 11 — Любимовка, «Лопасива», курган № 1, погребение № 1, 1956 г.; 5 — станция Павловская, курган № 2, 1888 г.; 6, 12 — Алабастрова гора, курган № 2, 1923 г.; 7 — Буруктал, случайная находка 1950 г.; 8, 10, 13 — Новый Кумак, курган № 18, 1959 г.; 9 — Алабастрова гора, курган № 4, 1928 г.; 14—16 — Ново-Никольское, курган № 3, погребение № 3, 1954 г.; 17 — Фриденберг, курган № 5, погребение № 2, 1925 г.; 18—20 — Прохоровка, курган № 3, 1915 г.; 21, 24, 25 — Джангала, оз. Сарайдин курган № 3, погребение № 2, 1948 г.; 22 — Ленинск, курган № 3, погребение № 16, 1956 г.; 23, 26—31 — Башкирия, Старые Кишки, курган № 13, погребение № 11, 1958 г.; 32, 33 — поселок Красногорский, впуск-

ное погребение, 1903 г.; 34 — Джангала, погребение № 8, 1936 г.; 35, 36 — Бережновка, южная группа, курган № 2, погребение № 11, 1952 г.; 37, 40—43 — Виземиллер, курган № 4, погребение № 3, 1925 г.; 38, 44 — Сайхин, курган № 1, погребение № 5, 1952 г.; 39 — Ленинск, курган № 3, погребение № 15, 1956 г.; 45—47 — Башкирия, Старые Кишки, курган № 11, погребение № 17, 1958 г.; 48 — там же, курган № 13, погребение № 13, 1958 г.; 49 — там же, курган № 11, погребение № 13, 1958 г.; 50 — там же, курган № 14, погребение № 16, 1958 г.; 51, 54 — там же, курган № 11, погребение № 12, 1958 г.; 52 — там же, курган № 11, погребение № 4, 1958 г.; 53 — там же, курган № 14, погребение № 11, 1958 г. (Условные обозначения те же, что на рис. 27. Стрелы даны в 3/4 н. в.).

	<i>Тип I</i>	<i>Тип II</i>	<i>Тип III</i>	<i>Тип IV</i>	<i>Тип V Б</i>	<i>Тип VI</i>	<i>Тип IX</i>
Поселок Благовостанский курган №1							
IV в. до н.э. первая половина							
IV в. до н.э. вторая половина							
IV вв. до н.э.							
IV-III вв. до н.э.							
IV-III вв. до н.э.							
IV-III вв. до н.э.							

Рис. 29. Типы раннесарматских втульчатых стрел.

1, 2 — Алабастрова гора, курган № 3, 1928 г.; 3, 4 — Ново-Никольское, курган № 3, погребение № 3, 1954 г.; 5 — Прохоровка, курган № 3, 1915 г.; 6 — поселок Некинский, Горбатый мост, курган № 4, погребение № 1, 1928 г.;

7 — Ровное, курган № 4, погребение № 15, 1957 г.; 8, 9 — Башкирия, Старые Книшки, курган № 13, погребение № 11, 1958 г.; 10 — там же, курган № 11, погребение № 4, 1958. (Условные обозначения те же, что на рис. 27. Стрелы даны в $\frac{3}{4}$ н. в.).

	Тип XI	Тип XII	Тип XIII	Тип XIV	Тип XV	Тип XVI	Тип XVII	Тип XVIII	Тип XIX
Поселок Благословенский Курган VI									
IV в. до н.э. первая половина									
IV в. до н.э. вторая половина									
IV в. до н.э.									
IV-III вв. до н.э.									
IV-III вв. до н.э.									
IV-III вв. до н.э.									
III-II вв. до н.э.									
III-II вв. до н.э.									

Рис. 30. Типы раннесарматских втульчатых стрел.

1 — II Алнадская группа, курган № 1, погребение № 1, 1958 г.; 2, 4, 5 — Новый Кумак, курган № 12, 1959 г.; 3 — Алабастрова гора, курган № 3, 1928 г.; 6, 8 — Любимовка, «Лопасина», курган № 1, погребение № 1, 1956 г.; 7, 15 — станция Павловская, курган № 2, 1888 г.; 9, 16 — Новый Кумак, курган № 18, 1959 г.; 10 — Близицы, курган № 1, погребение № 4, 1957 г.; 11 — Алабастрова гора, курган № 4, 1928 г.; 12, 14 — Любимова, «Лопасина», курган № 1, погребение № 4, 1956 г.; 13 — там же, курган № 1, погребение № 3, 1956 г.; 17, 20 — Ново-Никольское, курган № 3, погребение № 3, 1954 г.; 21 — 15-й поселок, курган

№ 1, погребение № 5, 1958 г.; 22—24 — Ново-Никольское, курган № 3, погребение № 3, 1954 г.; 25, 26 — Прохоровка, курган № 3, 1915 г.; 27, 28 — Джангала, оз. Сарайдин, курган № 3, погребение № 2, 1948 г.; 29 — Старые Кишки, курган № 13, погребение № 11, 1958 г.; 30 — Виземиллер, курган № 4, погребение № 3, 1925 г.; 31 — Старые Кишки, курган № 11, погребение № 17, 1958 г.; 32 — там же, курган № 11, насыпь, 1958 г.; 33 — там же, курган № 11, погребение № 15, 1958 г.; 34 — там же, курган № 11, погребение № 9, 1958 г. (Условные обозначения те же, что на рис. 27. Стрелы даны в $\frac{3}{4}$ н. в.).

**Данные о соотношении количества погребений III—II вв.
до н. э. с бронзовыми и железными наконечниками стрел**

Территория	Общее количество погребений со стрелами	Количество погребений, сочетающих бронзовые и железные наконечники стрел	Количество погребений с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел	Количество погребений с железными черешковыми наконечниками стрел
Нижнее Поволжье	45	2	5	38
Башкирия	21	11	8	2
Приуралье	7	—	3	4

выми наконечниками стрел, с чем мы весьма редко сталкиваемся в Поволжье. Видимо, процесс замены бронзовых втульчатых наконечников железными черешковыми происходил в Башкирии постепенно в силу избытка того и другого сырья. По всей вероятности, то же самое должно было бы происходить и в Приуралье, где бронза с трудом уступала свое место железу. В Поволжье, напротив, этот процесс был более активным, поскольку железо являлось местным сырьем, а бронза — привозным. С этой точки зрения интересно следующее соотношение погребений III—II вв. до н. э. с бронзовыми втульчатыми и железными черешковыми стрелами в Башкирии, Приуралье и на Волге (см. таблицу). Несмотря на то, что количество вскрытых погребений в Башкирии, Приуралье и Нижнем Поволжье сильно разнится, я думаю, что все же можно усмотреть определенные закономерности процесса вытеснения бронзы железом на каждой из этих территорий.

Помимо некоторого различия в процессе замены бронзы железом, приведенные данные позволяют вполне определенно говорить о широком распространении во II в. до н. э. в сарматских погребениях Волги, Башкирии и Приуралья железных черешковых наконечников стрел, а к концу II в. — началу I в. до н. э. — о их повсеместном господстве.

К. Ф. С М И Р Н О В

НОВЫЕ САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА БУЗУЛУКЕ

В 1956 г. Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР и Оренбургского краеведческого музея под моим руководством проводила археологические разведки по р. Бузулуку, левому притоку р. Самары. Бассейн Бузулука соединяет Заволжские степи с Оренбургскими. В древности реки Самара и Бузулук были удобным средством для межплеменных сообщений. В эпоху бронзы здесь входили в непосредственный контакт племена срубной и андроновской культур¹; в скифское время, когда этот район был заселен савроматами, здесь проходил скифский торговый путь на Восток.

Отсюда происходит ряд интересных находок скифо-сарматского времени, добытых из курганов, преимущественно раскопанных грабителями в дореволюционное время². В 80-е годы прошлого века первые научные раскопки производил Ф. Д. Нефедов, который исследовал савроматские погребения близ сёл Преображенского и Осьмушкина в пределах бывшей Любимовской волости³.

Савроматские памятники Любимовской волости, не раз упомянутые в работах М. И. Ростовцева, П. Д. Рау и Б. Н. Гракова, посвященных скифо-сарматской археологии, стали своего рода «классическими»: ими характеризовалась савроматская культура в Куйбышевском Заволжье.

Окрестности с. Любимовки на Бузулуке, ныне входящей в состав Свердловского района Оренбургской области, вызвали особый интерес нашей экспедиции. Здесь сохранилось до сих пор много курганов, несмотря на их интенсивную тракторную распашку. Цепь курганов идет по левому берегу Бузулука между селами Саиновкой и Любимовкой, где насчитывается не менее 20 курганов, среди которых выделяется курган с глубоким ровом высотой около 3 м при диаметре 40 м. В 2 км к западу от Любимовки находится группа из 10 курганов до 2 м высотой. В 13—14 км к югу от Любимовки, неподалеку от 3-го отделения совхоза имени Свердлова (бывший хутор Крыловский) в местности «Три ключа» также имеются курганы, которые подвергались раскопкам местных жителей в дореволюционное время; отсюда происходят известные савроматские каменные блюда (раскопки крестьянина Тарасова в 1896 г.)⁴.

Наша экспедиция завершила свои работы раскопкой кургана в местности Лапасина, находящейся в 7 км к северо-северо-западу от с. Любимовки. Курганный группа расположена на плоской возвышенности, господствующей над окружающей местностью. Склоны горы поросли лиственным

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Хвалыинско-андроновские курганы у с. Погромного. СА, XIII, 1950, стр. 311—319.

² ЭРАО, т. VIII, вып. I и II (новая серия), СПб., 1896, стр. 154—159, 162—169; К. Ф. С м и р н о в. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 5, рис. 1.

³ Ф. Д. Н е ф е д о в. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГ, т. III, 1899, стр. 1—41.

⁴ ЭРАО, т. VIII, вып. I и II (новая серия), СПб., 1896, стр. 165, 166, рис. 37—39

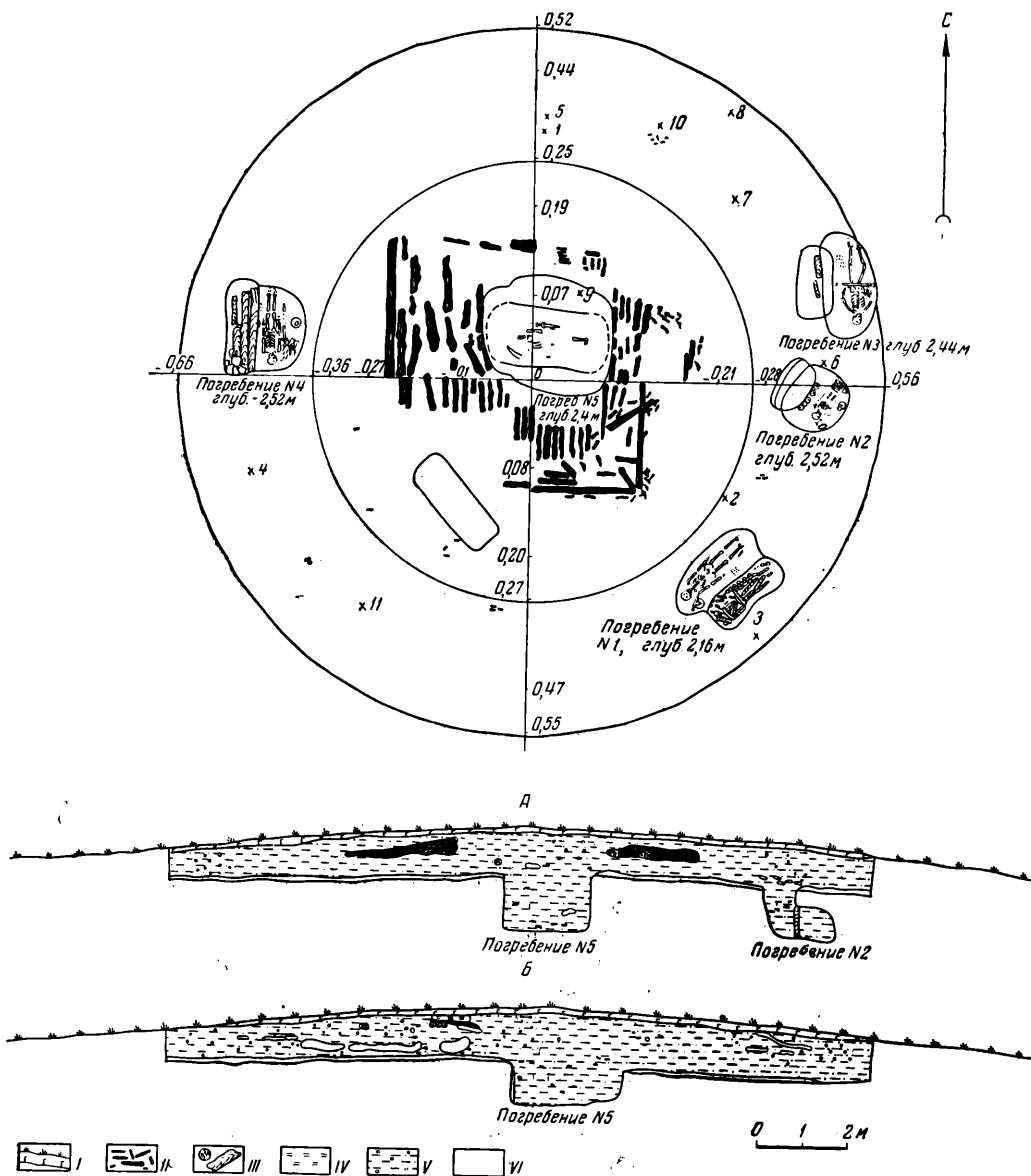

Рис. 31. План и профили раскопа кургана № 1 группы «Лапасина».

× — отдельные находки в насыпи; 1 — ребро лошади; 2 — кости человека; 3 — обожженные кости животных; 4 — обломок кости; 5 — кости животных; 6 — наконечник стрелы; 7 — кость; 8 — позвонок животного; 9 — железный крючок; 10 — рукоять железного меча; 11 — костяная круглая бляшка.

Условные обозначения: I — гумус; II — древесные угли; III — дерево; IV — обожженная земля; V — супесь с включением мелкой гальки; VI — материк и могильный выкйд; А — профиль кургана по линии запад — восток; Б — профиль кургана по линии север — юг.

лесом. Через гору проходит полевая дорога из с. Преображенки в с. Кизилмечеть. Курганы разбросаны по всему плато, но вследствие длительной распашки многие из них едва заметны. В центре группы находится самый большой курган, высотой 1,7 м, с глубоким раскопом в центре. Этот курган раскапывался землеустроителями в 1927 г. Вещи из него, относящиеся к савроматской культуре, были переданы в Саратовский музей краеведения. Среди них имеются глиняный горшок с налепным орнаментом, каменный жертвенник и золотая серьга с цепочкой, заканчивающейся

полым шариком (см. ниже рис. 32—3). На восточной окраине плато есть еще один нераскопанный курган высотой до 1,3 м. Всего на территории могильника мы зафиксировали 20 курганов.

Нами был раскопан курган № 1, находящийся в 70 м от большого кургана. Его насыпь также подвергалась продолжительной распахке и потому сильно оплыла. Курган имел высоту 1,15 м и диаметр около 20 м. Обнаружено 5 погребений: основная могила в центре (№ 5) оказалась савроматской; четыре впускных подбойных могилы в полах кургана относятся к прохоровской культуре (рис. 31).

Савроматская могила — удлиненной формы, с округлыми углами (длина — 3 м, ширина — 1,3 м, глубина от вершины кургана — 2,4 м), ориентированная с запада на восток. Она была частично ограблена еще в древности. В ней был погребен воин на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Слева, вдоль костяка, параллельно левой руке, лежал хорошо сохранившийся железный меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, длиной 55 см. Судя по остаткам древесных волокон на клинке, меч находился в деревянных ножнах. Около меча оказались принадлежности портупей: светло-желтая пастовая бусина с тремя шишечками — между рукояткой и плечевой костью (рис. 32—б), а справа к клинку меча прилежала бронзовая ворворка. Меч по форме рукоятки входит в группу ранних мечей скифского типа⁵. Точной аналогией ему является меч из Старшей могилы, которая датируется В. А. Ильинской первой половиной VI в. до н. э.⁶

Справа от скелета, против руки, найден бронзовый трёхгранный втульчатый наконечник стрелы. Вероятно, в могиле лежал целый колчан со стрелами, унесенный грабителями вместе с железным колчанным крючком, найденным нами в насыпи центральной части кургана (рис. 32—5а, 5б). Он согнут из узкой железной пластины со схематичным изображением головы хищной птицы на широком конце. Клюв, глаза и шея птицы отмечены путем инкрустации тонкой бронзовой проволокой. На оборотной стороне крючка была прикреплена бронзовая петля для ремня. Этот тип крючка известен не только в савроматских могилах Приуралья⁷, но и в курганах Среднего Дона (Частые и Мастюгинские курганы), в ананьинской культуре. По своей форме и плоскостной передаче орнамента он более всего напоминает некоторые крючки Ананьинского могильника⁸.

Справа, выше головы савромата, лежали железные щипцы, согнутые из прямоугольного в сечении стержня с заостренными концами (рис. 32—4). Они представляют уникальную находку в савроматском мире. Их назначение не ясно. Может быть, это орудие кузнеца.

Вокруг савроматской могилы на уровне древнего горизонта (на глубине 1 м и выше) лежал мощный могильный выкид. Над ним обнаружены остатки деревянного сооружения из дубовых стволов и плах, которые почти все обуглены. Это сооружение в плане имело квадратную форму со сторонами 6 м длиной. Большинство плах и стволов со срубленными сучьями лежало параллельно друг другу по линии север — юг, а по краям все сооружение было заключено в квадратную раму из наиболее толстых стволов диаметром 20—25 см. Как правило, бревна не налегали друг на друга, однако ближе к центру они лежали выше краиних на 0,3 м соответственно уклону могильного выкида. В самом центре, где находилась большая

⁵ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 10.

⁶ В. А. Іллінська. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія», V. Київ, 1951, стр. 199, табл. I, 1.

⁷ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов..., стр. 109, рис. 10.

⁸ I. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877, t. II, стр. 114, рис. 473; A. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919, стр. 151, рис. 114, 9; его же. Etudes archéologiques sur la Russie orientale durant l'ancien âge du fer. ESA, t. VII, 1932, стр. 23, рис. 32.

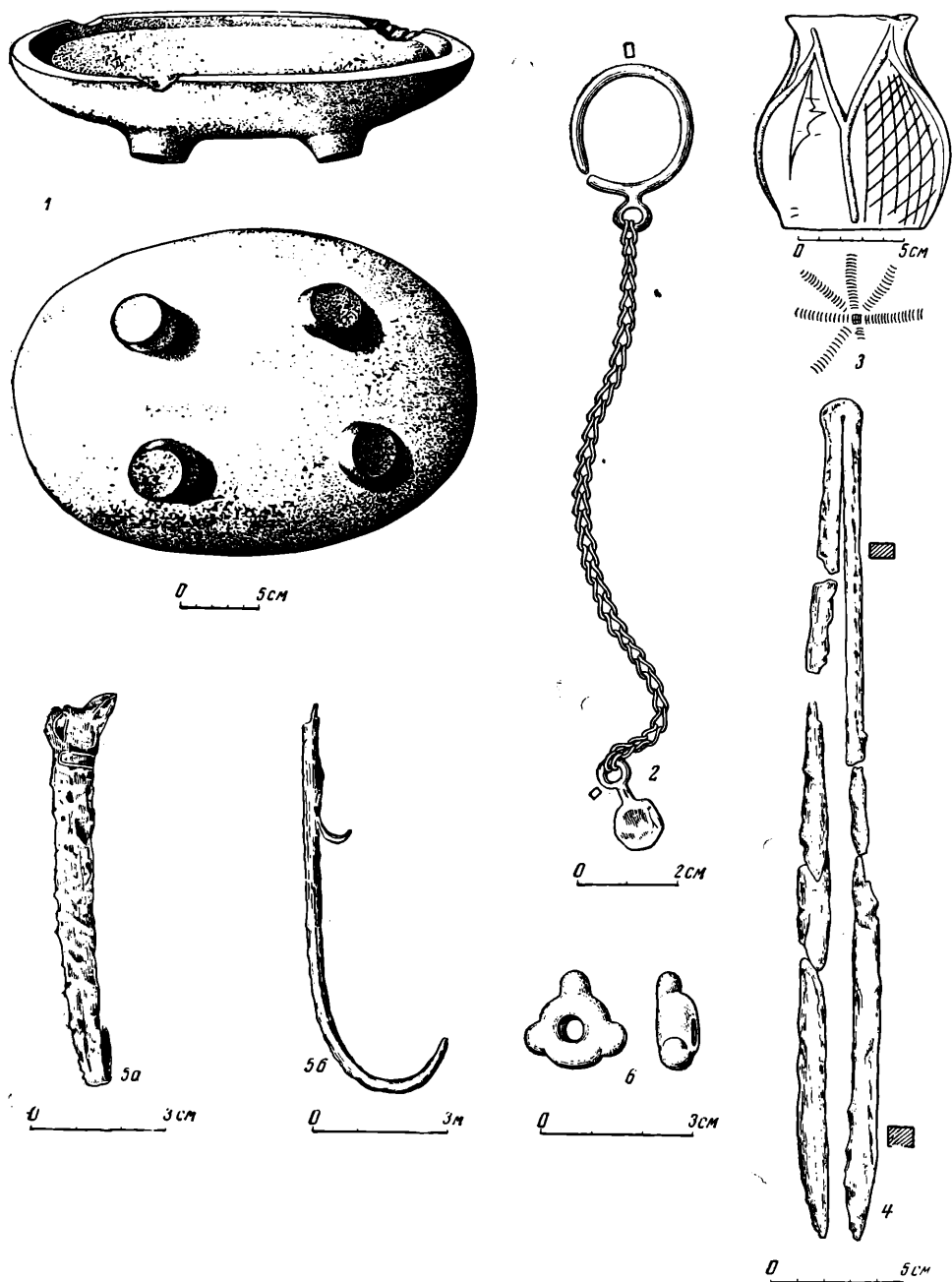

Рис. 32. Вещи из савроматских погребений.

1 — блюдо-жертвеник из серого песчаника; 2 — золотая серьга; 3 — глиняный горшок с налепным орнаментом (ниже рисунок на две сосуда); 4 — железные щипцы; 5а, 5б — железный кочавный крючок; 6 — пастовая бусина (1—3 — из кургана 1927 г.; 4—6 — из погребения № 5 кургана № 1, 1956 г.).

грабительская яма, был разрыв. Грабительская яма нарушила перекрытие: бревна примыкали к краям этой ямы, а несколько их обломков попало в могилу и грабительскую яму. На бревнах лежало много древесных углей и сильно обугленного хвороста. Земля над сооружением в ряде мест докрасна прокалилась на значительную толщину.

Перед ямами — яркая картина сожжения надмогильного сооружения, характерная для савроматского погребального обряда, в котором культ огня играл существенную роль. Пока горел мощный костер, совершалась тризна — в насыпи кургана встречены разбитые кости животных, главным образом, лошади, иногда обожженные. Охваченное огнем перекрытие было засыпано землей. Поэтому оно не сгорело целиком, а лишь обуглилось.

Можно привести много примеров подобного проявления культа огня у савроматов Поволжья и Приуралья. Само деревянное здание представляет одну из разновидностей надмогильных квадратных и прямоугольных сооружений, обнаруженных в савроматских курганах Саратовской области и в других районах Оренбургской области (на Илеке). Они известны в кургане близ Саратова⁹, в группе курганов у сёл Усатова и Бородаевки¹⁰, в курганах Тара-Бутака и «Первых Пятиморов» Соль-Илецкого района¹¹. Они имели вид рами, сруба, плоского накатника, выходящего далеко за пределы перекрытой им могилы.

Любимовское сооружение очень напоминает массивные накатники и более сложные бревенчатые сооружения, имитирующие жилища, над могилами срубной культуры Поволжья. Они обнаружены в Куйбышевском Поволжье (в курганах у сёл Ягодного и Кайбел)¹², отчасти в Саратовской и Волгоградской областях (курган у с. Адоевщины, б. Хвалынского уезда¹³, курган № 2 у с. Макаровка¹⁴, курган № 2 у Бердеевской горы близ с. Горной Пролейки¹⁵).

Этот тип надмогильного сооружения является одним из фактов, подтверждающих генетические связи савроматов и населения срубной культуры, которая распространялась и на бассейн Бузулука.

Не менее интересны четыре впускных сарматских погребения Любимовского кургана. Все они более или менее одновременны, судя по исключительному единству обряда и инвентаря. Скорее всего, это одна семейная группа, погребенная в индивидуальных подбойных могилах развитой формы. Могилы вырыты в полах кургана; лишь одна узкая прямоугольная яма была вырыта ближе к центру и нарушила юго-западный угол деревянного сооружения центральной савроматской могилы (см. рис. 31). В яме ничего не было. Вероятно, она предназначалась для сооружения подбойной могилы, которая была заброшена, так как грунт в этом месте сильно нарушен ходами и норами животных. Подобное кольцевое расположение сарматских могил, связанных с определенной семейной группой, встречается в Нижнем Поволжье¹⁶.

⁹ И. П. Горизонтов. Раскопки кургана близ г. Саратова. Труды СУАК, вып. XXIV, Саратов, 1908, стр. 9—13.

¹⁰ P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 63, 67, 68; рис. 3, 9, 11.

¹¹ Материал не опубликован.

¹² Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 70, рис. 15; его же. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 90, 91, рис. 5; стр. 98, 99.

¹³ В. Орехов. Раскопки двух курганов при с. Адоевщине Хвалынского уезда. Труды СУАК, вып. XXXI, Саратов, 1914, стр. 134, рис. 3.

¹⁴ И. В. Сидцын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 73, рис. 46.

¹⁵ И. В. Сидцын. Археологические памятники у с. Пролейки. Ученые записки СГУ, т. XLVII, Саратов, 1956, стр. 209, 218.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 175, рис. 4, 1; стр. 258, 259.

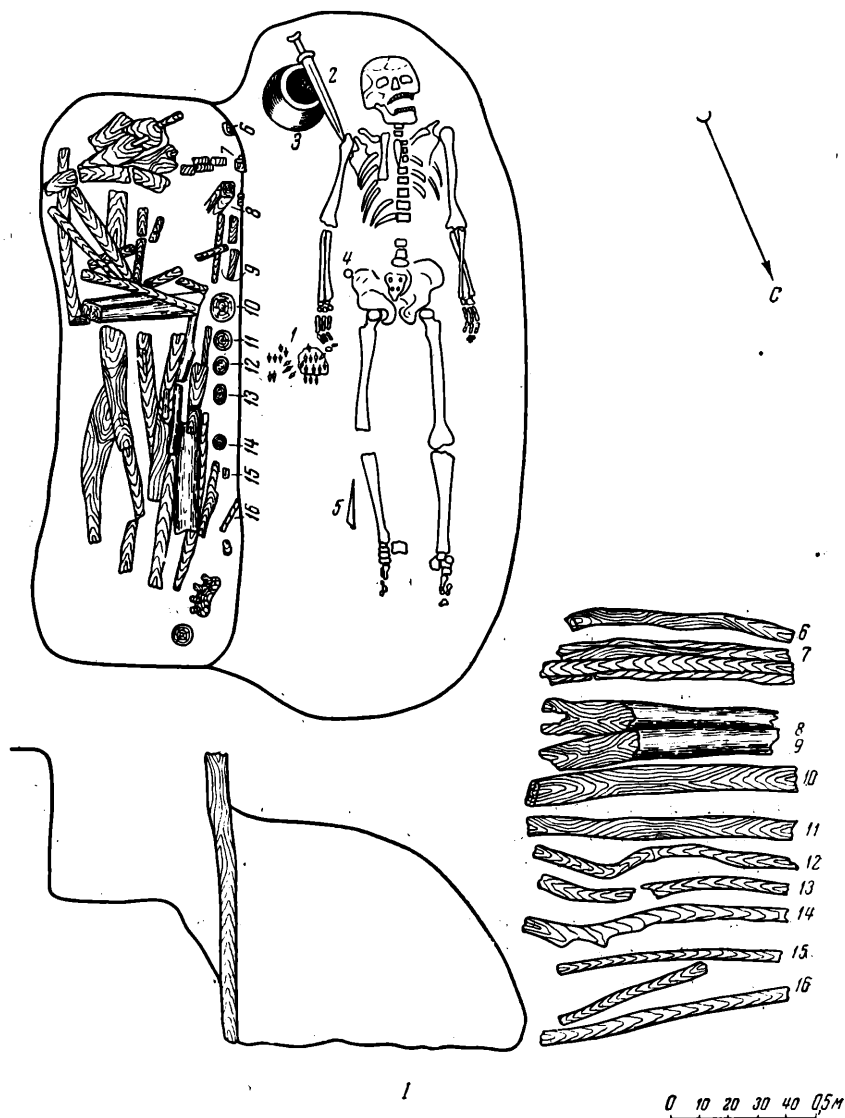

Рис. 33 (I). Погребение № 1 прохоровской культуры в кургане № 1.

1 — бронзовые наконечники стрел и куски кожи от колчана; 2 — железный меч; 3 — сосуд; 4 — железная пряжка; 5 — железный нож; 6—16 — дубовые бревна.

Могильные входы были заложены камнями и березовыми бревнами, лежавшими плашмя (погребения № 3 и 4), или устье подбоя было закрыто вертикально поставленными кольями и кругляками (погребения № 1 и 2; рис. 33 (I, II)). Погребенные лежали на подстилке из березовой коры, посыпанной меловым порошком, вытянуто, на спине, головой на юг и юго-запад. Особенно тщательно было оборудовано ложе для ребенка в могиле № 2: оно было прямоугольной формы, а по краям обрамлено тонкими дощечками. В могилах погребены: ребенок примерно 3 лет (погребение № 2), двое мужчин (погребения № 1 и 4) и юноша или молодая женщина с оружием (погребение № 3). Все взрослые вооружены кожаными колчанами с полным набором стрел с бронзовыми наконечниками и березовыми древками (41, 75 и 172 экземпляра), а также железными мечами. В трех могилах находились глиняные сосуды и железные ножи. Заупокойной пищей служили части разрубленных туш барана (бок и передние ножки). Кроме

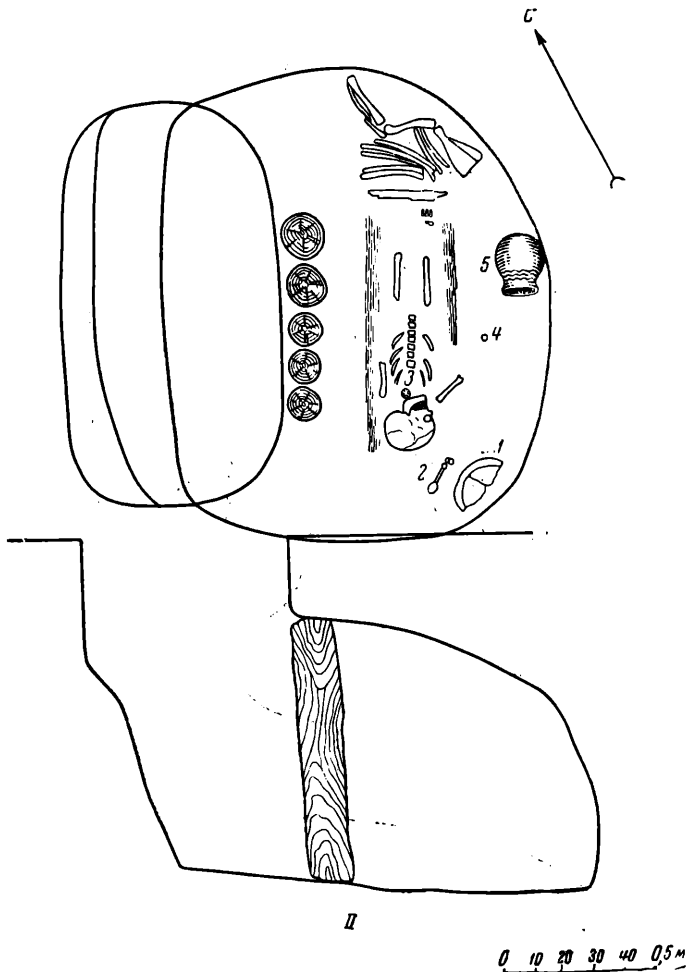

Рис. 33. (II). Погребение № 2 прохоровской культуры в кургане № 1.
1 — панцирь черепахи; 2 — костяная ложечка; 3 — пастовая бусина; 4 — костяная бусина; 5 — сосуд.

того, в головах ребенка (вероятно, девочки) положили панцирь черепахи с костяной ложечкой (рис. 34—1); у шейных позвонков лежала большая бусина синего стекла с синими глазками в белых ободках (рис. 34—3), а близ правой руки — костяная бусина с рубчатым орнаментом в елочку (рис. 34—2). У юноши или женщины найдены три бронзовых ворворки, вероятно, связанных с портупеей меча. Одна такая же ворворка оказалась у рукоятки меча в могиле № 4.

Все отмеченные детали обряда и инвентарь могил характерны для ранней прохоровской культуры Южного Приуралья. Комплекс вещей из этих могил, — прежде всего бронзовые наконечники стрел (рис. 34—4)¹⁷, — позволяет датировать впускные погребения IV в. до н. э. Интересны мечи. Все они имеют короткое, слегка изогнутое брусковидное навершие и перекрестие в виде согнутого под тупым углом бруска. Это наиболее ранняя разновидность меча прохоровской культуры, характерная для сарматов Южного Приуралья IV в. до н. э. Длина мечей различна — 42; 74 и 94 см (погребения № 1, 3 и 4 соответственно). Судя по положению мечей и колчанов, первые всегда носились с правой стороны воинов, а колчаны — на левом и правом боках, в последнем случае — по обычаю хорезмийцев.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Вооружение сарматов..., стр. 134, 135, рис. 32, 33.

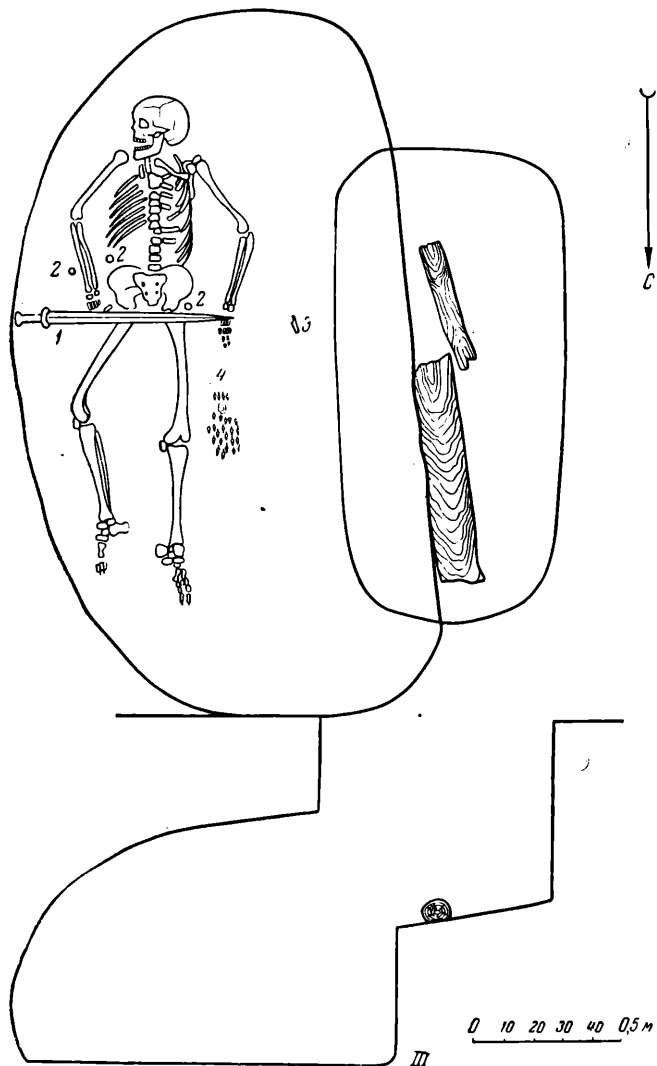

Рис. 33 (III). Погребение № 3 прохоровской культуры в кургане № 1
 1 — железный меч; 2 — бронзовые ворворки; 3 — железный нож; 4 — бронзовые наконечники стрел.

Глиняные сосуды с бомбовидным туловом, воронкообразным венчиком и округлым или плоским дном (рис. 35) очень типичны для ранних памятников прохоровской культуры Оренбургских степей и резко отличаются от обычной савроматской керамики.

Интересна находка обломков деревянной колесницы во входной яме могилы № 1 (рис. 33—1). Среди них хорошо прослеживалась ступица, на которой лежала часть обода от колеса с кусками спиц. Под колесом и в другом конце могильного входа оказались другие детали повозки — различной толщины прямоугольные и округлые бруски; некоторые были изогнуты и с узкими продольными пазами. Сохранность дерева очень плохая, однако удалось произвести некоторые обмеры. Обод колеса в сечении округлый, диаметром 4,5 см; в ободке — сквозные пазы, в которых торчали обломки спиц. Спицы в сечении плоские или трёхугольные, шириной 2,8—3,5 см и толщиной 1,2—1,7 см, причем максимальную толщину они имеют

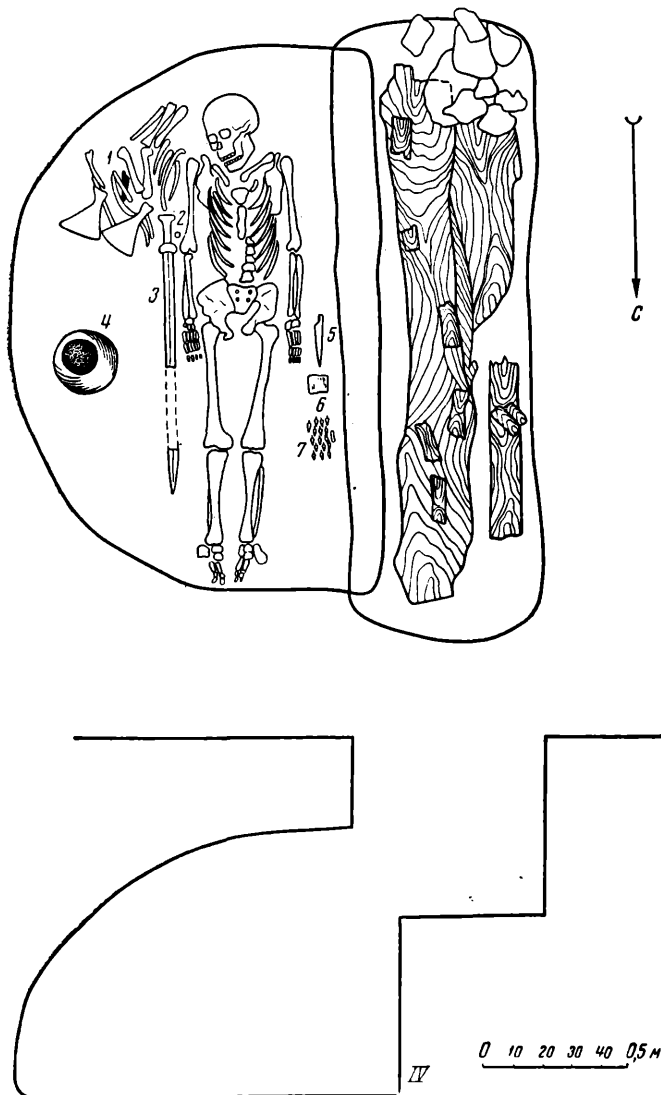

Рис. 33 (IV). Погребение № 4 прохоровской культуры в кургане № 1.
 1 — железный нож; 2 — бронзовая ворворка; 3 — железный меч; 4 — сосуд; 5 — железный нож; 6 — деревянная ручка; 7 — бронзовые наконечники стрел.

в средней части. Количество спиц в колесе и размеры ступицы установить не удалось.

Подобные повозки, сплошь сделанные из дерева, с большими многоспицными колесами (нечто близкое пазырыкской повозке) ранее были известны только в сарматских погребениях Заволжья развитой прохоровской и сусловской культур, не древнее III—II вв. до н. э.¹⁸ Любимовская повозка среди них является наиболее ранней и наиболее восточной находкой в сарматском мире.

Итак, в бассейне Бузулука имеется памятник вполне сложившейся прохоровской культуры раннего этапа, когда она сохраняет ряд переходных элементов, восходящих к савроматской культуре. В погребальном обряде еще сохраняется обычай класть в качестве заупокойной пищи крупные части разрубленной туши барана.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 260, 261 (указаны все находки и приведены ссылки на литературу).

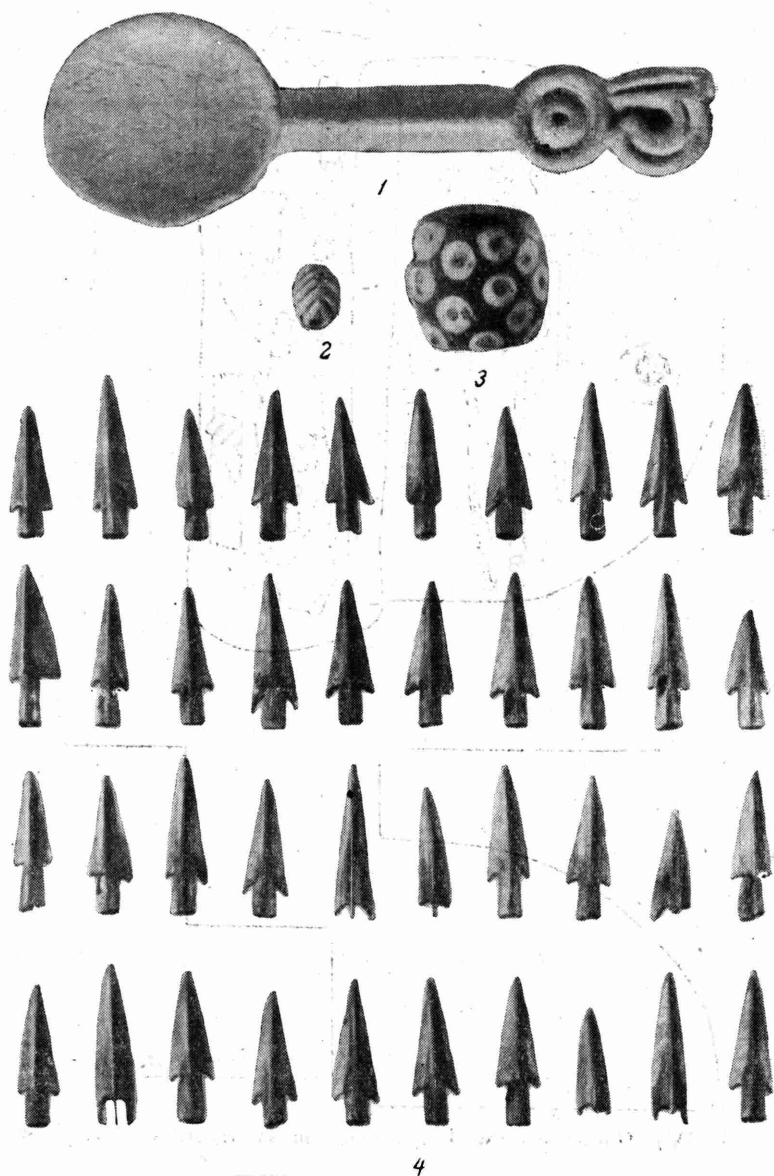

Рис. 34. Вещи из подбойных могил Любимовского кургана № 1.

1 — костяная ложка; 2 — костяная бусина; 3 — стеклянная бусина; 4 — бронзовые наконечники стрел, 4/5 н. в. (1—3 — из погребения № 2; 4 — из погребения № 4).

Мечи из Любимовского кургана, наряду с другими мечами той же формы, происходящими из более восточных районов Южного Приуралья, могут считаться переходными от акинака скифского типа к наиболее распространенной форме прохоровского меча с прямым перекрестием и серповидным навершием.

Находка костяной ложки с головой грифона (рис. 34—1) показывает, что у сарматов бассейна Бузулука продолжал сохраняться в довольно чистом виде звериный стиль, характерный для савроматской культуры.

С другой стороны, мы наблюдаем в IV в. до н. э. резкие изменения в форме погребальных сооружений и основных особенностях погребального ритуала: простая грунтовая могила сменяется катакомбой развитой формы.

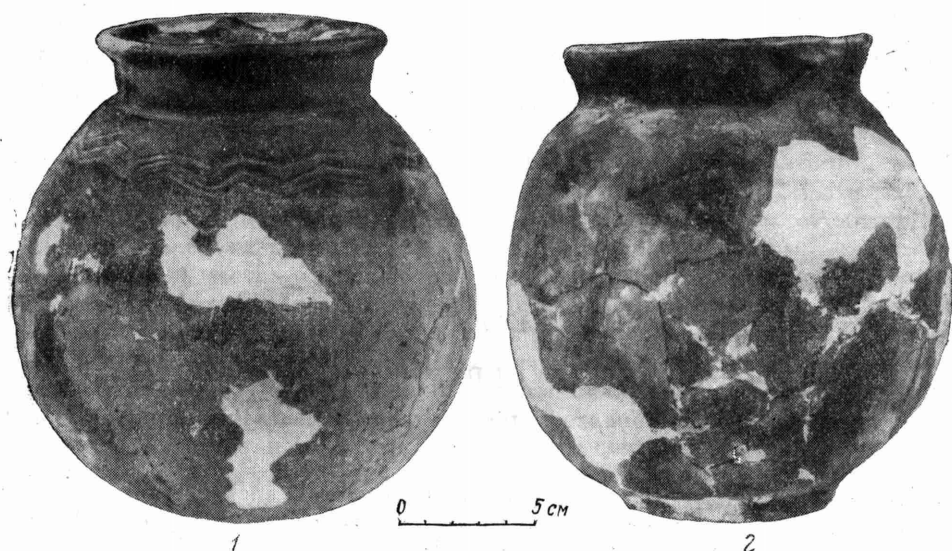

Рис. 35. Глиняные сосуды из подбойных могил Любимовского куогана № 1.
1 — из погребения № 2; 2 — из погребения № 4.

западная ориентировка погребенных сменяется южной. Также резко меняется тип посуды: начинают преобладать круглодонные сосуды с геометрическим орнаментом, нанесенным прямым штампом. У нас нет никаких оснований полагать, что эти новые черты культуры могли возникнуть на месте. Она распространилась здесь из того района, где начала складываться прохоровская культура. Первоначальный центр ее формирования находился сравнительно недалеко от бассейна Бузулука, в более восточных районах Южного Приуралья.

Наиболее ранние погребения с южной ориентировкой, подбойными и катакомбными могилами и инвентарем V и IV вв. до н. э. известны на Урале близ Оренбурга, на Илеке и в верховьях Ори.

К западу и юго-западу от бассейна Бузулука в Нижнем Поволжье, при большом количестве исследованных погребений прохоровской культуры, ни в одном из них мы не находим в инвентаре наиболее ранних черт этой культуры: единичны мечи переходного типа, отсутствует ярко выраженный звериный стиль. Следовательно, можно думать, что в Поволжье и далее на запад прохоровская культура распространилась из Оренбургских степей в результате тесного контакта между родственными племенами двух соседних областей и, вероятно, некоторых передвижений южно-уральских номадов в Поволжье. Один из этих путей передвижения приуральских кочевников шел по Бузулуку, бассейн которого издревле являлся районом, соединявшим различные племена.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ФРАКИЯ И СЕВЕРНЫЙ ПОНТ

(Впечатления об археологических памятниках Болгарии)

Настоящий очерк является как бы итогом тех впечатлений, которые были получены его автором во время очень интересной поездки по Болгарии с 27 декабря 1959 г. до 24 января 1960 г.

Прежде всего хочется отметить, что профессиональные условия труда археолога, изучающего западное побережье Понта и Фракию, заметно отличаются от условий работы в античных городах Северного Причерноморья, особенно больших.

Для Фракии характерны довольно хорошо сохранившиеся монументальные памятники водчества, открывающие широкие возможности их монографического изучения; там на городищах сравнительно мало культурных слоев при довольно значительном числе строительных периодов. Все это отличается от античных городов на Северном Понте с их, по большей части, довольно скромными постройками из рваного камня на глине, монографическое изучение которых нередко затрудняется плохой сохранностью; вместе с тем там нередко наблюдается очень сложная стратиграфия: большое число слоев (иногда усложненных соседством микрослоев), а при плохой сохранности построек, строительные периоды далеко не всегда оказываются возможным выявить во всей их полноте.

Весьма отличен и общий характер античных коллекций в музеях Болгарии и СССР, особенно по разделу массового материала, ознакомление с которым даже в самой общей форме совершенно невозможно по одной специальной литературе. У нас находки из раскопок городищ (особенно послереволюционного времени) преобладают над материалами некрополей, поэтому коллекции в большинстве состоят из фрагментов керамики, отличающихся значительным разнообразием. В Болгарии находки из могильников (особенно среди мелких предметов) заметно преобладают над вещами, происходящими из городищ. Поэтому в коллекциях имеется много целых предметов и сравнительно мало обломков. Особенно же выделяются могильные комплексы фракийских курганов обилием в них различных металлических изделий, прежде всего бронзовых.

Сопоставление археологических памятников античной эпохи из Болгарии и Северного Причерноморья позволяет наметить следующие выводы.

Процесс исторического развития Западного и Северного Понта в античную эпоху в общих чертах протекал параллельно; как та, так и другая страна испытала большие подъемы в IV в. до н. э. и в первых веках нашей эры. Однако при наличии этого параллелизма в общем характере их исторического развития существовало и локальное своеобразие, подчас весьма значительное.

Фракия, ближе расположенная к средиземноморским центрам, в южных своих частях выходившая на побережье Эгейского моря, была значитель-

но более развита уже в III—II тысячелетиях до н. э., а в I тысячелетии до н. э. она являлась одной из неотъемлемых существенных частей античного мира. В последующее время, в первых веках нашей эры, Фракия в значительно большей степени, чем Северный Понт, восприняла римскую культуру.

Северное Причерноморье, даже в лице боспорских территорий, населенных местными племенами, не говоря уже об остальном меото-скифо-сарматском мире, всегда оставалось гораздо более далеким от античной культуры, более «варварским».

У скифов и меотов, судя по курганным находкам, были в ходу бронзовые котлы, уздечные наборы, акинаки, стрелы; искусство ограничивалось произведениями звериного стиля в костяных и бронзовых поделках и значительно реже — золотых. Зодчество было представлено примитивными столбовыми конструкциями жилищ и погребальных сооружений. Материальная культура фракийцев, судя также по могильным находкам, была значительно богаче и рафинированнее. Исключительно обильными были находки медной посуды; нередко встречались серебряная посуда и различные поделки из золота. Большим распространением пользовались фалары и другие украшения. Более разнообразным был набор оружия: шлемы, длинные прямые мечи, изогнутые мечи-махайры, копья с длинными наконечниками. В общем для культуры фракийцев характерно значительно большее количество металлических изделий и заметно более высокое качество последних. Особенно ярко выступает строительное дело и градостроительство в IV—III вв. до н. э. Это сказалось в градостроительстве Севтополя, погребальных склепах Мезека и Казанлыка.

Во Фракии, так же как и на Боспоре, наблюдается большой подъем в IV в. до н. э., который вскоре после начала III в. до н. э. сменяется некоторым затуханием. В IV в. до н. э., когда эллинские полисы метрополии (юга Балканского полуострова) находились в состоянии сильного кризиса, особенно благоприятные условия создались на окраинах эллинского мира. Там обстановка была близка эллинизму, но не идентична ему («период протоэллинизма»).

Попутно отметим, что соотношение эллинских и «варварских» элементов в различных окраинных странах не было одинаковым (эллины преобладали над меотами на Боспоре, а фракийцы — над эллинами).

Первые века нашей эры во Фракии, как и на Боспоре, — время большого экономического подъема. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные археологические памятники, обнаруженные при раскопках древних городов, и погребальные инвентари некрополей. Подъем городов этого времени был неразрывно связан с развитием крупного рабовладения, возможностью широко использовать обширные ресурсы рабочей силы. Однако эти возможности нашли различное преломление во Фракии и в Северном Причерноморье.

Во Фракии в это время развернулось грандиозное градостроительство: Никополис ад Иструм, Эскус, Абритус, Сердика и т. д. Воздвигаются мощные оборонительные сооружения, обширные, монументальные общественные здания. Широкое применение получает римская строительная техника; строительство из обожженного кирпича на известняковом растворе, из кирпича, чередующегося с камнем на растворе; сооружаются своды и куполы.

В античных городах Северного Причерноморья крупная градостроительная деятельность этого времени выражена только в сооружении и поддержании террас в Пантикапее, постройке и поддержании стен в ряде городов. Иные общественные здания воздвигаются редко и далеко уступают по размерам и монументальности постройкам городов во Фракии. В подавляющем большинстве преобладают жилые дома, обычно сооруженные из рваного камня, изредка — из тесаного камня; более значительные по

размерам, чем маленькие домики VI—V вв. до н. э., они в общем невелики. Что же касается римских строительных приемов, то они в Северное Причерноморье почти не проникают: их можно встретить только в небольшой римской крепости Харакс. Равным образом латинская эпиграфика обильно представлена во Фракии и довольно скудно на Северном Понте.

Так же как и в предшествующее время, в римский период во Фракии наблюдается обилие металлических изделий: серебряной и особенно бронзовой посуды, великолепных бронзовых украшений колесниц, различных маленьких бронзовых статуэток, в которых проступают представления фракийцев. Еще ярче это выступает в многочисленных мраморных «плочах» — рельефах с изображением «Фракийского всадника»; своеобразное параллельное явление можно отметить и на Боспоре в многочисленных надгробных рельефах с изображением героизированного покойника в виде всадника.

Основное различие в исторических судьбах Фракии и Боспора в первых веках нашей эры заключалось в том, что первая вошла в число римских провинций, а второй оставался за пределами границ империи. Боспор в силу этого оказался в орбите сарматского мира. Фракия, ставшая одной из провинций, приняла самое активное участие в создании одной из ветвей римского провинциального искусства. Достоинно внимания, что подобных монументальных произведений зодчества, которые сооружались во Фракии в римский период, мы не находим в то же время на сопредельных с ней территориях Южной Иллирии или Северной Греции.

В дальнейшем — в позднеантичное время провинциальное фракийское искусство становится одним из важнейших компонентов, из которых складывается искусство Римской империи времени тетрархии, а затем — византийское. Весьма примечательно, что новая столица империи — Византия находилась на территории Фракии.

В рассматриваемый период Боспор оказался вне сколько-нибудь значительного воздействия римской культуры, а равным образом он не сыграл какой-либо роли в возникновении позднеимперского искусства.

Иное дело — вклад Боспора (нужно думать, — ювелирных мастерских Пантикапея) в создании «сарматского» полихромного стиля; который получил широкое распространение по всей Европе в период раннего средневековья.

И. Т. КРУГЛИКОВА

САРМАТСКИЕ ЗНАКИ НА АМФОРАХ С ПОСЕЛЕНИЯ
У Д. СЕМЕНОВКИ

При раскопках поселения III в. н. э. у дер. Семеновки, Ленинского района, Крымской области неоднократно встречались большие красноглиняные остродонные амфоры с реберчатыми или гладкими стенками и маленькие светлоглиняные амфоры III в. н. э., на горлах которых или в месте перехода от горла к плечам были процарапаны знаки, близко напоминающие так называемые «загадочные знаки» или «сарматские знаки» Причерноморья. Эти знаки, встречающиеся на эпиграфических памятниках первых веков нашей эры, на монетах, зеркалах, пряжках, часто процарапанные на скульптурах, стенах склепов, керамике и т. д., — давно привлекали внимание исследователей.

В литературе высказывались различные предположения и догадки. В опубликованной в 1959 г. работе Э. И. Соломоник¹ подвергнуты критике высказанные ранее теории и попытки определения «загадочных» знаков; в том числе опровергаются и положения, изложенные в книге И. И. Мещанинова, специально посвященной этим знакам². Э. И. Соломоник, собрав все известные знаки, систематизировала их, классифицировала и дала им различные определения, в целом связывая их распространение с увеличением сарматского влияния. Однако среди собранного Э. И. Соломоник материала нет знаков, встречающихся на остродонных амфорах, которые являлись обычным инвентарем жилищ. Находки на поселении у дер. Семеновки в какой-то мере восполняют этот пробел.

Граффити на амфорах из Семеновки иногда носили очень примитивный характер, напоминая изображение креста или греческой буквы «хи» (рис. 36—2), но попадались также знаки и более сложного начертания. Один из знаков на горле красноглиняной амфоры (из раскопок 1958 г.), в виде треугольника с продолжающимися сторонами, из которых одна загнута вниз (рис. 36—5), представляет собой вариант изображения, встречающегося на боспорских монетах 8—9 гг. н. э.³ или на известняковой плите из Ольвии⁴. Он отличается отсутствием загибающегося конца у одной из линий и обратным расположением. На амфоре этот знак как бы перевернут.

На стенке другой красноглиняной амфоры (из помещения № 42 раскопок 1960 г.) было отчетливо вырезано довольно широким острием изображение, напоминающее знак на известняковой плите из Анапы⁵. От последнего этот знак отличался лишь изогнутостью линий, опущенных вниз (рис. 36—6). Еще на одной амфоре (из помещения № 63) был вырезан

¹ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

² И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, вып. 62, 1938.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XI, IV, 15.

⁴ Э. И. Соломоник. Указ. соч., № 61.

⁵ Там же, № 31.

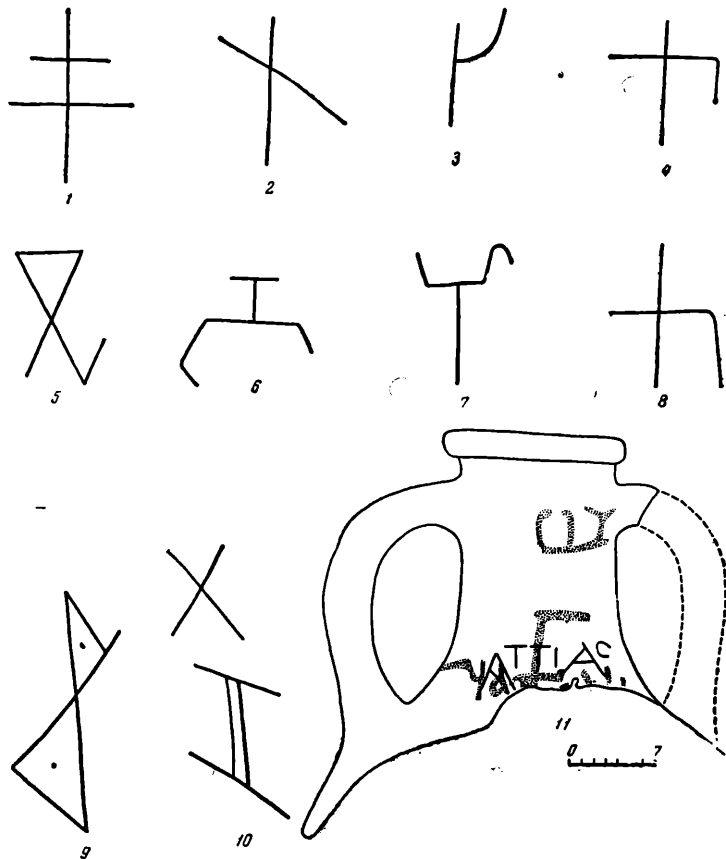

Рис. 36. Граффити на амфорах из Семеновки.

1 — на горле реберчатой амфоры из помещения № 32 (1959 г.); 2 — на горлах четырех амфор из помещения № 32; 3 — на плече большой красноглиняной амфоры (1957 г.); 4 — на плече большой красноглиняной амфоры (1958 г.), на горле светлоглиняной амфоры (1953 г.); 5 — на горле красноглиняной амфоры (1958 г.); 6 — на плече красноглиняной амфоры из помещения № 42 (1960 г.); 7 — на горле красноглиняной амфоры из помещения № 63 (1960 г.); 8 — на горле светлоглиняной амфоры (1953 г.); 9 — на плече красноглиняной амфоры (1958 г.); 10 — на горле красноглиняной амфоры из помещения № 32; 11 — граффити с именем владельца на горле амфоры розовой глины со знаками, нанесенными красной краской, из помещения № 72 (1960 г.).

знак, верхней своей частью напоминающий одно из граффити на стене Стасовского склепа в Керчи или на известняковой плите из Керчи⁶ (рис. 36—7).

На некоторых амфорах знак в виде креста или буквы X сочетается с каким-либо другим знаком. Так, например, на амфоре из раскопок 1957 г. под крестом, чуть правее его, находится знак в виде прямой линии с отростком (рис. 36—3). На другой амфоре 1958 г. правее и ниже креста был знак с отростком вниз от горизонтальной черты (рис. 36—4; рис. 37—1). На амфоре из помещения № 32 в таком же сочетании имеются знак в виде буквы X и знак, напоминающий римскую цифру II с наклонными верхней и нижней линиями (рис. 36—10). Последний знак несколько сходен с одним из знаков, встреченных на стене пещеры Ак-Кая № 1⁷.

⁶ Э. И. Соломоник. Указ. соч. Общая таблица, № 130 и 198. Памятники № 45 и 52.

⁷ Там же. Таблица № 221. Памятник № 57.

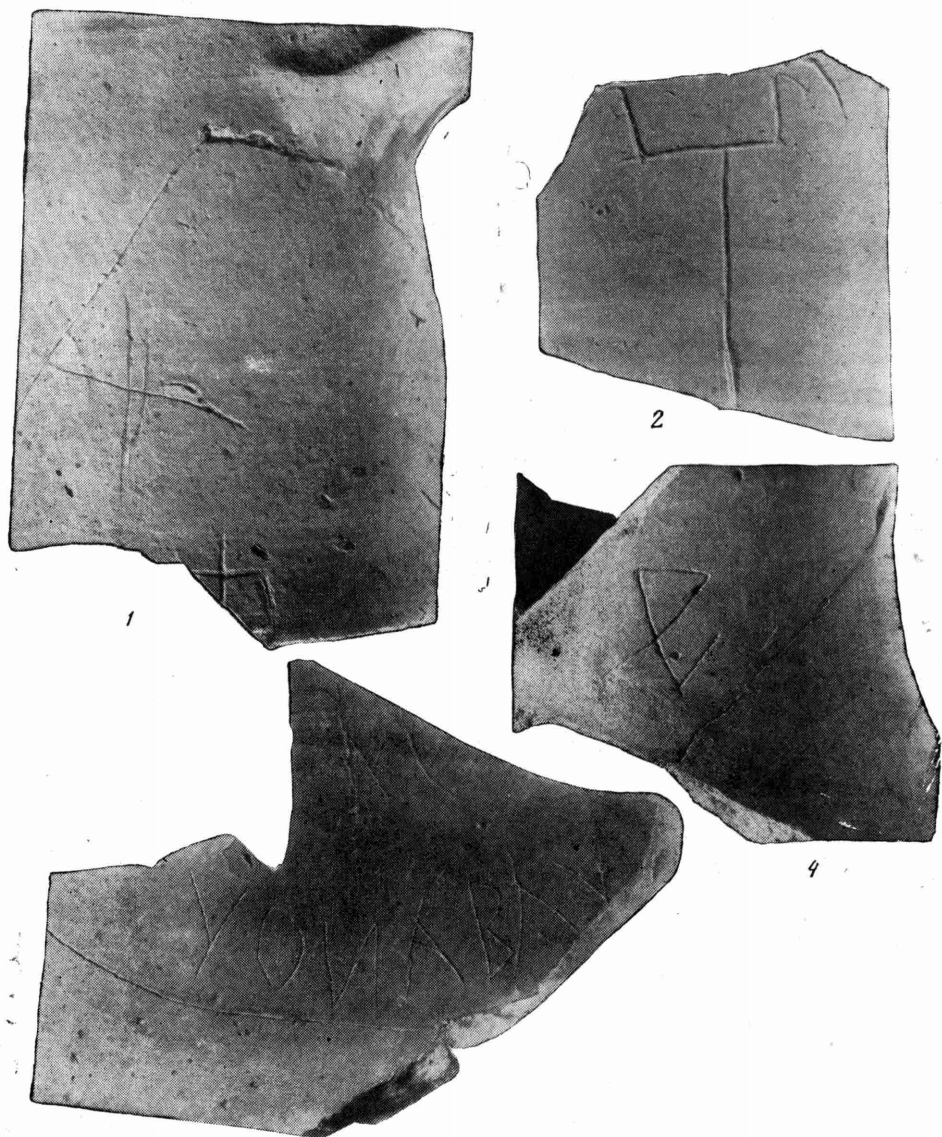

Рис. 37. Образцы граффити на амфорах (1—4).

Большинство знаков на амфорах из Семеновки имеет отдельные элементы, аналогичные уже известным сарматским знакам Причерноморья. Однако все они отличаются большей простотой и примитивностью. Ни один из них не повторяет полностью уже известные знаки. Можно предположить, что данные граффити являлись именными знаками. Они были нанесены владельцами амфор как знак собственности. Это предположение подтверждается находкой в Семеновке в 1958 г. в помещении № 32 четырех амфор, на горлах которых был процарапан один и тот же знак в виде буквы X, а также находкой двух больших красноглиняных амфор, на которых были написаны греческими буквами полностью имена их владельцев: *Αττίας* и *Συλβάνου*. Эти надписи были также сделаны в виде граффити острыми инструментами на переходе горла к плечикам (рис. 36—11; рис. 37—3).

Имя «Сюльбан» написано ретроградно и стоит в родительном падеже; первая буква — «сигма» почти полностью утрачена. Имя это в надписях Сев. Причерноморья не известно. Имя «Аттиас» встречалось в надписях первых веков нашей эры азиатского берега Боспорского царства⁸. Л. Згуста относит его к негреческим именам, отмечая наличие общего корня с многими малоазийскими именами. Интересно, что имя «Аттиас» вырезано поверх надписи, сделанной красной краской; это свидетельствует о одновременности надписей и позволяет высказать предположение о принадлежности надписей, нанесенных на горла амфор красной краской, торговцам товарами, с которыми эти амфоры попали к жителям поселения и, в частности, к Аттию, написавшему на одной из них свое имя.

Находки «тамгообразных» знаков на амфорах из Семеновки подтверждают предположение Э. И. Соломоник о связи этих знаков со скифо-сарматским населением Причерноморья. О принадлежности данного поселения сарматизованному местному населению свидетельствуют весь комплекс находок, сарматские формы сосудов, а также найденное на соседнем поселении у дер. Мысовки глиняное грузило с надписью «Сактас», — вероятно, с именем его владельца. В основе этого имени лежит иранское слово «саг», что значит олень⁹.

На эпиграфических памятниках Северного Причерноморья эти знаки встречаются, главным образом, в Танаисе, где они являются именными знаками царей и заменяют их титул. По своим очертаниям эти царские знаки значительно сложнее тех, которые мы встречаем в Семеновке; однако обе эти группы родственны между собой и обе отражают одно и то же явление — процесс сарматизации Боспора, отчетливо проявляющийся в первые века нашей эры.

Не все граффити на амфорах из Семеновки являются именными. Вероятно, часть их, наиболее примитивная, — просто знак собственности, т. е. значок, облегчающий их хозяевам возможность узнать свои амфоры. Не все граффити, найденные на амфорах из Семеновки, приведены в данной статье. Но значительная часть амфор, безусловно, носит на себе родовые или фамильные знаки или имена их владельцев, выраженные так называемыми «загадочными» знаками Причерноморья.

⁸ Ladislav Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 297, № 596.

⁹ И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения Боспора. СА, XXV, 1956, стр. 25.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ФИБУЛА С НИЖНЕГО ДНЕПРА С НАДПИСЬЮ

В 1956 г. в Каменке, Запорожской области, на территории раннечерняховского могильника, в обрыве берега была найдена интересная бронзовая фибула¹. Она принадлежит к раннему типу шарнирных фибул римского времени². Хорошо профилированная полукруглая спинка фибулы отлита вместе со сплошным, без просветов, приемником иглы. Длина фибулы — 5,9 см. Вдоль спинки проходит валик, обрамленный двумя желобками. Посередине уплощенного валика нанесены две линии пунктирного орнамента. По направлению к ножке спинка фибулы суживается. Ножку украшают фасетки. На конце ее помещается шарик. Вместо пружины у фибулы — два шарнира, оттягивающих иглу, которая на описываемом экземпляре утрачена (рис. 38—1, 2). Игла, видимо, была сделана из железа, судя по остаткам железной оси в шарнире, с которой игла была наглухо соединена.

На расширяющейся части спинки фибулы, сразу за шарниром, помещается надпись, отлитая вместе со спинкой. Латинскими буквами написано: AVCISSA; затем поставлены четыре вертикальные палочки (рис. 38—3). По имени этого, вероятно, фабриканта фибул они получили название — фибулы типа AVCISSA. Центром их изготовления считается Верхняя Италия, откуда солдаты и купцы императорского Рима разнесли их широко по свету.

Г. Беренс, специально исследовавший и собравший римские фибулы с надписями, называет экземпляры, происходящие из Италии, Германии, Англии, Малой Азии (Гиссарлык), Кавказа³. Автор перечисляет 23 места находок этих фибул. К ним следует добавить опубликованные А. И. Фурманской фибулы из Ольвии и фибулы, которые ею приведены как аналогичные, с территории Кубани и Кавказа, из Пантикапея и Танаиса⁴. По О. Альмгрену, эти фибулы — типа № 242⁵.

Уже давно в русской и западной литературе данный тип фибул был признан за дериват латенских форм и отнесен к началу Римской империи⁶. Некоторые исследователи датировали их I в. до н. э. — I в. н. э. или даже

¹ Находка была передана И. П. Грязновым начальнику Скифской степной экспедиции ИИМК АН СССР Н. Н. Погребовой, предоставившей ее мне для опубликования.

² G. Behrens. Zur Typologie und Technik der provinzialrömischen Fibeln. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, J, 1, 1954, стр. 228.

³ G. Behrens. Römische Fibeln mit Inschrift. Reinecke Festschrift. Mainz, 1950, стр. 7.

⁴ А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 82; стр. 89, табл. VII, 10—12.

⁵ O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte. Mannus-Bibliothek, N 82, 2 Aufl., 1923, стр. 109, табл. XI, 242.

⁶ М. Ростовцеве. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 23.

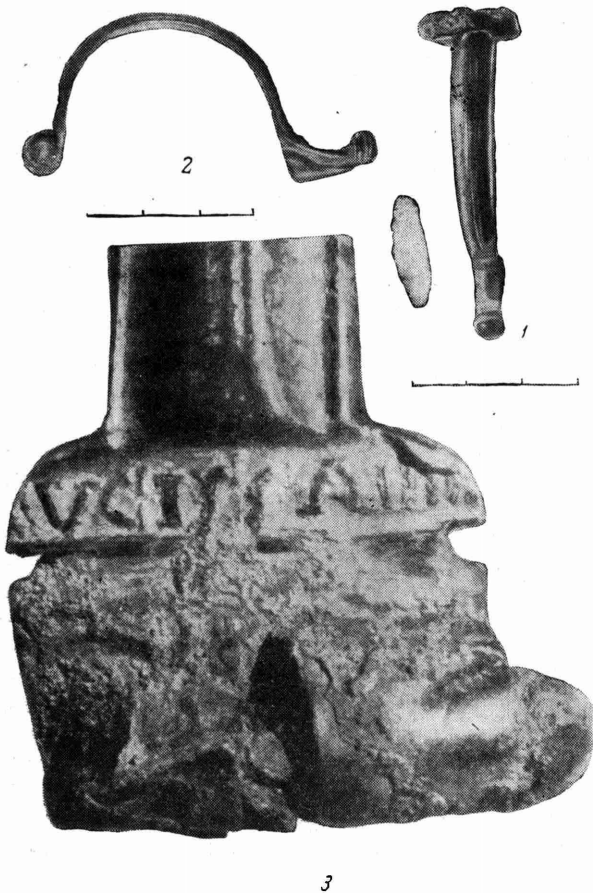

Рис. 38. Бронзовая фибула с надписью.

1, 2 — бронзовая шарнирная раннеримская фибула с надписью (из Каменки Запорожской области); 3 — надпись на спинке фибулы, расположенная возле шарнира (сильно увеличено).

портные вещи¹⁰. Возможен и другой путь распространения фибул типа AVCISSA — непосредственно из юго-западных припонтийских областей в период завоевания Дакии римлянами¹¹.

Редкая фибула с надписью является одним из наиболее северных экземпляров подобного рода, известных на наших землях¹².

⁷ I. Kovrig. A császarkori fibulák főformái pannoniában. *Dissertationes Pannonicae ex Instituto numism. et archaeol. Universitatis*, Ser. II, N 4, Budapest, 1937, стр. 112; E. Patek. A pannoniai fibulatípusok elterjedése és eredete. *Dissertationes Pannonicae ex Instituto numism. et archaeol. Universitatis*, Ser. II, N 19, Budapest, 1942, стр. 109.

⁸ G. Vehrens. *Römische Fibeln mit Inschrift*, стр. 8.

⁹ А. И. Фурманська. Указ. соч., стр. 83.

¹⁰ Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II веках нашей эры. М., 1951, стр. 112.

¹¹ И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 91—93.

¹² Самой северной и неожиданной находкой явилась фибула типа AVCISSA, обнаруженная при раскопках А. Ф. Дубынина 1960 г. на Троицком городище, Можайского района, Московской области.

II в. н. э.⁷ В результате последних исследований Г. Беренс окончательно определяет время их изготовления первой половиной I в. н. э.⁸ Эти датировки совпадают с выводами А. И. Фурманской⁹.

Конечно, можно допустить существование подобных фибул и в несколько более поздний период времени, чем дата их изготовления, особенно в некоторых удаленных от Северной Италии областях. Попытка датировать их более поздним временем может иметь, следовательно, значение только для отдельных областей. Датировка II в. н. э. является уже исключением из правила, так как период моды на определенный тип фибул был весьма ограничен. На южнорусские земли описываемые фибулы, скорее всего, могли попасть после превращения Мёзии в I в. н. э. в римскую провинцию. Тогда укрепились связи западнопонтийских городов с Ольвией, откуда в это время по Днепру широко распространились им-

Н. П. СОРОКИНА

СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

В 1906 г. Д. Я. Самоквасовым в одном из раскопанных им сарматских курганов (курган III) у дер. Шабалат, Аккерманского уезда было открыто погребение¹. Это погребение, хотя и сильно потревоженное грабителями, привлекает к себе внимание содержащимися в нем остатками инвентаря. Сохранились кувшин, обломки глиняной миски, бронзовых предметов и несколько крупных фрагментов стеклянного сосуда². Стеклянных сосудов из сарматских курганов на территории Нижнего Поднестровья известно пока очень мало и поэтому сосуд, найденный Д. Я. Самоквасовым, заслуживает специального исследования.

Сосуд³, сделанный из прозрачного с желтоватым оттенком стекла, удалось реставрировать. Он имел конусовидное тулово с округлым дном и несколько отогнутым наружу необработанным краем. Поверхность сосуда разделена четырьмя вертикальными гравированными линиями на четыре зоны. Две средние из них покрыты гравированными вертикальными насечками, опоясывающими сосуд (рис. 39; рис. 40—1).

Конусовидная форма стеклянного сосуда из Шабалата позволяет отнести его к большой группе сосудов типа кубков, получивших распространение в IV в. и в более позднее время на Востоке и особенно на Западе. Кубки, найденные в хорошо датированных комплексах из могильников Запада и Востока, суммированы в работе Айсингс⁴. Однако в исследовании этого автора совершенно не рассматриваются кубки, открытые на территории Восточной Европы. Это является серьезным пробелом упомянутой работы, поскольку восточноевропейских кубков известно в настоящее время уже немало. На территории Советского Союза эти сосуды были найдены, главным образом, в могильниках и поселениях черняховской культуры⁵. На этот факт обращали внимание исследователи, изучавшие

¹ Д. Я. Самоквасов. Могила Русской земли. М., 1908, стр. 130 и сл.

² Весь инвентарь хранится в ГИМ, инв. № 57858.

³ Высота сосуда — 12,3 см, диаметр — 7,1 см, толщина стенок — 1—2 мм.

⁴ I. Isings. Roman glass from dated finds. Groningen—Djakarta, 1957. Известно несколько вариантов форм кубков и к одному из них (106 Д) следует отнести кубок из Шабалата.

⁵ Кубки разного типа были открыты в могильниках: Будештском (Э. А. Рикманя. Могильник первых столетий новой эры у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, № 1, стр. 188, 189, 196), Малоештском (Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960), в могильнике у овчарни совхоза Приднестровского и на поселении у с. Кут (Э. А. Симонович. Стеклянная посуда середины I тысячелетия н. э. с Нижнего Днестра. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 23, 25, рис. 4, 5), в могильнике V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка (его же. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62, рис. 20), Черняховском могильнике (В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, т. XII, новая серия, 1901, табл. XXII, 4; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 63, рис. 8; А. Т. Смиленко. Про деякі датуочі речі в культурі полів поховань. «Археологія», т. VI, Київ, 1952, стр. 51—75), на поселении у с. Попен-

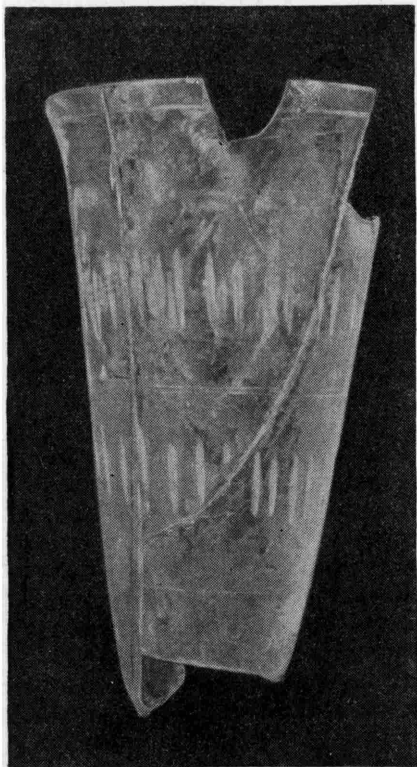

Рис. 39. Стекланный кубок из кургана у. с. Шабалат.

Два кубка были найдены в 1904 г. В. В. Шкорпиллом в катакомбе № 154, относящейся к концу IV в. н. э.¹¹ Один из них имел форму сильно вытянутого конуса, снаружи украшенного орнаментом в виде полос и треугольников из накладной краски красного, желтого и зеленого тонов. Второй кубок (стоял в нише) — также конусообразный, но стенки его лишены украшений (рис. 40—3)¹². Аналогиями этому кубку служат средиземноморские (с о. Кипра и Караниса) конусовидные сосуды¹³.

Из всех сосудов конической формы IV в. н. э. как из погребений и по-

ки (М. А. Тиханова. Из материалов Дубосарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 94, рис. 34) и около Вил-Ярутских, Винницкой области (М. И. Артамонов. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 86).

⁶ Аналогичное явление отмечает О. Вессберг в отношении кипрского стекла (O. Vessberg. Roman glass from Cyprus. *Opuscula archaeologica*, VII, Lund, 1952, стр. 151).

⁷ Хранится в ГМИИ, М. 48, ЭХII/13, № 2333.

⁸ М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 94, 95.

⁹ M. Parducz. *Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae*, II (1959), Budapest, 1959, стр. 365, рис. 4, 54.

¹⁰ Э. А. Симонович. Стекланная посуда середины I тысячелетия н. э. с. Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 28.

¹¹ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 41 и сл.

¹² К указанным выше кубкам следует присоединить еще три (один — из Пантикапея и два — из Северного Причерноморья), известные Д. Хардену (D. Harden. *Roman glass from Karanis. Ann. Arbor*, 1936 стр. 157 и сл.), хранящиеся в Берлине и Лувре.

¹³ O. Vessberg. Указ. соч., стр. 151; D. Harden. Указ. соч., стр. 155 и сл.

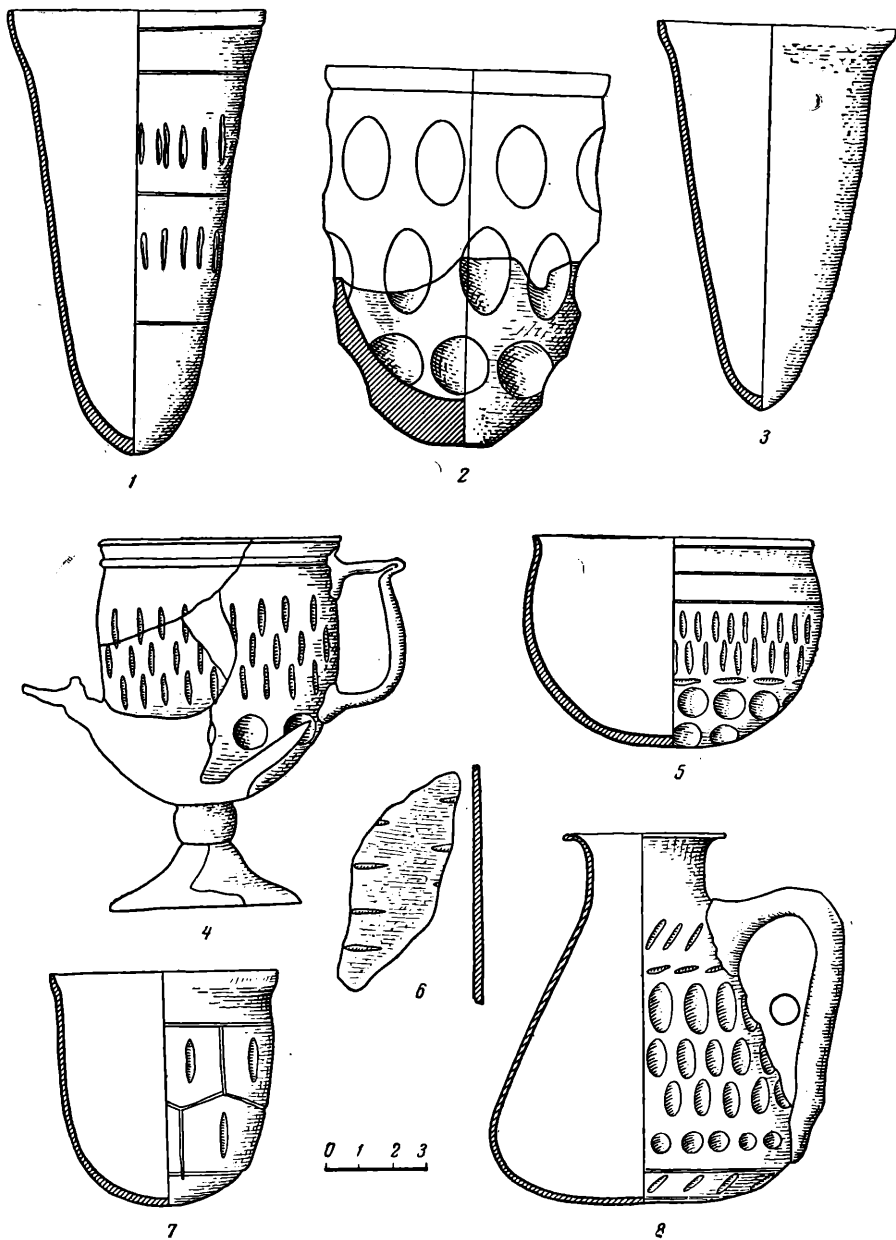

Рис. 40. Древние стеклянные сосуды

1 — стеклянный кубок из кургана у с. Шабалат; 2 — стеклянный кубок из Пантикапея; 3 — стеклянный кубок из пантикапейской катакомбы № 154; 4 — стеклянный канфар из Танаиса; 5 — стеклянная чаша из Танаиса; 6 — обломок стеклянного сосуда из Пантикапея; 7 — стеклянная чаша из Пантикапея; 8 — стеклянный кувшинчик из Пантикапея.

селений черняховской культуры, так и Пантикапея нельзя назвать ни одного, который был бы полностью аналогичен кубку из Шабалата. Можно отметить только сходство форм кубка из Шабалата и кубка с гладким туловом из пантикапейской катакомбы № 154, но говорить о полной аналогии того и другого сосуда не дает право орнамент на изучаемом кубке. Этот орнамент, нанесенный на поверхность сосуда путем слабой или более глубокой гравировки алмазом или бронзовым резцом¹⁴, играет большую роль в уточнении даты кубка, который по самой форме примыкает к группе сосудов типа кубков IV в. н. э. Техника гравировки стекла, известная еще со времен эллинизма¹⁵, применялась, главным образом, в I—IV вв. н. э. в стекольных мастерских Рейнской долины. Однако территория распространения сосудов с гравировкой не ограничивается только Европой. Они производились также, хотя и в меньшей степени, мастерскими восточноримских областей. Сосуды III в. н. э. имели орнамент, в основном состоящий из насечек, полосок, шлифованных фасеток в форме овалов, кругов. В IV в. н. э. орнамент значительно усложняется, и нередко можно встретить разной формы сосуды (чаши, кувшины, кубки), покрытые более замысловатыми гравированными геометрическими фигурами, а иногда и сюжетными сценами.

Орнамент на кубке из Шабалата гораздо ближе к сосудам с гравированным орнаментом III в. н. э. подтверждают многие аналогии из западного и северочерноморского хорошо датированного стекла. Приведем несколько примеров. Ф. Фремерсдорфом¹⁶ опубликовано много обломков стеклянных сосудов из мастерских Кёльна; он относит их к III в. н. э. Тем же временем датирует Г. Эггерс¹⁷ стеклянные чаши с орнаментом из насечек и шлифованных кругов, получившие распространение в Европе. В Танаисе был найден канфар (рис. 40—4), относящийся ко времени не позднее 240-х годов¹⁸. Из курганного некрополя Танаиса происходит стеклянная чаша (рис. 40—5), которую Т. Н. Книпович¹⁹ относит к концу II в.— началу III в. н. э., а по Эггерсу ее следует датировать III в. н. э. Обломок дна такой же чаши и фрагменты других сосудов с аналогичным орнаментом были найдены в слое III—IV вв. н. э. при раскопках Пантикапея разных годов²⁰ (рис. 40—6). Можно добавить несколько стеклянных сосудов и обломков, составляющих с описанными выше одну группу стекла III в. н. э., например,— несколько обломков стенок сосудов из Тиреи²¹, два пантикапейских сосуда типа кувшинчика (рис. 40—8)²² и чашечку (рис. 40—7)²³. Все эти примеры подтверждают, что стеклянные сосуды с простейшим гравированным орнаментом были распространены, главным образом, в III в. н. э.

Поэтому нам представляется, что дату кубка из Шабалата нельзя от-

¹⁴ G. Eisen. Glass. New York, 1927, стр. 39; М. И. Максимова. Эллинистическая техника. М., 1948, стр. 238.

¹⁵ М. И. Максимова. Указ. соч., стр. 232, 238.

¹⁶ F. Fremersdorf. Erzeugnisse Kölner Manufakturen. Saalburg-Jahrbuch, IX, 1939, стр. 12, 13, табл. 14, 1, 9, 10, 11.

¹⁷ H. Eggers. Der römische Import im Freien Germanien. Hamburg, 1951, стр. 180.

¹⁸ Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 78.

¹⁹ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 34.

²⁰ Хранятся в ГМИИ—М. 57, XLIII/5, № 1863; М. 47, ЭИХ/15, № 1986; М. 48, СИК, II/10, № 258 и т. д.

²¹ Хранятся в музее Белгорода—А. 4487; 6.614.

²² ИАК, вып. 9, 1904, стр. 132, могила № 134 (11). Собрание ГИМ, инв. № 42762.

²³ ИАК, вып. 17, 1905, стр. 31. Дата этого сосуда, скорее всего, уже выходит за пределы III в. н. э., но мы его включаем в наш список для того, чтобы полнее представить группу стеклянных сосудов с гравированным орнаментом. С этой же целью можно упомянуть еще две чаши: одну, опубликованную Э. А. Симоновичем (Э. А. Симонович. Указ. соч., рис. 4, 9) и другую, найденную около Одессы (А. Кравченко. Археологическая находка. Газета «Знамя коммунизма» от 3 апреля 1960 г.).

носить далеко в IV в. н. э., а следует ограничиться началом IV в. или даже рубежом III—IV вв. н. э. Этой дате не противоречат остатки инвентаря, найденные вместе с ним.

Вопрос о месте изготовления этого кубка пока остается открытым, поскольку кубок не имеет прямых аналогий среди стеклянных сосудов средиземноморского и западного происхождения ²⁴.

²⁴ Может быть, после опубликования результатов раскопок М. Ю. Смишко поселения с остатками стекольного производства у с. Комарово будет возможно дать ответ на этот вопрос. Предположение об изготовлении кубка из Шабалата в стекольной мастерской на поселении у с. Комарово не лишено основания. Состав и качество стекла кубка и обломков стеклянных сосудов из с. Комарово, как показал спектральный анализ, очень близки между собой (анализ проведен Ю. Л. Шаповой в лаборатории МГУ — см. приложение к статье).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ю. Л. Шапова

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТЕКЛЯННОГО КУБКА ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ ¹

Кубок изготовлен из стекла, содержащего следующие элементы (анализ № 277 : 8) ²:

Ba	Sr	Cr	K	Mn	Ca	Al	Ni	Ti	Na	Ag	Cu	V	Si	Sb	Mg	Pb	B			
6	6	5	4	6	4	4	—	7	5	2	7	5	6	3	4	3	—	5	4	+

Сырьевые материалы хорошо очищены. По основному составу стекло, из которого изготовлен кубок, относится к группе натриево-магниевое-кальциево-кремнеземных стекол. Стекла подобного состава известны из Ниппура, Нимруда, Самарры и Египта, где они датируются 1400 г. до н. э.— IX в. н. э. ³

Вместо обычного обесцвечивателя в виде окиси марганца при варке стекла для этого кубка была использована окись сурьмы. С подобным явлением мы встречались при анализе стекол, найденных в Средиземноморье (в Аполлонии) и на территории нашей страны — в Комарове и Заветном ⁴.

Приведенные материалы предполагают возможность ставить вопрос о связи традиций варки стекла для изготовления этого кубка с производственными традициями Сирии, а также мастерских на поселениях у сел Комарово и Заветное.

¹ Инв. № 57858. Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1906 г. у с. Шабалат, Аккерманского уезда.

² Цифра 2 означает «много», цифры 3 и 4 — значительные примеси по убывающей степени, цифры 5—7 — следы и следы следов.

³ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, приложение «Анализы древних стекол и средневековых иностранных стекол и других материалов (анализы № 341, 359, 373, 376, 380, 381, 385—390)».

⁴ Анализы по книге регистрации результатов спектрального анализа, хранящейся на кафедре археологии МГУ, — № 190 : 12; 208 : 4, 20, 21; 209 : 3, 11; 210 : 13, 14; 211 : 12.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

КАМЕННЫЕ КРЫШКИ АМФОР

Советскими антиковедами проведена большая работа по изучению керамической тары северопричерноморских античных городов; в результате массовый керамический материал стал надежным источником по экономической истории античного мира¹. Однако вопросу о закупорке амфор не было уделено достаточного внимания, что объясняется, главным образом, редкостью соответствующих находок. В связи с этим следует рассмотреть каменные крышки амфор, найденные при раскопках боспорского города Кепы, дополняющие наши знания по вопросу о закупорке амфор, их содержанием и т. д.

В 1959—1960 гг. в позднеантичном слое Кеп оказалось 8 крышек, связанных с домом, построенным в III в. н. э. и погибшим в IV в. н. э.² Рядом с жилыми помещениями обнаружено несколько больших пифосов, а также большое количество крупных фрагментов широкогорлых красноглиняных боспорских амфор, характерных для III—IV вв. н. э., в том числе около 20 целых горловин. Форма крышек и примерка их показали, что крышки служили для закупорки этих амфор (рис. 41—1, 2).

Все крышки представляют собой диски не совсем правильной формы, вытесанные из известняка-ракушечника, но разного качества; одна крышка (рис. 42—2) — из тяжелого мелкозернистого известняка-ракушечника, четыре — из желто-сероватого керченского (рис. 42—1, 3—5) и три — из рыхлого крупнозернистого, встречающегося на Таманском полуострове (рис. 42—2, 7).

Верх крышек плоский; снизу — невысокий цилиндрический выступ (рис. 41—3, 4), входивший в горловину амфоры. У двух крышек (рис. 42—3, 7) выступы сильно побиты и раскрошились, а у других двух — выступы округло-конические, сильно обтертые. Как правило, высота выступов равна половине толщины всей крышки. В противоположность верхнему краю, обработанному грубо, выступ отделан более тщательно. Подобно тому как амфоры III—IV вв. н. э. не имеют стандартного диаметра горла, так и диаметр крышек различен: он колеблется от 0,14 до 0,2 м, толщина — от 0,045 до 0,08 м.

Нижняя плоскость края крышек, налегавшая на венеч амфоры, также тщательно обработана. Эта плоскость у всех крышек обтерта, а у некоторых имеется даже прогиб, что указывает на длительное употребление. Каждая крышка вытесывалась для определенной амфоры; впоследствии же она могла использоваться и для других, близких по размеру, амфор.

¹ Итогом долголетнего труда явилась книга И. Б. Зеест «Керамическая тара Боспора» (МИА, № 83, 1960), в которой систематизирован огромный материал, приведший к важным выводам по экономической истории.

² Н. И. Соколовский. Раскопки в Кепях в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 86, стр. 55—65.

Рис. 41. Горла амфор (1, 2) III—IV вв. н. э. и крышки (3, 4) из Кеп.

Судя по этой находке, подобные крышки в Кечах III—IV вв. применялись широко, но они известны и из других городов Северного Причерноморья. Так, в фондах Керченского музея (№ 35—41) хранится аналогичная известняковая крышка диаметром 0,14 м, толщиной 0,05 м (рис. 42—8). Судя по находке подобной крышки в слое VI—V вв. до н. э. в Киммерике³, каменные крышки для широкогорлых амфор употреблялись на Боспоре с раннего времени.

В литературе уже указывалось, что боспорские широкогорлые амфоры II—IV вв. н. э. предназначались для хранения зерна, соленой рыбы и прочих сухих продуктов⁴. Для этой цели использовались и кепские амфоры с каменными пробками. Сильная потертость рабочих частей крышек указывает, что закупорка не имела мягких прокладок, а следовательно, не была полностью герметической, как это требуется для вина и масла. Наиболее

³ И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 239, рис. 16.

⁴ И. Б. Зеев. Указ. соч., стр. 13.

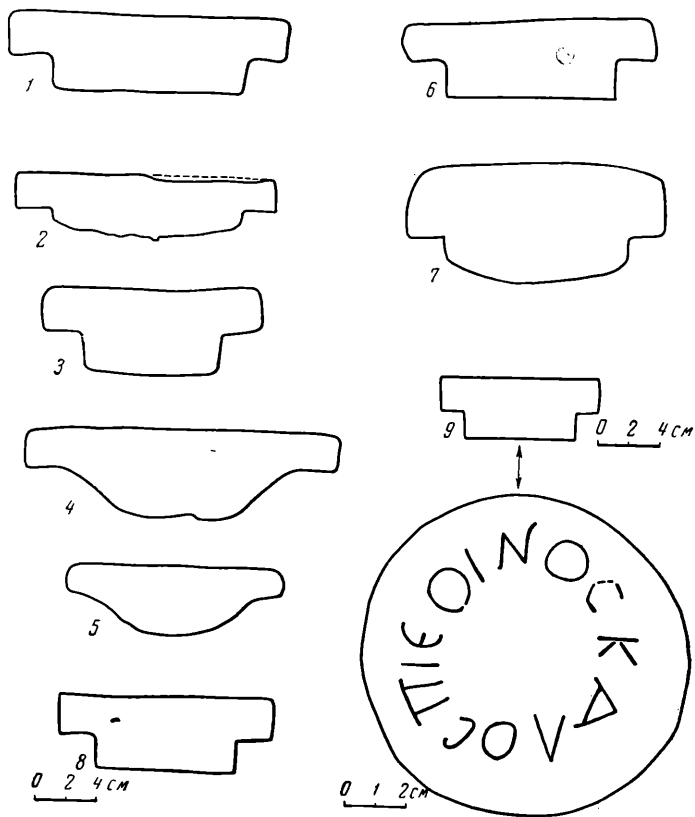

Рис. 42. Формы каменных крышек амфор из античных городов Северного Причерноморья.

вероятно, что такие крышки были принадлежностью амфор, предназначенных для хранения зерна. В связи с этим укажем, что в 1960 г. при раскопках городища у хутора Батарейка (Фанталовский полуостров) открыто помещение, погибшее при вражеском нападении в IV в. н. э., на полу которого найдены две разбитые амфоры с зерном, аналогичные по типу и времени кепским.

Каменные крышки неудобны для закупорки амфор с вином и маслом⁵; тем не менее они применялись и для этой цели, о чем свидетельствует крышка из плотного известняка, хранящаяся в музее г. Белгорода-Днепровского (инв. № 3313; рис. 42—9), несомненно, происходящая из Тиры. По форме она совершенно аналогична кепским, но меньше размерами (диа-

⁵ Для этой цели употреблялись пробки вместе с прокладками или пластическими материалами. Так, в 1948 г. в море была найдена амфора с внутренней пробкой, посаженной в смоляной вар и сверху запечатанной пущделаной. Пробки из вулканической извести найдены у амфор в затонувшем во II в. до н. э. корабле в районе Марселя («Fishman discover a 2200 year old Greek ship by capt. Cousteau». The National Geographic Magazine, 1954, v. 105, N 1). Известна пробка из гипса для закупорки амфоры с рыбными продуктами (C. Smith. Amphora stopping from Alexandria. IHS, 1883, стр. 158—161). Широко применялись керамические пробки. В 1957 г. при раскопках Пантикапея найдено воронкообразное горло светлоглиняной амфоры с керамическим диском внутри. При раскопках Аполонии Илирийской очень часто попадаются керамические крышки-пробки в виде дисков диаметром 0,095 м, с различного рода рельефными орнаментами и знаками, для италийских амфор I в. до н. э.—II в. н. э. Нужно полагать, что встречающиеся в большом количестве при раскопках боспорских городов небольшие диски, выбитые из стенок сосудов или черепиц, служили пробками узкогорлых амфор с вином и маслом.

метр—0,107 м, диаметр выступа, а следовательно, и горла амфоры—0,075 м) и более тщательно обработана. Следов обертости на рабочей поверхности почти не заметно, что может указывать на применение мягкой прокладки.

Назначение амфоры, которой принадлежала крышка, определяется четко прорезанной по кругу надписью на верхней плоскости крышки: $\delta\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ $\chi\alpha\lambda\acute{\omicron}\varsigma$, $\pi\acute{\iota}\epsilon$ (вино прекрасное, пей!). По характеру букв в лапидарных надписях эта крышка может быть датирована III—IV вв. н. э., т. е. близка по времени кепским⁶.

⁶ По мнению А. И. Болтуновой, наиболее близкие аналогии в форме букв и характере их написания можно обнаружить в надписях середины IV в. н. э., (IOSPE, II, 367¹ и 182²).

М. М. КОБЫЛИНА

НАДГРОБИЕ ИЗ ФАНАГОРИИ

Своеобразный памятник местного искусства был найден в Фанагории в 1955 г.—случайная находка в поселке Сенной. Это плита с рельефным изображением женщины, представляющая собой, по-видимому, надгробие (рис. 43). Плита почти полностью сохранилась¹. Она имеет форму высокой выгнутой трапеции; внизу, по сторонам ее — выступы. Соответственно выступам с задней стороны во всю ширину плиты проходит утолщение, которое выдается на 0,05 м. Высота плиты — 0,52 м; ширина вверху — 0,23 м, внизу (вместе с выступом) — 0,4 м; толщина — 0,1 м. Материал — песчаник.

В углубленном поле плиты изваяна женская фигура, изображенная впрямь. Она неподвижно стоит, держа в левой, протянутой вперед руке чашу, а правую — прижав к телу у пояса. Женщина закутана в покрывало, из-под которого видны складки длинного широкого хитона; покрывало наброшено на голову, обвивает правую руку и торс, один конец его свисает с левой руки.

Уже среди боспорских надгробий II—I вв. до н. э., наряду с традиционными греческими идеализованными изображениями умершей женщины, задумчиво стоящей или сидящей, грустно склонив голову, в покрывале, мягко окутывающем всю фигуру, — появляются более реалистические изображения женщины в местном костюме — в высоком головном уборе, с негреческим типом полного широкого лица². Лица подобных изображений обычно очень малы или же схематично исполнены. Поэтому особенно интересно фанагорийское надгробие, где крупное лицо женщины хорошо сохранилось и тщательно исполнено; у него широкий овал, прямой высокий лоб, широко поставленные большие глаза, недлинный нос, довольно большой рот с пухлыми губами и маленький энергично выдвинутый вперед подбородок.

Наряду с выразительностью трактовки лица, его тонкой обработкой, использованием контрастов света и тени обращает на себя внимание небрежное исполнение всей фигуры; одежда изображена совершенно плоско, не передает очертаний тела, выделена только рука под гиматием. Складки широкой одежды и стягивающего их покрывала никак не связаны. Левая рука, протянутая вперед и держащая чашу, изваяна в одной плоскости с правой рукой, прижатой к телу; ракурс левой руки не показан. Грубо изображены пальцы правой руки, их очертания только прорезаны.

Вся плита в целом также обработана очень грубо; поверхность задней стороны плиты — неровная, со следами сколов при обработке шпунтом. Верх плиты и передний край боковых сторон подтесаны, но не заглажены.

¹ Плита разбита пополам, отбит правый выступ. Есть мелкие выбоины на поверхности, отколот кончик носа женщины.

² ИАК, вып. 10, 1904, рисунок на стр. 98.

Подобное надгробие могло возникнуть только под воздействием греческой погребальной скульптуры, но вместе с тем этот памятник очень далек от нее.

Нельзя сказать, что среди греческих надгробных и votивных плит форма плиты, расширяющейся книзу, совершенно не встречается. Можно указать несколько вариантов надгробных плит, имеющих форму трапеции. Наиболее яркий пример — надгробие Лисандры восточногреческого происхождения³. Чаще такие трапециевидные стелы имеют фронтовое завершение, например, — плиты с изображениями Гекаты⁴ или двух Кибел⁵.

Надгробные плиты в форме широкой или вытянутой трапеции изредка встречаются и среди надгробий Северного Причерноморья⁶. Однако фанаторийская плита сильно отличается от указанных

аналогий, во-первых, тем, что она очень вытянута и ее боковые стороны сильно скошены; во-вторых, — тем, что внизу имеются боковые выступы. Перед нами — местная переработка античного типа надгробия.

Нижние выступы служили вероятно, для более прочного крепления плиты в грунте или в каком-то каменном основании. Нижняя часть фигуры в таком случае не была видна, и изображение женщины выглядело как полуфигура. Об этом свидетельствует и недоработка нижней части изображения, где складки одежды слева сливаются с фоном, а справа обрываются. Об этом же говорят и пропорции самого изображения — очень широкие плечи при небольшой высоте фигуры, придающие ей квадратные пропорции; они понятны, если фигура казалась срезанной внизу.

Изображение на фанаторийской плите воспроизводит тип статуи, весьма распространенный в боспорской скульптуре I в. до н. э. — I в. н. э., созданный в смешанной греко-синдо-меотской среде. Наиболее яркий пример этого типа скульптур — статуя Керченского музея, изображающая прямо стоящую женщину, в длинной одежде, в покрывале, спадающем с головы;

Рис. 43. Надгробная плита I в. н. э. из Фанатории Песчаник.

³ Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Institut, XX, 1905, стр. 53, табл. 4.

⁴ BCH, XXIX, стр. 54, табл. 13.

⁵ S. M. Svoronos. Das Athener National-Museum. Athen, 1908, табл. XVIII, 1377.

⁶ Kieseritsky und Watzinger. Grabreliefs in Südrussland, табл. LIV, 734; табл. XLIII, 630.

рука ее с гранатом протянута вперед⁷. На фанагорийской плите мы видим вариант этого типа — в руке женщины не гранат, а чаша для возлияний.

Бликий тип изображения местной женщины представляет надгробие из раскопок Н. И. Сокольского на горе Бориса и Глеба, возможно, вывезенное из Фанагории⁸.

На фанагорийском надгробии женщины чрезвычайно тщательно и выразительно передано лицо. Показаны не только негреческий тип лица, но и юный возраст и, может быть, в какой-то степени — индивидуальные черты умершей; особенно характерны глубокая посадка глаз и развитые надбровные дуги. В этом стремлении к реалистической трактовке лица при полном пренебрежении к правдивой передаче тела, возможно, проявляется вера в магический характер изображения в противоположность тому идеальному пластическому образу, который мы видим на греческих надгробиях.

Являясь ярким памятником местного искусства, рассмотренная плита интересна и как документ, удачно донесший до нашего времени черты лица девушки-меотки.

⁷ М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, рис. 28; М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, рис. 7, 3.

⁸ Н. Н. Сокольский. Находки на вершине горы Бориса и Глеба. СА, 1957, № 1, стр. 245, рис. 3.

А. П. С М И Р Н О В

БРОНЗОВОЕ ОЧЕЛЬЕ ИЗ ПОВОЛЖЬЯ

В 1959 г. в Государственный исторический музей поступила пластина, найденная В. В. Королевой при земляных работах на территории Болгарского городища. Это очелье из золотистой бронзы, по-видимому, представляло лобовую часть головного убора (рис. 44). Длина его — 22 см, ширина — 4 см. У правого края сохранились круглые отверстия для прикрепления к основе. С обеих сторон очелье обрезано крайне небрежно, что нарушает композицию орнамента. Оно орнаментировано при помощи чеканной

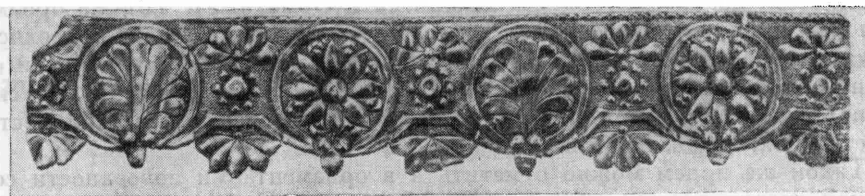

Рис. 44. Бронзовое очелье.

техники. Композиция орнамента состоит из четырех медальонов, разделенных небольшими интервалами, которые заполнены пальметками. Последние обращены друг к другу основаниями и разделены розеткой в виде центрального полушаровидного, несколько приплюснутого выступа, окруженного восемью полусферами. Сами медальоны заполнены или пальметками из одиннадцати листьев с выступающими за линию окружности медальона основаниями, или крупными розетками с восемью овальными листьями, разделенными мелкими полушаровидными выступами.

Верх очелья обрамлен линией с точечным орнаментом, низ — широкой полосой, идущей ломаной линией. Эта линия отделяет нижние пальметки, помещенные в интервалах между медальонами. Свободное поле покрыто мелким точечным орнаментом, нанесенным с обратной стороны пластины. Нижний край очелья — неровный; он образован краями листьев пальметок.

Условия находки исключают возможность датировки пластины: она обнаружена на берегу, при земляных работах в отвале. Культурный слой всей прибрежной полосы, как показали многолетние исследования, состоит из напластований, из которых ранние относятся к X в., а верхние принадлежат русской деревне и датируются XVI—XX вв.¹ Что касается дати-

¹ А. П. Смирнов. Основные этапы истории г. Болгара и его историческая топография. МИА, № 42, 1954, стр. 309; его же Раскопки городища Великие Болгары в 1957 г. Казань, 1959, стр. 5.

ровки очелья, то по первому общему впечатлению оно напоминает поздние изделия, — может быть, даже XIX в. Однако сравнение с окладами икон XVIII—XIX вв., хранящимися в фондах ГИМ, не дало положительных результатов. В частности, точечный орнамент, покрывающий поверхность очелья, ни в малейшей степени не напоминает обработку поверхности окладов поздних икон. При исследовании в лаборатории ИА АН СССР, проведенном Е. Н. Черных, спектральный анализ дал следующие результаты: Sn — 0,006, Pb — 0,27, As — 0,025, Sb — ? Fe — 0,012, Au — следы, Ag — 0,013, Ni — 0,77, Zn — 14—15, Mn — следы, Ti — 0,003, Cu — основное содержание.

Несмотря на недостаток сведений об условиях находки, очелье может быть датировано по стилистическим данным. Таким признаком является прежде всего сплошная обработка поверхности точечным орнаментом, который характерен для конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э. В качестве примера можно указать ряд вещей, входящих в категорию сасанидского серебра, в частности, — ведро, происходящее из Пермского края: стенки ведра с полосами растительного орнамента обработаны в той же манере². Подобным же примером может служить чаша с ручкой из Пермского края, по шейке которой чеканом нанесен точечный узор, закрывающий свободное пространство, не занятое пальметками³. В этой же манере обработана шейка у чарки из Вятского края⁴. На более ранних вещах такой прием применялся для отделки фигур львов, как, например, на блюде, происходящем из Пенджаба, на котором изображен Бахрам-Гур, охотящийся на львов⁵ (блюдо находится в Эрмитаже). Тот же орнаментальный прием характерен для отделки некоторых частей поверхности сосудов из Сен-Миклошского клада⁶. Подобная же манера обработки свободной от орнамента поверхности наблюдается на чарке из Левашовского могильника⁷. Перстневидная ручка ее украшена сверху розеткой в стиле розетки болгарской пластики.

Такой же прием можно отметить и в орнаментации поверхности серебряной оковки турьего рога из Черной могилы. Эта вещь, несомненно, — русской работы и по технике, и по сюжету⁸. В некоторых стилистических приемах ее отделки, бесспорно, есть черты, указывающие на влияние восточного искусства. Это сказывается не только в обработке поверхности точечным орнаментом, но и в трактовке оперения орла. Такой прием на Руси существовал и несколько позднее; его можно заметить на вещах, происходящих из тайника под Десятинной церковью⁹.

В домонгольском прикладном искусстве подобная манера обработки наблюдается на целом ряде вещей. На бляхах оплечья из Старорязанского клада¹⁰ таким образом покрыта поверхность между фигурами процветших крестов. Это же можно отметить и на вещах из Спасско-Болгарского клада¹¹. Наконец, нельзя не указать происходящее из Лядинского могильника ведро с арабской надписью, на котором свободное пространство на полосе с надписью обработано таким же приемом. Манера покрывать точками свободную от узора поверхность в памятниках прикладного искусства более позднего времени не встречается¹².

² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 51.

³ Там же, табл. 52, 53.

⁴ Там же, табл. 57, II.

⁵ Там же, табл. 10.

⁶ N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare de Nagyszent miklós. «Archeologia Hungarica», XXIX, Budapest, 1943.

⁷ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, № 58, 1957, стр. 48, рис. 5.

⁸ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 48, 49.

⁹ М. К. Каргер. Древний Киев. Л., 1958, табл. 99.

¹⁰ А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XXVII, 10, 13.

¹¹ Там же, табл. XXXII, 1, 4, 6, 10, 12.

¹² Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941, стр. 19, рис. 25а.

Из других элементов орнамента, помимо розетки на ручке чаши из Левашовского могильника, можно указать розетки близкого характера в древностях Борковского могильника, где они украшают головной венчик¹³. Мотив розетки с овальными листьями широко распространен в прикладном искусстве и, пожалуй, не может служить датирующим признаком. Пальметка, украшающая два медальона, точно так же является излюбленным мотивом, но стилистически он ближе к ранним вещам. Довольно близкую аналогию ему можно указать на бляхах пояса из Национального музея в Будапеште, датированного Н. Мавродиновым IX в.¹⁴ В разных вариациях, но в сходной трактовке орнаментированы чаши и чарки из восточного собрания Эрмитажа¹⁵.

Все приведенные материалы позволяют отнести найденное очелье от головного убора к домонгольскому времени — в пределах IX—XII вв. Основной датой является характерная обработка поверхности при сходных элементах в виде розетки и пальметки.

Головной венчик в уборе характерен для женского костюма народов Поволжья с весьма раннего времени. Его можно наблюдать уже в эпоху бронзы¹⁶, раннего железа¹⁷ и в более поздний период. Находка 1959 г. характеризует прикладное искусство волжских болгар и их связи с Востоком в домонгольское время.

¹³ Альбом древностей..., табл. XXIII, 16.

¹⁴ N. Mavrodinov. Указ. соч., рис. 13—17.

¹⁵ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 51, 52, 53.

¹⁶ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, табл. 7.

¹⁷ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 311, рис. 57; стр. 310, рис. 55.

II. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В 1959—1960 ГОДАХ
СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Проблемой, над которой работал сектор в 1959 г., было изучение истории развития производительных сил, социальных отношений и этнической истории населения европейской части СССР в эпоху раннего железа. Основной темой явилось изучение сарматов раннего времени — их происхождения и формирования их культуры.

Большое внимание уделялось окраинам скифо-сарматского мира, изучению лесостепной полосы Предкавказья и степного Поднепровья.

Значительное место в работе сектора занимала история племен и народов, населявших северную половину Восточной Европы. Ряд сотрудников продолжал работу над вопросами средневековья племен и народов, живших в центральных областях европейской части СССР, Чувашском Поволжье, низовьях Волги, на Северном Кавказе и в Средней Азии.

В течение 1959 г. были завершены и подготовлены к изданию следующие монографии:

П. Д. Либеров сдал в печать монографический труд по экономике племен Северного Причерноморья — «К истории скотоводства на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н. э. — V в. н. э.)» (8 печатных листов). Это первая попытка рассмотрения в историческом разрезе развития скотоводства и, в частности, кочевого скотоводства на территории Северного Причерноморья. Анализ всех использованных автором источников позволил ему прийти к выводу о том, что переход к кочевому образу жизни племен Северного Причерноморья совершился в первой четверти I тысячелетия до н. э.

Е. И. Горюнова закончила монографию «Этнический состав населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.» (25 печатных листов). Работа посвящена истории формирования великорусского населения на территории Владимиро-Суздальской земли. Однако автор рассматривает и историю дославянского населения междуречья — мери и муромы, начиная с эпохи поздней бронзы и раннего железа. Дается характеристика культуры, быта и идеологии этих племен, исследуется их этногенез. Говоря о славянской колонизации и ассимиляции местных финно-угорских племен, автор касается вопроса о возникновении русских городов на северо-востоке.

А. П. Смирнов представил работу «Железный век Чувашского Поволжья» (14 печатных листов), охватывающую хронологически время с конца эпохи бронзы до средневековья. В результате детального исследования археологического материала с обоих берегов Волги до устья Камы автор делает вывод о том, что абашевская культура сложилась, главным образом, на основании культуры фатьяновских и срубных племен. Возникновение городищной культуры, в основе — финно-угорской, рассматривается автором как сложный процесс взаимодействия и взаимовлияния местных абorigенов, племен срубной и абашевской культур, причем сруб-

ный и абашевский элементы были ассимилированы и растворились в среде финно-угорского населения. Далее автор исследует, какую роль сыграла городищная культура при формировании таких народов, как мари. Характеристика экономики, хозяйства и идеологии упомянутых племен и народов создает полную картину истории населения Чувашского Поволжья.

В. А. Кузнецов завершил монографическое исследование на тему «Локальные варианты аланской культуры Северного Кавказа» (10 печатных листов). На основании анализа археологического материала автор намечает три локальных варианта аланской культуры Северного Кавказа IX—XII вв. н. э. Далее рассматривается отношение локальных вариантов аланской культуры к этническим общностям. Освещен также вопрос об этногенезе осетинского народа на основании материалов по катакомбным могильникам Северного Кавказа.

О. Д. Дашевской написана монография «Лепная керамика Неаполя Скифского» (из раскопок 1955—1957 гг.)» (1,5 печатных листа). Работа является дополнением к опубликованной в МИА № 64 статье, где рассматривались материалы раскопок предыдущих лет. Новые материалы еще не подтверждают вывода об отсутствии у крымских скифов гончарного ремесла и позволяют выявить локальную крымскую группу скифской керамики. Подтверждается вывод о возникновении в III в. до н. э. скифских городищ в Крыму в результате перехода кочевых крымских скифов к оседлости.

Л. П. Зяблин закончил работу «Второй буддийский храм на Ак-Бешимском городище» (3 печатных листа). Буддийский храм — второй на городище — является монументальным сооружением. Анализ нумизматического материала с городища свидетельствует, что в VIII в. н. э. храм лежал уже в развалинах, а время его существования по особенностям строительной техники относится к VII в. н. э. Найденные в храме обломки скульптур указывают на связи и влияния со стороны Северо-Западного Китая и Индии. Существование этого храма на территории городища — еще одно яркое свидетельство в пользу значительной роли буддизма в жизни местных народов, что ранее недооценивалось.

Продолжалась или начата работа над многолетними темами: «Культура степного Поднепровья в скифское время» (А. И. Мелюкова), «Скифия в Крыму» (О. Д. Дашевская), «Частые курганы» (П. Д. Либеров), «Городища Курского Посеймья в скифское время» (А. Е. Алихова), «Ранняя история и культура сарматов» (К. Ф. Смирнов), «Археологические памятники гуннов и авар в Восточной Европе» (Л. П. Зяблин), «Кочевнические погребения эпохи Золотой Орды» (Г. А. Федоров-Давыдов), «Локальные варианты аланской культуры Северного Кавказа» (В. А. Кузнецов).

На 33 заседаниях сектора были заслушаны научные доклады сотрудников, сообщения о работе экспедиций и отчеты о работе над Сводом археологических источников СССР. Среди докладов — сообщение А. П. Смирнова «Введение к монографии „Железный век Чувашии“», в котором автор изложил периодизацию памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Среднего Поволжья и охарактеризовал сложный этнический состав населения Чувашского Поволжья в эту эпоху. По мнению А. П. Смирнова, сложная культурная и этническая обстановка эпохи поздней бронзы наложила отпечаток на все последующее развитие края.

С содержательным докладом «Из истории сбруи у сарматов Поволжья и Приуралья в эпоху бронзы» выступил К. Ф. Смирнов. Систематизировав весь имеющийся в настоящее время материал, связанный с древнейшей конской сбруей Евразии, К. Ф. Смирнов пришел к важному выводу, о том, что начальный этап коневодства следует относить не к самому концу II тысячелетия до н. э., а ко всей второй половине II тысячелетия до н. э.

Следует отметить интересный доклад А. И. Мелюковой «Скифские курганы Тираспольщины». Автором обработан неопубликованный материал из раскопок И. А. Стемповского на левом берегу Днестра. Скифские курганы Тираспольщины делятся на две группы: курганы с грунтовыми ямами и курганы с катакомбами. А. И. Мелюкова разработала хронологию этих памятников, охватывающих время с VII—VI вв. по II в. до н. э. Большинство погребений относится к IV—II вв. до н. э. По мнению докладчика, курганы Тираспольщины IV в. до н. э. принадлежали оседлому скифскому племени, родственному скифам Нижнего Поднепровья и входившему в Скифское царство.

Сектор ведет систематическую работу по подготовке выпусков Свода археологических источников СССР. Закончен сбор материала и составляется картотека по темам «Савроматская культура» (В. Г. Петренко) и «Проخورовская культура сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья» (М. Г. Мошкова). Продолжаются сбор материала и составление картотек по дьяковской (Е. И. Горюнова) и городецкой (А. П. Смирнов и А. Е. Алихова) культурам.

Сотрудники сектора активно участвуют в экспедиционной работе Института археологии АН СССР. Многие из них в 1959 г. руководили экспедициями и отдельными отрядами на обширной территории СССР — от Молдавии до Байкала. В результате полевых археологических исследований получены новые ценные материалы, которые обрабатываются. Ряд экспедиций работал в тесном контакте с Государственным историческим музеем, Молдавским и Казанским филиалами АН СССР, Северо-Осетинским, Чечено-Ингушским, Кабардино-Балкарским и Чувашским научно-исследовательскими институтами, а также с музеями Воронежским, Острогжским, Оренбургским, Чебоксарским, Наровчатским. В 1959 г. опубликовано 27 научных и научно-популярных статей, написанных сотрудниками сектора. Сданы в печать 23 работы, в том числе две монографии (Е. И. Крупнов и П. Д. Либеров). А. П. Смирнов, Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов, В. А. Кузнецов, Е. И. Горюнова участвовали в научных конференциях и сессиях, состоявшихся в Казани, Чебоксарах, Саратове, Махачкале, Ростове, Ярославле и выступили на них с докладами.

* * *

В 1960 г. сектор скифо-сарматской археологии¹ работал над кругом проблем раннего железного века и средневековья. Ставились темы, охватывающие не только скифо-сарматское время, но и предшествующую эпоху поздней бронзы, что давало возможность проследить сложение культур на отдельных территориях.

В этом плане интересно законченное исследование П. Д. Либерова «Памятники эпохи бронзы урочища „Частые курганы“», в котором даны систематика материала и его культурно-этническая характеристика. Им же была доложена работа «К вопросу о связи памятников эпохи раннего железа с памятниками эпохи бронзы на Среднем Дону», в которой на основе материалов, полученных при раскопках последних лет, выявлены черты своеобразия памятников эпохи раннего железа на Среднем Дону. Автор отметил наличие пережитков, идущих от местной катакомбной, абашевской и — в меньшей степени — срубной культур. В выступлениях членов сектора указывалось на недостаток данных для решения поставленной проблемы и на необходимость привлечения материала более северных областей.

В 1960 г. закончен большой раздел монографии К. Ф. Смирнова «История культуры савроматов VIII—IV вв. до н. э.», посвященный вооруже-

¹ В составе сектора было 13 сотрудников и 3 аспиранта.

нию. Эта часть монографии оформлена отдельной книгой (15 печатных листов). Кроме того, написаны разделы, характеризующие производительные силы, общественный строй и политическую историю савроматов. В плане дальнейшей разработки истории сарматов К. Ф. Смирнов выступил с докладом о культурных и торговых связях савроматов со Средней Азией и Передним Востоком. Эти связи, преимущественно восточной — южноуральской группы, носили двоякий характер — генетический и культурно-торговый; хорошо прослеживаются генетические связи с сакскими племенами, населением Казахстана и Киргизии. Большую роль в распространении влияния ахеменидской Персии сыграл Хорезм. В савроматском ювелирном искусстве сильно сказывается влияние Переднего Востока. Археологические данные подтверждают свидетельство Страбона о караванной торговле со странами Переднего Востока, которую вели верхние аорсы, центр которых в V—IV вв. находился, вероятно, в Оренбургских степях.

Для истории савроматов большое значение имеет Ново-Кумакский могильник, о раскопках которого доложила М. Г. Мошкова. Открытые погребения VI—I в. до н. э., первой половины IV в. до н. э. и ранние прохоровские IV—III вв. до н. э. дают право говорить о зарождении в недрах приуральского варианта савроматской культуры всех признаков прохоровской культуры. Выступавшие отметили значение материала, полученного в результате раскопок и проливающего свет на вопрос о генезисе не только прохоровской культуры, но и звериного стиля, который на этой территории отличается и от скифского, и от поволжского звериного стиля.

Сектор работал также в области истории племен, соседних со скифо-сарматским миром. В этом плане большой интерес представляет исследование А. Е. Алиховой «Некоторые древние городища Курского Посеймья», в котором на основании изучения ряда городищ (среди них особо следует упомянуть Кузину Гору) дана культурная и этническая характеристика племен и связи их со скифским миром.

Сектор принимал участие в исследовании Неаполя Скифского. О. Д. Дашевская подготовила статью «Граффити на фресках Неаполя Скифского», в которой приводится анализ различных изображений и фигур, сцен и знаков, известных под названием «загадочных». Последние автор рассматривает как знаки собственности или магические. Автор считает здание А, в котором найдены эти граффити, культовым. Все выступавшие согласились с мнением автора о возможности рассматривать «загадочные» знаки в качестве знаков собственности. Обращено внимание на необходимость сравнения с савроматскими знаками. Некоторые сцены, по мнению оппонентов, можно считать батальными. В целом необходимость изучения не отдельных знаков, а целых композиций была подчеркнута всеми.

На совместном заседании с античным сектором обсужден доклад И. В. Яценко «Декоративная роспись стен здания А Неаполя Скифского». Докладчиком дана интересная реконструкция росписи, которая имеет много общих мотивов с декором боспорских склепов. Ряд отдельных элементов своеобразен и находит аналогии в росписях домов римских провинций и в античных росписях Востока. По мнению автора, роспись выполнена мастерами, приглашенными из Боспора. В прениях указывалось на правильность данной реконструкции, основанной на хорошо проработанном материале; отмечено наличие эллинистических традиций. Обращено внимание на конкретные ошибки, не влияющие на основные выводы докладчика.

Продолжалось изучение памятников скифского времени Молдавии. А. И. Мелюкова доложила о раскопках гетских поселений IV—V вв. до н. э., а также курганов эпохи поздней бронзы. Особый интерес представляет сарматское погребение II—III вв. н. э. с инвентарем, напоминающим материал кубанских сарматских погребений.

Тому же времени был посвящен доклад М. А. Романовской «Раскопки селища Лукашевка II», относимого исследователем ко II—I вв. до н. э. Были открыты жилища и собран большой материал; керамика аналогична синхронной керамике Поднепровья, Румынии и Польши. Памятник принадлежит смешанному населению, в котором преобладали готские элементы.

Большое внимание уделил сектор изучению средневековых памятников Северного Кавказа. Здесь прежде всего надо отметить монографию В. А. Кузнецова «Аланская культура Северного Кавказа». В этой работе рассматриваются три локальных варианта аланской культуры Северного Кавказа — западный, центральный и восточный, устанавливается их отношение к этническим общностям Северного Кавказа эпохи раннего средневековья. В особую группу археологических памятников Северного Кавказа выделены аланские катакомбные могильники. Монография представляет собой сводку известных могильников Северного Кавказа IV—XIII вв. и опыт их периодизации. Кроме того, рассмотрен вопрос о происхождении вариантов аланской культуры и освещается сложная проблема об аланах и асах, по сведениям письменных источников, в их историческом соотношении в качестве двух крупных племенных союзов Алании (объем монографии — 15—16 печатных листов).

Значительный интерес и споры вызвала работа В. Б. Деопик по классификации украшений из средневековых памятников Северного Кавказа, построенная на широком применении статистического метода. Доклад вызвал некоторые возражения и в части методической, и в отношении характеристики самого материала.

Заслушан ряд докладов о полевых работах, проведенных в 1960 г., — начальника Северокавказской экспедиции Е. И. Крупнова и руководителей отрядов В. А. Кузнецова, О. В. Милорадович и В. А. Марковина. Наиболее важными объектами изучения явились Зеленчукские храм и могильник, городище Верхний Джулат (сопоставленное с городом Деяновом), с его замечательным храмом и мечетью.

Большое внимание было уделено дяковской культуре. В докладе, посвященном этой теме, Е. И. Горюнова подвергла критическому разбору существующие датировки этой культуры и ее характерные признаки. На основании раскопок ряда селищ, главным образом, — Попадьянского, автор доводит дяковскую культуру до VIII в. н. э. Она считает сетчатую керамику и грузики дякова типа не характерными для этой культуры. Ею отмечена необходимость изучения локальных вариантов дяковской культуры. Выступавшие не согласились с высказанными положениями, обратив внимание докладчика на признаки дяковской культуры, принимаемые археологами, на спорность доведения ее до VIII в. н. э., в то время как культуры населения этого края после V в. н. э. отличаются от дяковской, на широкое распространение форм керамики, которые докладчик считает типично дяковскими.

Сектор заслушал и представил на утверждение ученого совета к печати работу В. И. Цалкина «Охота и животноводство в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа». В ней проанализирован огромный остеологический материал, полученный при раскопках разнокультурных памятников лесной полосы Восточной Европы, выявлено своеобразие хозяйства отдельных племенных групп.

Обсуждались результаты раскопок Волжской экспедиции, в частности, Верхневолжского отряда, проведенных Е. И. Горюновой, раскопавшей курганы X—XI вв. Другие отряды этой экспедиции проводили работы в Ульяновской области, Татарской АССР и Волгоградской области, где продолжались раскопки Царевского городища, сопоставляемого со столицей Золотой Орды — Сараем-Берке. Большое значение имеет выполненная съемка плана городища.

Продолжалось изучение кочевников. В. А. Кузнецов и В. Н. Пудовин доложили свою работу «Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов»². Обсуждены вопросы, связанные с изучением гуннов в Восточной Европе.

Сектор уделил внимание среднеазиатским памятникам. Т. Г. Оболдуева сообщила о результатах исследования городища Эйлатав в 1960 г. В докладе дана характеристика этого важного для истории Ферганы памятника. Г. А. Брыкина провела небольшие работы на Карабулакском, Ляйлякском и Баткенском городищах. Л. П. Зяблин доложил о завершении изучения Второго буддийского храма Ак-Бешимского городища.

Сектор провел 11 экспедиций. Заслуживает упоминания Оренбургская экспедиция, вскрывшая группу курганов племенной аристократии сарматов V в. до н. э. Памятники этого типа в Оренбургском крае обнаружены впервые за советский период.

Весьма интересный материал получен Скифской лесостепной экспедицией (Воронежским отрядом). Помимо новых данных о погребальном обряде и сооружениях, найдены ценные и совершенно уникальные памятники прикладного искусства.

Северокавказской экспедицией, работавшей в составе 6 отрядов исследовалось интереснейшее Сержень-Юртовское укрепленное поселение IX—VIII вв. до н. э. в слабо изученной в археологическом отношении Чечено-Ингушской АССР. Впервые обследовались архитектурные средневековые памятники Чечни.

Сектор провел 31 заседание, на которых обсуждались отдельные части плановых работ, результаты экспедиций.

Кроме того, на заседаниях в секторе выступали с докладами сотрудники других научных учреждений: И. Кожомбердыев и П. Кожеменко прочли доклад «Погребение знатной женщины из ущелья Шаоми Киргизской ССР», А. К. Коровина — «К вопросу о датировке погребений Артюховского кургана», Д. М. Атаева — «Раннесредневековые памятники Аварии», В. И. Козенкова — «Тушкурганский могильник».

По скифской тематике, как и в прошлые годы, работали А. И. Мелюкова, О. Д. Дашевская, П. Д. Либеров и В. Г. Петренко.

А. И. Мелюкова продолжала изучение памятников скифского времени в степной Молдавии. Ею обработаны археологические коллекции из раскопок и раскопок 1958—1959 гг., материалы Одесского и Кишиневского музеев. Начато изучение письменных источников. С плановой темой была связана и экспедиция, проведенная А. И. Мелюковой в южных районах Молдавии.

О. Д. Дашевская вела работу над многолетней темой «Скифы в Крыму». Для сбора необходимого материала ею были осуществлены раскопки в Крыму на скифском Донузловском городище. Получен интересный материал III в. до н. э. — III в. н. э.

П. Д. Либеров в 1960 г. закончил статью «Памятники эпохи бронзы в урочище Частые курганы» (4 печатных листа), являющуюся плодом раскопок автором в течение нескольких лет курганов и поселений в этом урочище и сбора всего материала из работ прошлого времени. Помимо публикации, снабженной ценным графическим материалом, в статье дана характеристика памятников материальной культуры, определены их культурно-этническая принадлежность и хронология. В заключительной главе автор освещает вопросы производственно-экономической жизни племен, селившихся на этой территории.

В соответствии с планом работ по скифской тематике В. Г. Петренко проводила раскопки в Поросье (Поросский отряд Лесостепной экспеди-

² СА, 1961, № 2.

ции) у с. Грищенцы. Здесь в грунтовом могильнике вскрыто 17 погребений V—III вв. до н. э.

Не менее интересные исследования велись на периферии скифского мира. В частности, А. Е. Алихова закончила многолетнюю тему «Древние городища Курского Посеймья». Это обобщающий труд, где, помимо публикации нового и весьма любопытного материала из раскопок автора, дана характеристика хозяйственной и производственной деятельности населения указанных городищ. Кроме того, в нем поставлены вопросы взаимосвязи этого населения с южными соседями — носителями «скифообразной» культуры.

По линии охраны памятников А. Е. Алихова продолжала раскопки золотоордынского города Наровчат, находящегося на землях Мордвы. Открыт мавзолей XIV в., представляющий крупное архитектурное сооружение.

Е. И. Крупнов приступил к сбору материала по теме «Железный век Чечено-Ингушетии». В том же году им была закончена и сдана в печать работа «О чем говорят памятники Чечено-Ингушетии» (2,5 печатных листа).

Три члена сектора — А. П. Смирнов, А. Е. Алихова и Е. И. Горюнова принимали участие в работе межсекторальной финно-угорской археологической группы.

Сотрудники сектора работали над составлением выпусков Свода археологических источников СССР.

По сарматской археологии готовятся два выпуска — «Савроматская культура» и «Прохоровская культура Нижнего Поволжья и Приуралья». Для первого выпуска В. Г. Петренко в истекшем году составила ряд карт: хронологическое распространение памятников савроматской культуры, погребальный обряд савроматов, карта распространения каменных жертвенников. Составление картотеки продолжается.

По второму выпуску работает М. Г. Мошкова. Ею полностью собран материал и составлена картотека со всем иллюстративным материалом прохоровской культуры; закончены дробные хронологические карты внутри прохоровского периода и дополнены карты по распространению прохоровских памятников и погребальному обряду.

Е. И. Горюнова продолжает сбор материала и составление карт по дьяковской культуре. В связи с этим ею был сделан на секторе доклад «К вопросу о периодизации и локальных вариантах дьяковской культуры».

Успешно ведется работа над выпуском свода «Средний Дон в скифское время». Под руководством П. Д. Либерова сбор материалов осуществляет В. Башилов.

А. П. Смирнов продолжает сбор материалов по теме «Городецкая культура».

Многие сотрудники сектора приняли участие в отчетном пленуме Института археологии СССР, происходившем в Киеве. Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов, А. Е. Алихова, М. Г. Мошкова прочли доклады на секциях раннего железа и средневековой археологии. А. П. Смирнов выступил с докладом «О состоянии вопроса изучения Золотой Орды» на объединенном заседании ученого совета Музея Казанского филиала АН СССР и Казанского университета. Е. И. Крупнов сделал доклад «Об основных результатах археологической работы в Чечено-Ингушетии в 1959 г.» на ученом совете Чечено-Ингушского научно-исследовательского института и доклад «Археологические исследования в Чечено-Ингушской АССР и их роль в разработке истории коренных народов республики» на расширенном заседании ученого совета Чечено-Ингушского научно-исследовательского института и Государственного педагогического института в г. Грозном.

Экспедиции сектора проводились в тесном контакте со следующими учреждениями: Государственным историческим музеем, Молдавским филиалом АН СССР, Казахским филиалом АН СССР, Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом, Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом, Киргизским институтом истории АН Киргизской ССР, а также с музеями Казанским, Ульяновским, Оренбургским, Чебоксарским, Воронежским, Ярославским, Курским, Волгоградским, Грозненским, Острогожским и Андиганским.

В марте-апреле 1960 г. А. И. Мелюкова находилась в научной командировке в Венгрии. По возвращении ею был представлен отчет о командировке, который подготовлен для публикации в специальном издании АН СССР. Основное внимание в отчете уделено памятникам скифского времени Венгрии.

А. П. Смирнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ДГС — Древности геродотовой Скифии
ДП — Древности Приднепровья
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИА — Институт археологии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛХМ — Летопись Херсонесского музея
МАР — Материалы по археологии России
МАВГ — Материалы по археологии восточных губерний
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
СГУ — Саратовский государственный университет
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия
BSH — Bulletin de Correspondance Hellenique
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JHS — Journal of Hellenistic Studies
JOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Pinti Euxini
SC — Scythica et Caucasica

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Н. Н. Погребовой	3
Список печатных работ Н. Н. Погребовой	5

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Н. Н. Потребова и Н. Г. Елагина. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году	6
Н. Н. Погребова. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра	15
М. Н. Погребова. Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени	22
А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы у села Оленешты (Молдавская ССР)	30
Б. Н. Граков. Две заметки по скифо-сарматской археологии	38
И. В. Яценко. Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца	42
И. Д. Марченко. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея	51
В. Г. Петренко. Бронзовая бляха с головой грифона	54
Т. Г. Мовша. Глиняный штамп раннескифского времени из Плисков-Чернявки	57
П. Д. Либеров. Статуэтка собаки из кургана у села Мастюгино	60
И. И. Гущина. Несколько украшений конского убора скифского времени	66
А. К. Коровина. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году	70
Н. Г. Елагина. Новое позднескифское городище на Нижнем Днестре	74
М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах	77
К. Ф. Смирнов. Новые сарматские памятники на Бузулуке.	83
В. Д. Блаватский. Фракия и Северный Понт. (Впечатления об археологических памятниках Болгарии)	94
И. Т. Кругликова. Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки	97
Э. А. Симонович. Фибула с Нижнего Днепра с надписью	101
Н. П. Сорокина. Стекланный сосуд из Нижнего Поднестровья	103
Приложение: Результаты спектрального анализа (Ю. Л. Щапова)	107
Н. И. Сокольский. Каменные крышки амфор	108
М. М. Кобылина. Надгробие из Фанагории	112
А. П. Смирнов. Бронзовое очелье из Поволжья	115

ІІ. ХРОНИКА.

Работа секторов Института археологии в 1959—1960 годах. Сектор скифо-сарматской археологии (А. П. Смирнов)	118
Список сокращений	126

Краткие сообщения
о докладах и полевых исследованиях
Института археологии, выпуск 89

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *А. П. Гусева*
Корректор *М. А. Рафаэляни*

РИСО АН СССР № 115-88В. Сдано в набор 10/VII 1962 г.
Подписано к печати 22/X 1962 г. Формат 70 × 108^{1/16}
Печ. л. 8 + 2 вкл. 11 64 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
10,9(10,0 + 0,9 вкл.)
Тираж 1300 экз. Т-09397. Изд. № 900. Тип. зак. № 930

Цена 63 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
19	24 и 29 св.	торкесских	торческих
43	8 сн.	четко	нечетко
47	1 сн.	(увеличено в 1,5 раза)	(натур. величина)
54	1 св.	Гришенцы	Грищенцы
70	3 сн.	Райдукевич	Гайдукевич
103	8 сн.	Приднестровского	Приднепровского
122	30 св.	Дедяновом	Дедяковом
123	27 св.	Кожеменко	Кожемяко
123	31 св.	Тушкурганский	Ташкурганский